Б. СПИНОЗА.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ ТРАКТАТЪ

(Tractatus politicus).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО И ПРИМѢЧАНІЯ С. М. РОГОВИНА И Б. В. ЧРЕДИНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ
проф. С. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ
Н. Н. КЛОЧКОВА.

МОСКВА
1910.

Б. СПИНОЗА.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ ТРАКТАТЪ

(Tractatus politicus).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО И ПРИМѢЧАНІЯ С. М. РОГОВИНА И Б. В. ЧРЕДИНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ
проф. С. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ
Н. Н. КЛОЧКОВА.

МОСКВА
1910.

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева“. Петровка, Салтык. п., д. Т—ва, № 9.
1910.

Предисловіе.

Оставшійся недоконченнымъ „Политическій трактатъ“ Спинозы менѣе знаменитъ, чѣмъ его „Этика“ и „Теолого-политическій трактатъ“. Но это не отнимаетъ у него глубокаго интереса, какъ источника, восполняющаго наше пониманіе духовнаго облика Спинозы, а затѣмъ, какъ памятника въ исторіи развитія европейской политической мысли.

Мы узнаемъ здѣсь мощный натурализмъ Спинозы, который позволяетъ разсуждать о жгучихъ политическихъ проблемахъ „съ той же свободой духа, къ какой онъ привыкъ въ математическихъ вещахъ“, и который требуетъ „не осмѣивать, не оплакивать, не проклинать человѣческія дѣйствія, а понимать ихъ“. Онъ всецѣло здѣсь стоитъ на почвѣ знаменитаго ученія объ аффектахъ, даннаго въ этикѣ. Въ сущности вся политика есть лишь прикладная психологія аффектовъ, и въ качествѣ таковой должна быть совершенно отграничена отъ этики; ея область не должное, но сущее, и ея основной источникъ—опытъ: его Спиноза со всей рѣзкостью противопоставляетъ химерическимъ мечтаніямъ и благочестивымъ пожеланіямъ. Онъ никогда не забываетъ, что „всякій человѣкъ, будетъ ли онъ мудрымъ или невѣжественнымъ, составляетъ часть природы“ и естественное право—часть естественнаго порядка. Такъ долженъ смотрѣть на дѣло не только свободный изслѣдователь, который ищетъ только истины, но и человѣкъ, съ во-

лей котораго непосредственно связана судьба ему подобныхъ.

Безполезно создавать государственныя предписанія и законы, которые никогда не будутъ выполнены, такъ какъ мотивы, побуждающіе къ выполненію, всегда будутъ побѣждены противоположными, болѣе могущественными и болѣе первоначальными.

Великому мыслителю чужда всякая идеализація человѣческой природы, какое-либо преувеличенное представленіе о власти разума надъ аффектами, или о могуществѣ религіозныхъ предписаній—послѣднія гораздо убѣдительнѣе звучатъ надъ ложемъ умирающаго или подъ сводами храмовъ, чѣмъ въ общественныхъ собраніяхъ и судахъ. И для Спинозы, какъ и для Гоббса, люди и соединенія людей по природѣ склонны къ враждѣ, отъ разрушительныхъ послѣдствій которой можно уйти, лишь замѣнивъ естественное право правомъ гражданскимъ. Но онъ не дѣлаетъ отсюда того пагубнаго для человѣческой свободы вывода, передъ которымъ не остановился Гоббсъ: спокойствіе и порядокъ не требуютъ рабства; впрочемъ, если рабство, варварство и одиночество должно назвать миромъ, то ничего нѣтъ у людей болѣе жалкаго, чѣмъ миръ.

Нечего завидовать неизмѣнности и прочности турецкаго владычества. Самый миръ понимается Спинозой болѣе широко, чѣмъ простое отсутствіе смутъ и междуусобій: истинный миръ основывается на положительной энергіи нашего духа („pax non belli privatio, sed virtus est, quae ex animae fortitudine oritur“).

Сообразно съ различіемъ въ оцѣнкѣ свободы и политическія симпатіи Спинозы значительно отличаются

отъ симпатій Гоббса—и онѣ проявляются при всей объективной выдержанности его метода. Онъ не сторонникъ ни монархическаго абсолютизма, ни чистой олигархіи. И въ монархіяхъ и въ аристократіяхъ нужно искать противовѣсовъ, безъ которыхъ водворяется деспотизмъ, и между правителями и управляемыми создается пропасть. Здѣсь у Спинозы мы находимъ интересныя точки соприкосновенія съ характеристикой различныхъ политическихъ формъ и необходимостью внутри этихъ формъ противовѣсовъ, которую мы находимъ въ „Духѣ законовъ" Монтескье. Какъ любопытны, напримѣръ, замѣчанія о необходимыхъ различіяхъ въ земельномъ правѣ монархіи и аристократіи. Менѣе ясны для насъ взгляды Спинозы на демократію—глава, посвященная ей, обрывается. Можно, однако, думать, что и здѣсь Спиноза не сочувствуетъ крайнему проведенію принципа демократіи и здѣсь онъ ищетъ противовѣсовъ. Въ его глазахъ неравенство—естественный фактъ: „тотъ, кто хочетъ равенства среди неравныхъ, ищетъ нелѣпаго"—разсужденіе, примѣнимое не только къ неравенству между отдѣльными городами, входящими въ общее государственное цѣлое. Съ этой же точки зрѣнія недопустимо участіе въ политической жизни женщинъ, которыя всюду, какъ показываетъ опытъ, находятся подъ властью мужей.

Эти общія положенія провѣряются примѣрами, между которыми заслуживаетъ особаго интереса, помѣщенный въ концѣ IX главы разборъ причинъ, приведшихъ къ крушенію республиканскаго строя въ Голландіи. Менѣе оригинальны замѣчанія, касающіяся положенія религіи въ государствѣ. Они примыкаютъ къ теологополитическому трактату, на который Спиноза и ссылается.

Таковъ широкій кругъ вопросовъ, охваченный „Политическимъ трактатомъ“: все это главныя темы, надъ которыми задумывались политическіе мыслители почти съ того времени, когда наука о государствѣ эмансипировалась отъ теологическаго авторитета. Спиноза явился достойнымъ преемникомъ Макіавелли, въ которомъ онъ оцѣнилъ чрезвычайную тонкость мысли и глубокую преданность гражданской свободѣ. Въ то же время, при всемъ своеобразіи философскаго міросозерцанія, онъ оказался несомнѣнно предшественникомъ Монтескье и Руссо. Эта историческая важность вполнѣ оправдывала бы интересъ къ произведенію даже въ томъ случаѣ, если бы оно не принадлежало одному изъ самыхъ могущественныхъ умовъ въ исторіи человѣчества.

С. Котляревскій.

Отъ переводчиковъ.

Исторія написанія „Политическаго трактата" извѣстна намъ лишь по тѣмъ скуднымъ даннымъ, которыя имѣются въ письмѣ Спинозы, приводимомъ издателемъ „Opera posthuma" Jarig'омъ Jelles'омъ въ своемъ предисловіи. Ни адресатъ, ни дата этого письма неизвѣстны, и эти пробѣлы приходится пополнять догадками и предположеніями. Есть, именно, нѣкоторыя основанія предполагать, что письмо адресовано самому Jelles'у и что оно, какъ и самый трактактъ, написаны между 1755—7 годами. Постоянныя ссылки трактата на „Этику" дѣлаютъ, именно, вполнѣ вѣроятнымъ допущеніе, что къ тому моменту, когда „Трактатъ" началъ складываться въ свою теперешнюю редакцію, главное твореніе философа было уже окончательно завершено, что произошло, какъ извѣстно, въ 1675 г. Однако мысль высказаться опредѣленнѣе по вопросамъ политики возникла у философа еще нѣсколько лѣтъ до того. Въ подтвержденіе можно привести отрывокъ изъ письма, адресованнаго тому же Jelles'у и помѣченному 17 февр. 1671 г. „Нѣсколько времени тому назадъ", пишетъ Спиноза, „одинъ изъ моихъ друзей прислалъ мнѣ книжку, подъ заглавіемъ: „Homo Politicus" *), о которой я много слышалъ. Я просмотрѣлъ ее и убѣдился, что болѣе пагубное сочиненіе

---

*) Pollok (Spinoza, his life etc" p. 312) указываетъ (предположительно) на сочиненіе, зарегистрованное у Barbier, въ его „Dictionnaire des ouvrages anonymes" подъ № 20602. Его полное заглавіе: Homo politicus, hoc est, consiliarius novus, officiarius et aulicus secundum hodiernam praxin, auctore Pacifico a Lapide Cosmopoli, 1665.

трудно себѣ и представить. Высшимъ благомъ авторъ считаетъ почести и богатство. Въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ и строитъ свою доктрину, видя въ ней средство къ достиженію указанной цѣли. По его мнѣнію, именно, слѣдуетъ отрѣшиться внутренно отъ всякой религіи, наружно же признавать ту, которая наиболѣе способствуетъ жизненной карьерѣ. Въ дальнѣйшемъ онъ не стѣсняется превозносить до небесъ притворство, ложь, клятвопреступленіе. Когда я прочелъ все это, то мнѣ пришла въ голову мысль написать самому небольшое сочиненіе, направленное противъ этого автора, хотя и безъ упоминанія о немъ. Въ немъ я долженъ былъ бы разсмотрѣть природу высшаго блага, показать печальное положеніе тѣхъ, которые забываютъ все изъ-за почестей и богатствъ и, наконецъ, доказать очевидными доводами, что государства гибли и гибнутъ изъ-за ненасытной жажды почестей и богатствъ" (Epis. 47). Несомнѣнно также, что потрясшая все существо философа катастрофа, разразившаяся въ 1672 г., должна была вновь направить его мысль на выясненіе основныхъ условій устойчивости государственныхъ формъ.

Настоящій переводъ, задуманный еще два года тому назадъ, и являющійся первой *) попыткой передать въ

*) Когда настоящія строки была написаны и весь переводъ отпечатанъ появилась книга: Б. Спиноза, Политическій трактатъ. Переводъ подъ ред. Е. В. Спекторскаго. Варшава 1910—и однако мы считаемъ себя въ правѣ не брать нашихъ словъ обратно, ибо изъ варшавской передѣлки Спиноза вышелъ неузнаваемъ. Не будемъ, конечно, вступать въ полемику и укажемъ только, что до такой развязности, какъ переводъ „cura reipublicae" „попеченіемъ о публичной вещи" (и притомъ неоднократно) не доходилъ, кажется, ни одинъ изъ русскихъ переводчиковъ.

русской рѣчи „Политическій трактатъ", сдѣланъ съ изданія Брудера (Benedicti de Spinoza, Opera, quae supersunt, omnia vol. II), при чемъ имѣлись въ виду и послѣднее изданіе Ванъ-Флотена и Ланда и нѣмецкіе переводы Ауербаха, Кирхмана, Штерна и Гебгардта.

При переводѣ такого автора, какъ Спиноза, гоняться за стилистическими красотами, конечно, не приходится. На первомъ планѣ, поэтому, для переводчиковъ была точность, а затѣмъ та корректность рѣчи, которая хотя бы не оскорбляла литературнаго вкуса, ибо она, какъ никакъ, составляетъ conditio sine qua non безпрепятственнаго воспріятія мысли.

Вопросы терминологіи разрѣшены въ примѣчаніяхъ.

* * *

Первое столѣтіе своего существованія Спинозова теорія права и государства раздѣляла участь всей его философіи, т.-е. поруганіе или, въ лучшемъ случаѣ, забвеніе *). Въ дальнѣйшемъ однако пути ихъ историческихъ судебъ довольно рѣзко расходятся. Въ то время какъ чисто философскія построенія Спинозы начинаютъ привлекать общее вниманіе и въ началѣ XIX в. входятъ ингредіентомъ въ системы нѣмецкаго идеализма, его политическія теоріи попрежнему игнорируются или едва удостаиваются упоминанія. Теннеманъ, Гегель, Фейербахъ вовсе не упоминаютъ о ней въ своихъ „Исторіяхъ",

*) Слѣдуетъ упомянуть, впрочемъ, о значительныхъ выдержкахъ у Schmaussen „Neues System des Rechts der Natur", Göttingen 1754, s. 276 ff., упоминающаго о С. на ряду съ другими учителями естественнаго права.

Эрдманъ и Рикснеръ говорятъ вскользь и мимоходомъ *). При такомъ положеніи вещей работа теолога Зигварта „Vergleichung der Rects-und Staatstheorien des Spin. und des Hobb.“ 1842, трактующаго свой предметъ съ должнымъ вниманіемъ и интересомъ, можно счесть первымъ опытомъ реабилитаціи и возстановленія въ законныхъ правахъ. Но если до сихъ поръ политическая теорія Спинозы страдала отъ недостатка вниманія къ ней, то теперь наблюдается обратное: съ легкой руки Зигварта тема: „Ученіе Спинозы о правѣ и государствѣ“ и „Гоббесъ и Спиноза“ становятся излюбленной пробой пера молодыхъ нѣмецкихъ докторовъ и просто диллетантовъ**). И только за послѣднія два десятилѣтія можно замѣтить новыя теченія въ соотвѣтствующей литературѣ, что стоитъ, конечно, въ связи съ новымъ подъемомъ интереса къ системѣ Спинозы въ ея цѣломъ.

---

*) Опять-таки въ видѣ исключенія нужно указать на Buhle, который въ своей „Geschichte der neuern Philos“., 1801, Bd. III s. 562—630, даетъ объективное изложеніе Трактатовъ, довольствуясь, впрочемъ, по большей части, сокращеннымъ переводомъ текста.

**) Сюда можно отнести работы Kym'a, Horn'a, Dessauer'a, Kriegsmann'a, Gaspary, Otto, изъ русскихъ Яроша. О такихъ почтенныхъ общихъ трудахъ по исторіи политическихъ ученій, какъ Моля, Блюнчли, Чичерина, мы, конечно, не говоримъ.

Политическій трактатъ,

въ которомъ излагается и доказывается тотъ строй общества (какъ съ монархической, такъ и съ аристократической формой верховной власти), при коемъ само общество не впадетъ въ тиранію, а миръ и свобода гражданъ останутся въ неприкосновенности.

Изъ предисловія издателя посмертныхъ сочиненій Б. С.

Политическій трактатъ, написанный нашимъ авторомъ незадолго до кончины, отличается точностью разсужденій и ясностью стиля. Авторъ, оставивъ въ сторонѣ мнѣнія многочисленныхъ политиковъ, весьма основательно излагаетъ въ немъ свою мысль, не останавливаясь ни передъ какими выводами изъ предшествующаго. Въ первыхъ пяти главахъ онъ говоритъ о *политикѣ* вообще, въ шестой и седьмой о *монархіи*, въ восьмой, девятой и десятой объ *аристократіи*, и, наконецъ, одиннадцатая есть начало разсужденія о *демократической формѣ верховной власти*. Несвоевременная смерть помѣшала ему закончить этотъ трактатъ разсужденіями о *законахъ* и о *различныхъ вопросахъ*, касающихся политики, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго письма къ другу, письма, которое можетъ быть предпослано настоящему трактату въ качествѣ предисловія.

Дорогой другъ, твое любезное письмо было мнѣ вчера передано. Отъ души благодарю тебя за твои сердечныя заботы обо мнѣ. Я не упустилъ бы этого случая, если бы не былъ занятъ дѣломъ, которое считаю болѣе по-

лезнымъ и которое, думаю, и тебѣ доставитъ больше радости: я, именно, занятъ сочиненіемъ политическаго трактата, начатаго мною нѣсколько времени тому назадъ по твоему совѣту. Уже шесть главъ этого трактата окончены. Первая глава содержитъ какъ бы введеніе ко всему сочиненію. Вторая говоритъ о естественномъ правѣ, третья о правѣ верховной власти, четвертая о томъ, какія дѣла вѣдаетъ верховная власть, пятая о томъ послѣднемъ и наивысшемъ, къ чему можетъ стремиться общество, и шестая о томъ, каково должно быть устройство монархической формы верховной власти, чтобы она не выродилась въ тиранію. Въ настоящее время я пишу седьмую главу, въ которой методически доказываю всѣ отдѣльныя положенія предыдущей главы, касающіяся хорошо устроенной монархіи. Затѣмъ я перейду къ аристократической и народной формѣ верховной власти, и, наконецъ, къ законамъ и другимъ частнымъ вопросамъ, относящимся къ политикѣ. Прощай.

Изъ письма ясенъ планъ автора. Связанный, однако, болѣзнью и застигнутый смертью, онъ имѣлъ возможность довести сочиненіе только до конца разсужденія объ аристократіи, какъ увидитъ самъ читатель.

Оглавленіе *).

Глава I. Введеніе.

1—3. О теоріи и практикѣ въ политикѣ.
4. О планѣ автора.
5. О силѣ аффектовъ въ людяхъ.
6—7. Причинъ и естественныхъ основъ государства слѣдуетъ искать не въ указаніяхъ разума, но выводить изъ общей природы или строя людей.

Глава II. Объ естественномъ правѣ.

1. Право естественное и гражданское.
2. Сущность идеальная и реальная.
3—5. Что такое право природы.
6. Общепринятое мнѣніе о свободѣ. О паденіи перваго человѣка.
7—10. О свободѣ и необходимости.
11. Свободенъ тотъ, кто руководится разумомъ.
12. Объ обѣщаніи и его соблюденіи по естественному праву.
13. Объ общеніи между людьми.
14. Люди отъ природы враги.
15. Чѣмъ больше людей сходится воедино, тѣмъ больше всѣ вмѣстѣ имѣютъ права.
16. Каждый имѣетъ тѣмъ менѣе права, чѣмъ болѣе превосходятъ его могуществомъ всѣ остальные.
17. О верховной власти и трехъ ея видахъ.
18. Въ естественномъ состояніи преступленіе (peccatum) невозможно.
19—20. Что такое преступленіе и повиновеніе.
22. Свободный человѣкъ.
23. Справедливый и несправедливый.
24. Похвала и порицаніе.

---

*) Этотъ index составленъ Брудеромъ.

Глава III. О правѣ верховной власти.

1. Государство, дѣла правленія, граждане, подданные.
2. Право верховной власти—то же право природы.
3—4. По установленію государства гражданину не дозволено жить по своему усмотрѣнію.
5—9. Каждый гражданинъ не своеправенъ, но подчиненъ праву государства.
10. Вопросъ о религіи.
11—12. О правѣ верховной власти въ отношеніи ко всему остальному.
13. Два государства по природѣ враги.
14—18. О состояніи союза, войны, мира.

Глава IV. О политическихъ дѣлахъ.

1—3. О дѣлахъ, касающихся правленія.
4—6. Въ какомъ смыслѣ можно сказать, что государство совершаетъ преступленіе и въ какомъ—нельзя.

Глава V. О наилучшемъ состояніи верховной власти.

1. Наилучшимъ будетъ то, которое устанавливается по предписанію разума.
2—6. Цѣль гражданскаго состоянія. Наилучшее государство.
7. Макіавелли и его намѣренія.

Глава VI. О монархіи.

1—3. О причинахъ установленія государства.
4. О перенесеніи власти на одно лицо.
5—8. О природѣ монархіи.

Объ основахъ монархіи.

9. О городахъ.
10. Объ ополченіи и его вождяхъ.
11. О раздѣленіи гражданъ на роды.
12. О поляхъ и домахъ.
13—14. Объ избраніи царя и о знати.
15—16. О совѣтникахъ царя.
17—25. Объ обязанностяхъ верховнаго совѣта

26—29. О коллегіи, отправляющей правосудіе.
30. О другихъ подчиненныхъ коллегіяхъ.
31. О жалованіи ополченію.
31. О правѣ иностранцевъ.
33. О послахъ.
34. О придворныхъ царя и тѣлохранителяхъ.
35. О веденіи войны.
36. О бракѣ царя.
37. Государство должно быть недѣлимымъ.
38. О наслѣдникѣ престола.
39. О повиновеніи гражданъ.
40. О религіи.

Глава VII. О монархіи.

Доказательство основъ монархической формы верховной власти.

1. Монархъ избирается не абсолютнымъ. Персидскіе цари. Одиссей.
2. Основы монархической формы верховной власти суть наилучшія и истинныя.
3. Необходимо, чтобы монархъ имѣлъ совѣтниковъ
4. Необходимо избирать совѣтниковъ.
5. Право царя состоитъ въ правѣ выбора одного изъ мнѣній совѣта.

6—11. Польза этого верховнаго совѣта.
12. Ополченіе составляется исключительно изъ гражданъ.
13. Избраніе совѣтниковъ.
14—15. Безопасность царя. Историческіе примѣры.
16. Укрѣпленіе городовъ.
17. О вспомогательныхъ войскахъ и о вождяхъ ополченія.
18. Граждане должны различаться по родамъ.
19. Земля должна принадлежать государству.
20. Только нисходящіе царя причисляются къ знати.
21. Должность судьи должна быть ограничена срокомъ въ нѣсколько лѣтъ.
22. Ополченіе не должно получать никакого жалованья.
23. Объ иностранцахъ и кровныхъ родственникахъ царя.
24. Объ опасностяхъ, проистекающихъ изъ брака царя. Историческіе примѣры.

25. О престолонаслѣдіи.
26. О богопочитаніи.
27. Природа едина и обща всѣмъ людямъ.
28. О наиболѣе прочномъ государствѣ.
29. О томъ, что трудно скрыть намѣренія государства.
30. Примѣръ арагонскаго государства.
31. И при царѣ народъ можетъ сохранить достаточно широкую свободу.

Глава VIII. Объ аристократіи.

1. Что такое аристократія. Патриціи.
2. Въ аристократіи должно быть большое число патриціевъ.
3. Различіе между монархіей и аристократіей.
4—6. Аристократическая форма верховной власти ближе къ абсолютной, чѣмъ монархическая.
7. Она болѣе благопріятна сохраненію свободы.

Основы той формы аристократіи, гдѣ одинъ городъ является столицей всего государства.

8. Объ укрѣпленіи городовъ.
9. Объ войскѣ и его вождяхъ.
10. О необходимости продажи полей и земельныхъ участковъ.
11. О верховной коллегіи патриціевъ.
12. О причинахъ гибели аристократическаго государства.
13. Важнѣйшимъ закономъ этой формы верховной власти будетъ тотъ, который устраняетъ возможность постепеннаго перехода въ олигархію.
14—15. Патриціи должны выбираться изъ нѣкоторыхъ родовъ.
16. О мѣстѣ и времени собранія.
17. Объ обязанностяхъ верховной коллегіи.
18. Объ единоличномъ главѣ коллегіи.
19. Между патриціями должно соблюдаться равенство.
20—25. О синдикахъ и ихъ обязанностяхъ.
26—27. О государственныхъ должностяхъ.
28. Голосованіе должно производиться шарами.
29—33. О сенатѣ или второй коллегіи.

34—36. О предсѣдателяхъ сената и ихъ товарищахъ. Консулы.
37—41. О трибуналѣ или коллегіи судей.
42. Проконсулы (правители) городовъ и провинцій. Право сосѣднихъ городовъ.
43. Въ каждомъ городѣ должны быть судьи.
44. Чиновники должны избираться изъ плебса. О секретаряхъ.
45. О казначеяхъ.
46. О свободѣ религіи и слова.
47. О внѣшнихъ знакахъ отличія патриціанскаго достоинства.
48. О клятвѣ.
49. Объ академіяхъ и свободѣ преподаванія.

Глава IX. Объ аристократіи.

1. *О той формѣ аристократіи, при которой власть сосредоточена во многихъ городахъ.*
2. Объ единеніи нѣсколькихъ городовъ.
3. О томъ, что обще какъ той, такъ и другой формѣ аристократіи.
4. Сенатъ и судъ, какъ связь между городами.
5. Верховная коллегія государства и сенатъ.
6. О созывѣ этой коллегіи, объ избраніи вождей войска и пословъ, о предсѣдателяхъ отдѣловъ, судьяхъ и т. д.
7. О вождяхъ когортъ и военныхъ трибунахъ.
8. О пошлинахъ.
9. О доходахъ сенаторовъ и мѣстѣ собранія.
10. О коллегіяхъ и синдикахъ отдѣльныхъ городовъ.
11. Городскіе консулы.
12. Городскіе судьи.
13. О несвоеправныхъ городахъ.
14. Вторую форму аристократіи слѣдуетъ предпочесть первой.

Глава X. Объ аристократіи.

1. Важнѣйшая причина гибели аристократическихъ государствъ. О диктаторѣ.
2. О верховной коллегіи.
3. О римскихъ народныхъ трибунахъ.
4. Объ авторитетѣ синдиковъ.

5. Законы против роскоши.
6—7. Съ пороками слѣдуетъ бороться не прямо, но косвенно.
8. Вопросъ о почестяхъ и наградахъ.
9—10. Устойчивость аристократіи.

Глава XI.

1—2. Различіе между демократіей и аристократіей.
3. О природѣ демократіи.
4. О недопущеніи женщинъ къ управленію.

ГЛАВА I.

Введеніе.

1. Философы смотрятъ на волнующіе насъ аффекты, какъ на пороки, въ которые люди впадаютъ по своей винѣ; поэтому они имѣютъ обыкновеніе высмѣивать ихъ, порицать или клясть (послѣднимъ занимаются тѣ, что не прочь надѣть личину святости). Превознося такимъ образомъ на всѣ лады ту человѣческую природу, которой нигдѣ нѣтъ, и позоря ту, которая существуетъ на самомъ дѣлѣ, они убѣждены, что предаются самому возвышенному дѣлу и достигаютъ вершины мудрости. Ибо людей они берутъ не такими, каковы тѣ суть, а какими они хотѣли бы ихъ видѣть. Въ результатѣ чего, вмѣсто *этики* они, по большей части, писали *сатиру* и никогда не создавали политики, которая могла бы найти приложеніе; ихъ политика можетъ съ успѣхомъ сойти за химеру или осуществится въ Утопіи или въ томъ золотомъ вѣкѣ поэтовъ, гдѣ она нужна всего менѣе. Создалось, поэтому, убѣжденіе, что рознь между теоріей и практикой, имѣющаяся во всѣхъ прикладныхъ наукахъ, болѣе всего проявляется въ политикѣ; и никто не считается менѣе способнымъ къ управленію государствомъ, нежели теоретики или философы [1]).

2. Что же касается политиковъ, то, по общему убѣжденію, они скорѣе злоумышляютъ противъ людей, чѣмъ заботятся о нихъ, и слывутъ они скорѣе хитрыми, чѣмъ мудрыми. Опытъ, именно, научилъ ихъ тому, что пороки будутъ, доколѣ будутъ люди. Поэтому, когда они стремятся обуздать человѣческую злобу и притомъ тѣми пріемами, которымъ научилъ ихъ долгій опытъ и которые люди примѣняютъ, руководясь болѣе страхомъ, чѣмъ разумомъ,—они представляются дѣйствующими вразрѣзъ съ религіей, въ особенности теологамъ, убѣжденнымъ, что верховная власть должна вести государственныя дѣла въ согласіи съ тѣми же правилами благочестія, которыя обязательны для частнаго человѣка.

Не можетъ, однако, быть сомнѣнія въ томъ, что сами политики писали о политическихъ предметахъ съ бо́льшимъ успѣхомъ, нежели философы. Имѣя наставникомъ опытъ, они не учили ничему такому, что не могло бы найти приложенія [2]).

3. Для меня несомнѣнно, что опытъ показалъ всѣ виды государствъ, которыя можно только представить для согласной жизни людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ средства, пользуясь которыми можно управлять народомъ и сдерживать его въ извѣстныхъ границахъ; такъ что я не думаю, чтобы мы могли силою мышленія добиться въ этой области чего-нибудь такого, что, не идя вразрѣзъ съ опытомъ или практикой, не было, однако, до сихъ поръ испытано и испробовано. Вѣдь люди устроены такимъ образомъ, что не могутъ жить внѣ какого-нибудь общаго права: общее же право установлено и государственныя дѣла ведутся людьми наиспособнѣй-

шими (хотя бы и коварными или хитрыми); поэтому едва ли вѣроятно, чтобы мы могли придумать что-либо небезполезное всему обществу, на что не натолкнулъ еще случай и что просмотрѣли люди, занятые общими дѣлами и заботящіеся о своей безопасности [3]).

4. Итакъ, обращаясь мыслью къ политикѣ, я не имѣлъ въ виду высказать что-либо новое или неслыханное, но лишь доказать вѣрными и неоспоримыми доводами или вывести изъ самаго строя человѣческой природы то, что наилучшимъ образомъ согласуется съ практикой. И для того, чтобы относящееся къ этой наукѣ изслѣдовать съ тою же свободой духа, съ какой мы относимся обыкновенно къ предметамъ математики, я постоянно старался не осмѣивать человѣческихъ поступковъ, не огорчаться ими и не клясть ихъ, а понимать. И потому я разсматривалъ человѣческіе аффекты, какъ-то: любовь, ненависть, гнѣвъ, зависть, честолюбіе, состраданіе и прочія движенія души, не какъ пороки человѣческой природы, а какъ свойства, присущія ей такъ же, какъ къ природѣ воздуха принадлежатъ тепло, холодъ, непогода, громъ и все прочее въ томъ же родѣ; все это, хотя и причиняетъ неудобства, однакоже необходимо и имѣетъ опредѣленныя причины, черезъ которыя мы пытаемся познать ихъ природу, и истинное созерцаніе ихъ столь же радостно для духа, какъ и познаніе тѣхъ вещей, которыя пріятны чувствамъ [4]).

5. Вѣдь несомнѣнно (и въ нашей этикѣ мы доказали истинность этого), что люди необходимо подвержены аффектамъ и устроены такимъ образомъ, что къ тѣмъ, кому плохо, они чувствуютъ жалость, кому хорошо, зависть, и что они болѣе склонны къ мести, нежели къ

состраданію, и кромѣ того каждый стремится, чтобы другіе жили по его нраву, одобряли то, что онъ одобряетъ, и отвергали то, что отвергаетъ онъ. Въ результатѣ чего, когда всѣ равно стремятся быть первыми, они приходятъ въ столкновеніе и, насколько то зависитъ отъ нихъ, стараются одолѣть другъ друга; тотъ же, кто выходитъ побѣдителемъ, болѣе гордъ вредомъ, причиненнымъ другому, нежели пользой, принесенной себѣ. И хотя всѣмъ доподлинно извѣстно, что религія, наоборотъ, учитъ любить ближняго, какъ самого себя, т.-е. защищать право другого, наравнѣ со своимъ собственнымъ, однако знаніе объ этомъ, какъ мы показали, почти безсильно передъ аффектами. Оно сказывается, правда, на смертномъ одрѣ, когда именно смерть побѣдила самые аффекты, и человѣкъ лежитъ безпомощный, или въ храмахъ, гдѣ люди не занимаются дѣлами; но менѣе всего проявляется оно на форумѣ или во дворцѣ, гдѣ оно болѣе всего нужно. Мы показали кромѣ того, что разумъ можетъ, правда, многое сдѣлать для укрощенія и умѣренія аффектовъ, но въ то же время мы видѣли, что путь, указываемый самимъ разумомъ, почти неприступенъ, такъ что тѣ, кто тѣшитъ себя мыслью, что народъ или правящихъ можно склонить руководствоваться въ ихъ жизни однимъ разумомъ, тѣ грезятъ о золотомъ вѣкѣ поэтовъ или о сказкѣ [5]).

6. Поэтому государство (imperium), благоденствіе котораго зависитъ отъ чьей-либо совѣстливости и дѣла котораго могутъ вестись надлежащимъ образомъ только при томъ условіи, что занимающіеся ими захотятъ дѣйствовать добросовѣстно, будетъ наименѣе устойчивымъ; но для того, чтобы оно могло устоять, его дѣла должны быть

упорядочены такимъ образомъ, чтобы тѣ, кто направляетъ ихъ, не могли быть склонены къ недобросовѣстности или дурнымъ поступкамъ, все равно руководствуются ли они разумомъ или аффектами. Да для безопасности государства и не важно, какими мотивами руководствуются люди, надлежащимъ образомъ управляя дѣлами, лишь бы эти послѣднія управлялись надлежащимъ образомъ. Ибо свобода или твердость (fortitudo) души есть частная добродѣтель, добродѣтель же государства—безопасность (securitas) [6].

7. И, наконецъ, такъ какъ всѣ люди—какъ варвары, такъ и цивилизованные—повсюду находятся въ общеніи и образуютъ нѣкоторое гражданское состояніе, то ясно, что *причинъ и естественныхъ основъ государства* слѣдуетъ искать не въ указаніяхъ разума, но *выводить изъ общей природы или строя людей*. Это я и рѣшилъ сдѣлать въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА II.

О естественномъ правѣ.

1. Въ нашемъ богословско-политическомъ трактатѣ мы вели рѣчь о естественномъ и гражданскомъ правѣ и въ нашей этикѣ мы выяснили, что такое преступленіе (peccatum), заслуга, справедливость, несправедливость и, наконецъ, что такое человѣческая свобода. Но для того, чтобы читающіе этотъ трактатъ не имѣли нужды искать въ другихъ сочиненіяхъ то, что составляетъ существо настоящаго, я рѣшилъ вновь выяснить это здѣсь и съ обстоятельностью доказать [1]).

2. Каждая естественная вещь можетъ быть представлена адэкватно, независимо отъ того, существуетъ ли она или нѣтъ. Поэтому, какъ начало существованія естественныхъ вещей, такъ и ихъ пребываніе въ существованіи, не можетъ быть выведено изъ ихъ дефиниціи. Ибо ихъ идеальная сущность остается той же самой послѣ начала существованія, какой была до начала; но для продолженія существованія онѣ нуждаются въ той же мощи, въ какой нуждались для его начала. Изъ чего слѣдуетъ, что мощь естественныхъ вещей, которой

онѣ существуютъ, а, слѣдовательно, и дѣйствуютъ, не можетъ быть никакой другой, кромѣ самой вѣчной мощи Бога. Вѣдь если бы это была какая-нибудь другая, сотворенная, то она не могла бы сохранить самое себя, а, слѣдовательно, и другія естественныя вещи; но сама для пребыванія въ существованіи нуждалась бы въ той же мощи, въ какой нуждалась для его начала [2]).

3. Отсюда же, т.-е. изъ того, что мощь естественныхъ вещей, которой они существуютъ и дѣйствуютъ, есть сама мощь Бога, мы легко поймемъ, что такое *право природы*. Вѣдь такъ какъ Богъ имѣетъ право на все, и право Бога есть не что иное, какъ сама мощь Бога, поскольку она разсматривается, какъ абсолютно свободная, то отсюда слѣдуетъ, что каждая естественная вещь имѣетъ отъ природы столько права, сколько имѣетъ мощи для существованія и дѣйствованія; ибо мощь каждой естественной вещи, которой она существуетъ и дѣйствуетъ, есть не что иное, какъ сама мощь Бога, которая абсолютно свободна.

4. Итакъ подъ *правомъ природы* я понимаю законы или правила, согласно коимъ все совершается, т.-е. самую мощь природы. И потому естественное право всей природы и, слѣдовательно, каждаго индивидуума простирается дотолѣ, доколѣ простирается ихъ мощь, и, слѣдовательно, что́ каждый человѣкъ совершаетъ по законамъ своей природы, то онъ совершаетъ по высшему праву природы, и имѣетъ въ отношеніи природы столько права, какой мощью обладаетъ [3]).

5. Если бы съ человѣческой природой дѣло обстояло такимъ образомъ, что люди жили бы по предписанію разума и не уклонялись бы въ сторону, то право при-

роды, поскольку оно разсматривается, какъ свойственное человѣческому роду, опредѣлялось бы одной мощью разума. Но люди слѣдуютъ скорѣе руководству слѣпого желанія, чѣмъ разума; и потому *естественная мощь* или *право людей* должно дефинироваться не разумомъ, но тѣмъ влеченіемъ (appetitu), которое опредѣляетъ ихъ къ дѣйствію и которымъ они стремятся сохранить себя. Я признаю, конечно, что тѣ желанія, которыя возникаютъ не изъ разума, суть не столь дѣятельныя состоянія человѣка (actiones), сколь страдательныя (passiones). Но такъ какъ мы говоримъ здѣсь о совокупной мощи природы или правѣ, то съ этой точки зрѣнія мы не можемъ признать никакой разницы между желаніями, возникающими изъ разума, и желаніями, возникающими изъ другихъ причинъ; ибо, какъ тѣ, такъ и другія, суть дѣйствія природы и выражаютъ ту естественную силу, которой человѣкъ стремится утвердиться въ своемъ бытіи. Вѣдь человѣкъ—мудръ ли онъ или невѣжественъ—есть часть природы, и все то, чѣмъ каждый опредѣляется къ дѣйствію, должно быть отнесено къ мощи природы, поскольку, именно, она можетъ быть дефинирована природой того или другого человѣка. Ибо человѣкъ—все равно, слѣдуетъ ли онъ руководству разума или одного только желанія—дѣйствуетъ исключительно лишь по законамъ и правиламъ природы, т.-е. (согл. § 4 наст. гл.) по естественному праву [4]).

6. Большинство же убѣждено въ томъ, что невѣжды скорѣе нарушаютъ порядокъ природы, нежели слѣдуютъ ему, и что люди въ природѣ являются какъ бы государствомъ въ государствѣ. Ибо, по ихъ мнѣнію, духъ не создается какими-либо естественными причинами, но

творится непосредственно Богомъ и настолько независимъ отъ остальныхъ вещей, что имѣетъ абсолютную власть самоопредѣленія и надлежащаго пользованія разумомъ. Но опытъ съ полной убѣдительностью учитъ насъ тому, что не болѣе въ нашей власти имѣть здравый духъ, чѣмъ здоровое тѣло. Засимъ, такъ какъ каждая вещь стремится, поскольку то зависитъ отъ нея, сохранить свое бытіе, то мы отнюдь не можемъ сомнѣваться въ томъ, что, будь равно въ нашей власти, какъ жить по предписанію разума, такъ и руководствоваться слѣпымъ желаніемъ, всѣ руководствовались бы разумомъ и мудро устроили свою жизнь; что бываетъ весьма рѣдко. Nam trahit sua quemque voluptas. Не разрѣшаютъ этой трудности и тѣ теологи, которые утверждаютъ, что причиной этой немощности является порокъ человѣческой природы или грѣхъ, ведущій начало отъ грѣхопаденія прародителя. Вѣдь если во власти перваго человѣка было, какъ устоять, такъ и пасть, и если, при полномъ обладаніи своимъ духомъ, онъ былъ неиспорченъ по природѣ, то кто могъ добиться того, чтобы онъ, знающій и разумный, все же палъ? „Онъ былъ обманутъ дьяволомъ"—отвѣчаютъ на это. Но кто же былъ обманувшій самого дьявола? Кто, спрашиваю я, сдѣлалъ его самого, совершеннѣйшее изъ всѣхъ разумныхъ созданій, столь безумнымъ, что онъ захотѣлъ стать выше Бога? Развѣ не стремился онъ, существо съ нетронутымъ порчею духомъ, сохранить, насколько то зависѣло отъ него, себя самого и свое бытіе? Засимъ, кто могъ добиться, чтобы первый человѣкъ, располагавшій своимъ духомъ и бывшій господиномъ своей воли, былъ обольщенъ и позволилъ лишить себя господства надъ

духомъ? Ибо если бы въ его власти было надлежаще пользоваться разумомъ, то онъ не могъ бы быть обманутъ; вѣдь онъ необходимо долженъ былъ стремиться сохранить, поскольку то зависѣло отъ него, свое бытіе и свой здравый духъ. Но предполагается, что это было въ его власти; слѣдовательно, онъ необходимо долженъ былъ сохранить свой здравый духъ и не могъ быть обманутъ. Но его исторія свидѣтельствуетъ объ обратномъ. И потому слѣдуетъ признать, что надлежащее пользованіе разумомъ не было во власти перваго человѣка, но что онъ, какъ и мы, былъ подверженъ афектамъ [5]).

7. А что человѣкъ, какъ и прочіе индивидуумы, стремится, поскольку то зависитъ отъ него, сохранить свое бытіе—этого отрицать никто не можетъ. Ибо если здѣсь можетъ быть представлено какое-нибудь различіе, то оно должно проистекать изъ того, что человѣкъ обладаетъ свободной волей. Но чѣмъ свободнѣе будемъ мы представлять себѣ человѣка, тѣмъ болѣе будемъ мы вынуждены допустить, что онъ необходимо долженъ сохранять себя и владѣть своимъ духомъ—съ этимъ охотно согласится всякій, не смѣшивающій свободы со случайностью. Ибо *свобода* есть добродѣтель или совершенство. Поэтому все, что обличаетъ немощность человѣка, не можетъ относиться къ свободѣ. Вслѣдствіе этого человѣкъ менѣе всего можетъ быть названъ *свободнымъ* на томъ основаніи, что онъ можетъ не существовать или не пользоваться разумомъ; но лишь поскольку онъ властенъ существовать и дѣйствовать согласно законамъ человѣческой природы. Поэтому чѣмъ болѣе свободнымъ будемъ мы представлять себѣ чело-

вѣка, тѣмъ менѣе сможемъ мы сказать, что онъ можетъ не пользоваться своимъ разумомъ или предпочитать зло добру; и потому Богъ, который абсолютно свободно существуетъ, мыслитъ и дѣйствуетъ, мыслитъ и дѣйствуетъ также необходимо, а именно по необходимости своей природы. Ибо несомнѣнно, что Богъ дѣйствуетъ съ тою же необходимостью, съ какой существуетъ. Поэтому какъ существуетъ онъ по необходимости своей природы, такъ и дѣйствуетъ по необходимости своей природы, т.-е. дѣйствуетъ абсолютно свободно.

8. Итакъ мы заключаемъ, что не во власти каждаго человѣка всегда пользоваться своимъ разумомъ и быть на самой вершинѣ человѣческой свободы; и однакоже каждый стремится, поскольку то зависитъ отъ него, сохранить свое бытіе и чего бы каждый—все равно мудрецъ ли онъ или невѣжда—не добивался и не дѣлалъ, онъ добивается и дѣлаетъ по высшему праву природы (ибо каждый человѣкъ имѣетъ столько права, сколько мощи). Изъ чего слѣдуетъ, что право и строй природы, подъ которымъ всѣ люди рождаются и большею частью живутъ, не запрещаетъ ничего, кромѣ того, чего никто не хочетъ и никто не можетъ, ни распрей, ни ненависти, ни гнѣва, ни хитростей, и ни одно влеченіе не идетъ вразрѣзъ съ нимъ. И не удивительно. Вѣдь природа подчинена не законамъ человѣческаго разума, которые имѣютъ въ виду лишь сохраненіе и истинную пользу людей, но безконечному числу другихъ, сообразующихся съ вѣчнымъ порядкомъ всей природы (коей человѣкъ есть частица), одной необходимостью котораго всѣ индивидуумы опредѣляются извѣстнымъ образомъ къ существованію и дѣйствованію. Поэтому,

если намъ что-либо въ природѣ представляется смѣшнымъ, нелѣпымъ или дурнымъ, то это происходитъ отъ того, что мы знаемъ вещи лишь отчасти и остаемся по большей части въ невѣдѣнiи относительно порядка и связи всей природы, и отъ того, что намъ хочется, чтобы все направлялось по предписанiю нашего разума; въ то время какъ то, что разумъ объявляетъ зломъ, не есть зло въ отношенiи порядка и законовъ совокупной природы, но лишь въ отношенiи законовъ одной нашей природы [6]).

9. Изъ этого, кромѣ того, слѣдуетъ, что каждый бываетъ чужеправнымъ (alterius juris) до тѣхъ поръ, пока находится подъ властью другого, и своеправнымъ (sui juris) постольку, поскольку можетъ отразить всякое насилiе, отомстить по своему желанiю за нанесенный ему вредъ и, вообще, поскольку онъ можетъ жить по своему усмотрѣнiю [7]).

10. Одинъ человѣкъ имѣетъ подъ властью другого въ томъ случаѣ, если держитъ его связаннымъ или лишилъ его орудiй и средствъ для самозащиты или бѣгства, или настолько привязалъ къ себѣ благодѣянiями, что тотъ предпочитаетъ его верховенство своему собственному и хочетъ жить лучше по его указкѣ, чѣмъ по своей. Тотъ, кто имѣетъ другого во власти первымъ или вторымъ способомъ, держитъ во власти только его тѣло, но не духъ. При третьемъ же и четвертомъ способѣ онъ подчиняетъ своему праву, какъ духъ, такъ и тѣло другого; однако лишь при условiи продолженiя страха или надежды, при устраненiи которыхъ другой остается своеправнымъ.

11. Способность сужденiя также постольку можетъ быть чужеправной, поскольку духъ можетъ быть, вве-

денъ въ заблужденіе другимъ. Изъ чего слѣдуетъ, что духъ постольку является вполнѣ своеправнымъ, поскольку онъ можетъ надлежащимъ образомъ пользоваться разумомъ. Далѣе, такъ какъ человѣческая мощь должна оцѣниваться не столь по крѣпости тѣла, сколь по силѣ духа, то отсюда слѣдуетъ, что тѣ наиболѣе своеправны, разумъ которыхъ наиболѣе обширенъ и которые наиболѣе имъ руководствуются. И потому я вообще называю человѣка *свободнымъ* лишь поскольку онъ руководствуется разумомъ, ибо постольку онъ опредѣляется къ дѣйствованію причинами, которыя могутъ быть адэкватно поняты изъ его природы, хотя ими онъ опредѣляется къ дѣйствованію необходимо. Ибо свобода (какъ мы показали въ § 7 наст. гл.) не уничтожаетъ необходимости дѣйствованія, но предполагаетъ.

12. Если кто-нибудь далъ другому обѣщаніе, подтвержденное лишь словами, сдѣлать что-нибудь такое, отъ чего онъ по своему праву могъ бы и воздержаться или наоборотъ, то оно остается дѣйствительнымъ до тѣхъ поръ, пока не измѣняется воля того, кто его далъ. Ибо тотъ, кто властенъ нарушить обѣщаніе, тотъ на самомъ дѣлѣ не переставалъ быть своеправнымъ: его обѣщаніе было пустыми словами. Поэтому, если онъ самъ, являющійся по праву природы своимъ собственнымъ судьей, сочтетъ — правильно или неправильно (ибо ошибаться свойственно человѣку)—что изъ даннаго обѣщанія проистечетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, то онъ въ силу своего убѣжденія рѣшаетъ, что нужно нарушить обѣщаніе и дѣлаетъ такъ въ согласіи съ правомъ природы (согл. § 9 наст. гл.)[8].

13. Если бы двое оказались въ согласіи и соединили свои силы, то вмѣстѣ они могутъ больше и, слѣдовательно, вмѣстѣ имѣютъ больше права въ отношеніи природы, чѣмъ каждый въ отдѣльности; и чѣмъ болѣе людей соединятся такимъ образомъ, тѣмъ болѣе будутъ имѣть они права.

14. Поскольку люди обуреваются гнѣвомъ, завистью или какимъ-нибудь другимъ ненавистническимъ аффектомъ, постольку они влекутся врозь и другъ другу враждебны; и потому они должны внушать тѣмъ бо́льшій страхъ, насколько болѣе они могутъ и насколько они хитрѣе и коварнѣе по сравненіи съ остальными животными. Но такъ какъ люди по природѣ въ высокой степени подвержены этимъ аффектамъ (какъ мы сказали въ § 5 пред. гл.), то люди, слѣдовательно, отъ природы враги. Ибо тотъ есть для меня величайшій врагъ, кого я долженъ наиболѣе бояться и наиболѣе остерегаться [9]).

15. Но такъ какъ (согл. § 9 наст. гл.) въ естественномъ состояніи каждый остается своеправнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ можетъ оберечь себя отъ притѣсненія со стороны другихъ и такъ какъ тщетно стремился бы уберечь себя одинъ отъ всѣхъ, то отсюда слѣдуетъ, что пока естественное право людей опредѣляется мощью каждаго и принадлежитъ каждому въ отдѣльности, до тѣхъ поръ оно ничтожно, но существуетъ скорѣе въ воображеніи, нежели въ дѣйствительности, ибо осуществленіе его совершенно не обезпечено. И несомнѣнно, что каждый тѣмъ менѣе можетъ и тѣмъ менѣе, слѣдовательно, имѣетъ права, чѣмъ бо́льшую имѣетъ причину страха. Къ тому же люди едва ли могли бы безъ взаимной помощи поддерживать жизнь и изощрять свой

духъ. И потому мы заключаемъ, что естественное право, свойственное человѣческому роду, едва ли можетъ быть представлено внѣ того условія, что люди, имѣя общее право, могли бы совмѣстно завладѣть землями, которыя они могутъ населять и обрабатывать, укрѣпиться, отразить всякое насиліе и жить по общему рѣшенію всѣхъ. Ибо чѣмъ болѣе людей сходится такимъ образомъ воедино, тѣмъ болѣе права они вмѣстѣ имѣютъ; и если схоластики по этой причинѣ (т.-е. потому, что въ естественномъ состояніи для людей почти невозможно быть своеправными) называютъ человѣка *животнымъ общественнымъ*, то я ничего не имѣю возразить имъ[10]).

16. Несомнѣнно, что тамъ, гдѣ люди имѣютъ общее право и всѣ руководимы какъ бы единымъ духомъ, каждый изъ нихъ имѣетъ тѣмъ менѣе права, чѣмъ болѣе превосходятъ его мощью всѣ остальные вмѣстѣ (согл. § 13 наст. гл.), т.-е. онъ не имѣетъ, на самомъ дѣлѣ, по природѣ никакого другого права, кромѣ того, которое уступаетъ ему общее право. Онъ обязанъ исполнять все, что бы не повелѣвалось ему съ общаго согласія (согл. § 4 наст. гл.) или же онъ по праву будетъ принужденъ къ этому.

17. Это право, дефинируемое мощью народа (multitudinis), обыкновенно называется *верховной властью* (imperium). Она сосредоточена абсолютно въ рукахъ того, на кого съ общаго согласія возложена забота о дѣлахъ правленія, а именно установленіе, истолкованіе и отмѣна права, укрѣпленіе городовъ, рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ и т. д. Если это попеченіе лежитъ на коллегіи, составляющейся изъ всего народа, то форма верховной власти называется *демократіей*, если на коллегіи, въ

которую входятъ только избранные — *аристократіей*, и если, наконецъ, забота о дѣлахъ правленія и, слѣдовательно, верховная власть возложена на одно лицо—*монархіей* [11]).

18. Изъ изложеннаго въ этой главѣ для насъ становится яснымъ, что въ естественномъ состояніи не существуетъ преступленія, или же тотъ, кто совершаетъ преступленіе, грѣшитъ не противъ другого, а противъ себя; ибо по естественному праву никто не обязанъ, если не хочетъ, ни сообразоваться съ другимъ, ни считать что-либо добромъ или зломъ, кромѣ признаваемаго добромъ или зломъ по собственному усмотрѣнію; и естественное право не запрещаетъ рѣшительно ничего, кромѣ того, чего никто не можетъ. Смотри § 5 и 8 наст. гл. Преступленіе же есть дѣяніе, которое не можетъ быть совершено по праву. Если бы люди по установленію природы были обязаны руководствоваться разумомъ, то всѣ они необходимо руководствовались бы имъ. Ибо установленія природы суть установленія Бога (по § 2 и 3 наст. гл.), которыя Богъ установилъ съ той же свободой, съ какой Онъ существуетъ, и которыя поэтому вытекаютъ изъ необходимости божественной природы (см. § 7 этой гл.) и, слѣдовательно, не могутъ быть нарушены. Но люди руководятся болѣе всего чуждымъ разуму влеченіемъ и однако не нарушаютъ порядка природы, но необходимо ему слѣдуютъ; и потому невѣжда и немощный духомъ не болѣе обязанъ по естественному праву разумно устроить жизнь, чѣмъ больной обязанъ быть здоровымъ.

19. Итакъ, преступленіе можетъ быть представлено только въ государствѣ, гдѣ, именно, по общему праву

государства рѣшается, что есть добро и что зло, и гдѣ никто не дѣйствуетъ ни въ чемъ по праву (по § 16 наст. гл.), если не дѣйствуетъ съ общаго рѣшенія и согласія. *Преступленіе* же (какъ мы сказали въ пред. §) есть то, что не можетъ быть совершено по праву или запрещенное правомъ, а *повиновеніе* есть неуклонная воля исполнять то, что по праву есть добро и должно совершиться въ силу общаго рѣшенія,

20. Но обыкновенно мы называемъ *преступленіемъ* и то, что совершается вопреки повелѣнію здраваго разума, а *повиновеніемъ*—неуклонную волю умѣрять влеченія по предписанію разума, и я былъ бы всецѣло съ этимъ согласенъ, если бы человѣческая свобода заключалась въ своеволіи влеченій, а рабство во власти разума. Но такъ какъ человѣческая свобода тѣмъ больше, чѣмъ болѣе человѣкъ можетъ руководиться разумомъ и умѣрять влеченія, то мы не можемъ (развѣ только въ очень отдаленномъ смыслѣ) называть разумную жизнь—повиновеніемъ, а грѣхомъ то, что на самомъ дѣлѣ есть немощность духа, а не своеволіе его по отношенію къ самому себѣ, и благодаря чему человѣкъ можетъ быть названъ скорѣе рабомъ, чѣмъ свободнымъ. Смотри § 7 и 11 наст. гл.

21. Но такъ какъ съ другой стороны разумъ учитъ блюсти благочестіе и хранить душевное спокойствіе и доброжелательность—что возможно лишь въ государствѣ,—и такъ какъ кромѣ того народъ не можетъ быть руководимъ какъ бы единымъ духомъ (какъ это необходимо въ государствѣ), если онъ не имѣетъ права, установленнаго по предписанію разума, то, слѣдовательно, люди, привыкшіе жить въ государствѣ, не столь

уже неправильно называютъ преступленіемъ то, что совершается вопреки велѣнію разума. Почему же я сказалъ (§ 18 наст. гл.), что человѣкъ въ естественномъ состояніи если и совершаетъ преступленіе, то противъ самого себя, объ этомъ смотри гл. 4 § 4 и 5, гдѣ показано, въ какомъ смыслѣ мы можемъ сказать, что тотъ, кто обладаетъ верховной властью и подлежитъ естественному праву, все же подчиненъ законамъ и можетъ совершать преступленіе.

22. Что касается религіи, то несомнѣнно также, что *человѣкъ тѣмъ болѣе свободенъ и тѣмъ болѣе вѣренъ самому себѣ*, чѣмъ болѣе онъ любитъ Бога и чтитъ Его всей душой. Но поскольку мы имѣемъ въ виду не порядокъ природы, намъ неизвѣстный, но лишь велѣнія разума, касающіяся религіи, и въ то же время принимаемъ въ соображеніе, что эти велѣнія открыты намъ Богомъ, какъ бы говорящимъ въ насъ самихъ, или же были открыты пророкомъ, какъ законы, постольку мы, приспособляясь къ общепринятому словоупотребленію, говоримъ, что тотъ человѣкъ повинуется Богу, который любитъ Его всей душой, и, наоборотъ, тотъ совершаетъ преступленіе, который руководится слѣпымъ желаніемъ. Но мы между тѣмъ не должны забывать, что мы находимся во власти Бога, какъ глина во власти горшечника, который изъ одной и той же смѣси дѣлаетъ одни сосуды для почетнаго употребленія, другіе для низкаго [12]); и потому человѣкъ можетъ, правда, совершать что-либо вопреки этимъ рѣшеніямъ Бога, поскольку они были начертаны въ нашемъ духѣ или въ духѣ пророковъ, но не вопреки вѣчному рѣшенію Бога, начертанному въ совокупной природѣ и относящагося къ порядку всей природы.

23. Итакъ, какъ преступленіе и повиновеніе въ строгомъ смыслѣ, такъ и справедливость и несправедливость могутъ быть представлены только въ государствѣ. Ибо въ природѣ нѣтъ ничего такого, о чемъ можно сказать, что оно по праву принадлежитъ одному, а не другому; но все принадлежитъ всѣмъ, тѣмъ, именно, въ чьей власти его себѣ присвоить. Въ государствѣ же, гдѣ по общему праву рѣшается, что принадлежитъ одному и что другому, тотъ называется справедливымъ, кто имѣетъ неуклонную волю воздавать каждому должное ему; несправедливымъ же, наоборотъ, тотъ, кто стремится присвоить себѣ принадлежащее другому.

24. Въ нашей этикѣ мы уже выяснили, что похвала и порицаніе суть аффекты радости и печали, сопровождаемыя, какъ причиной, идеей добродѣтели или человѣческой немощности [13]).

ГЛАВА III.

О правѣ верховной власти.

1. Наличность какой бы то ни было верховной власти (imperium) создаетъ *гражданское* состояніе, совокупное же тѣло верховной власти называется *государствомъ* (civitas), а общія дѣла верховной власти, направляемыя тѣмъ, въ чьихъ рукахъ верховная власть, именуются *дѣлами правленія* (respublica). Затѣмъ, люди, поскольку они по праву гражданскому пользуются всѣми выгодами государства, называются *гражданами*, а поскольку они обязаны подчиняться установленіямъ или законамъ государства—*подданными*. Наконецъ, какъ мы сказали въ § 17 пред. гл., существуютъ три вида гражданскаго состоянія, а именно: *демократическій*, *аристократическій* и *монархическій*. Но прежде чѣмъ начать говорить о каждомъ въ отдѣльности, я раньше докажу то, что относится къ гражданскому состоянію вообще; изъ этого же слѣдуетъ прежде всего разсмотрѣть верховное право государства или верховной власти.

2. Изъ § 15 пред. гл. явствуетъ, что право верховной власти есть не что иное, какъ естественное право, но опредѣляемое не мощью каждаго въ отдѣльности, а мощью народа, руководимаго какъ бы единымъ ду-

хомъ, т.-е. какъ отдѣльный человѣкъ въ естественномъ состояніи, точно такъ же тѣло и духъ всей верховной власти имѣютъ столько права, сколько мощи. А потому каждый отдѣльный гражданинъ или подданный имѣетъ тѣмъ менѣе права, чѣмъ само государство могущественнѣе его, (см. § 16 пред. гл.) и, слѣдовательно, каждый гражданинъ только тогда дѣйствуетъ по праву и по праву обладаетъ чѣмъ-либо, когда можетъ защищать это съ общаго рѣшенія государства.

3. Если государство уступаетъ кому-либо право, а слѣдовательно и власть (ибо въ противномъ случаѣ (по § 12 пред. гл.) все сведется къ однимъ словамъ) жить по своему усмотрѣнію, то тѣмъ самымъ оно отказывается отъ своего права и переноситъ его на того, кому дало такую власть. Если же оно дало такую власть двумъ или многимъ лицамъ, чтобы, именно, каждый жилъ по своему усмотрѣнію, то тѣмъ самымъ оно раздѣлило верховную власть, и если, наконецъ, оно дало эту власть каждому изъ гражданъ, то тѣмъ самымъ оно разрушило само себя, и нѣтъ уже болѣе государства, но все возвращается въ естественное состояніе—все это съ полной очевидностью вытекаетъ изъ предыдущаго. И отсюда слѣдуетъ, что нельзя никоимъ образомъ себѣ представить, чтобы каждому гражданину по установленію государства было дозволено жить по своему усмотрѣнію, и, слѣдовательно, то естественное право, что каждый является своимъ судьей, въ гражданскомъ состояніи необходимо прекращается. Я намѣренно подчеркиваю: *по установленію государства*, ибо естественное право каждаго (въ чемъ мы убѣдимся, если надлежащимъ образомъ разсмотримъ вопросъ) въ гражданскомъ

состоянiи не прекращается. Вѣдь человѣкъ, какъ въ естественномъ состоянiи, такъ и въ гражданскомъ, дѣйствуетъ по законамъ своей природы и сбразуется со своей пользой. Человѣкъ, говорю я, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ состоянiи побуждается страхомъ или надеждою къ тому, чтобы что-нибудь сдѣлать или отъ чего-нибудь воздержаться; но главное различiе между ними заключается въ томъ, что въ гражданскомъ состоянiи всѣ боятся одного и того же, и для всѣхъ одна и та же причина безопасности и общiй укладъ жизни, что, конечно, не сводитъ на нѣтъ способности сужденiя каждаго. Тотъ, кто рѣшилъ повиноваться всѣмъ приказамъ государства—потому ли, что боится его мощи или потому, что цѣнитъ свое спокойствiе — тотъ, конечно, сообразуется по своему усмотрѣнiю со своей безопасностью и пользой [1]).

4. Мы не можемъ, далѣе, также представить себѣ, чтобы каждому гражданину было дозволено толковать рѣшенiя или законы государства. Вѣдь если бы это было дозволено каждому, то тѣмъ самымъ онъ сталъ бы своимъ собственнымъ судьей, ибо никакого труда не стоило бы ему извинить или прикрасить свои дѣянiя видимостью права, и, слѣдовательно, онъ устроилъ бы свою жизнь по своему усмотрѣнiю, что (согл. пред. §) нелѣпо.

5. Итакъ мы видимъ, что *каждый гражданинъ не своеправенъ, но подчиненъ праву государства*, всѣ приказы коего онъ обязанъ исполнять, и что онъ не имѣетъ никакого права рѣшать вопросъ о справедливомъ, несправедливомъ, благочестивомъ или неблагочестивомъ. Но, наоборотъ, такъ какъ тѣло верховной власти должно

быть руководимо какъ бы единымъ духомъ [2]), и, слѣдовательно, волю государства слѣдуетъ считать за волю всѣхъ, то каково бы ни было рѣшеніе государства относительно справедливаго и добраго, таковое должно быть признано рѣшеніемъ каждаго въ отдѣльности. И потому гражданинъ обязанъ исполнять приказы государства, хотя бы онъ и считалъ ихъ несправедливыми.

6. Но могутъ возразить: не идетъ ли столь полное подчиненіе сужденію другого вразрѣзъ съ велѣніемъ разума? и не противорѣчитъ ли, слѣдовательно, гражданское состояніе разуму? Изъ чего слѣдовало бы, что гражданское состояніе противоразумно и могло бы быть установлено лишь людьми лишенными разума, но менѣе всего тѣми, которые руководятся разумомъ. Но такъ какъ разумъ не учитъ ничему вразрѣзъ съ природой, то, слѣдовательно, здравый разумъ не можетъ повелѣвать, чтобы каждый оставался своеправнымъ, доколѣ люди подвержены аффектамъ (согл. § 15 пред. гл.), т.-е. (согл. § 5 гл. 1) разумъ отрицаетъ возможность этого. Прибавь еще, что разумъ вообще учитъ искать мира, который можетъ быть достигнутъ только въ томъ случаѣ, если не будетъ нарушаться общее право государства; и потому, чѣмъ болѣе человѣкъ руководится разумомъ, т.-е. (согл. § 11 пред. гл.) чѣмъ болѣе онъ свободенъ, тѣмъ неуклоннѣе будетъ онъ блюсти право государства и исполнять приказы верховной власти, коей онъ подданный. Къ этому нужно еще присоединить, что гражданское состояніе устанавливается по естественному ходу вещей для устраненія общаго страха и во избѣжаніе общихъ бѣдъ, и поэтому оно стремится болѣе всего къ тому, чего тщетно (согл. § 15 пред. гл.)

добивается въ естественномъ состоянiи каждый руководящiйся разумомъ. Въ виду этого, если человѣку, руководящемуся разумомъ, приходится иногда по приказу государства дѣлать то, что, какъ онъ знаетъ, противорѣчитъ разуму, то этотъ ущербъ съ избыткомъ возмѣщается тѣмъ добромъ, которое онъ черпаетъ въ гражданскомъ состоянiи. Вѣдь выбирать изъ двухъ золъ меньшее, также является закономъ разума; и поэтому мы можемъ заключить, что никто не дѣйствуетъ вопреки предписанiю своего разума, поскольку онъ дѣйствуетъ такъ, какъ надлежитъ по праву государства; въ чемъ охотнѣе согласится съ нами каждый, послѣ того какъ мы выяснимъ, доколѣ простирается мощь, а слѣдовательно и право государства.

7. Здѣсь, во-первыхъ, нужно принять въ соображенiе, что какъ въ естественномъ состоянiи (согл. § 11 пред. гл.) тотъ человѣкъ будетъ наиболѣе мощнымъ и наиболѣе своеправнымъ, который руководится разумомъ, такъ и то государство будетъ наиболѣе мощнымъ и наиболѣе своеправнымъ, которое зиждется на разумѣ и направляется имъ. Ибо право государства опредѣляется мощью народа, руководимаго какъ бы единымъ духомъ. Но такое единенiе душъ можетъ быть представлено только въ томъ случаѣ, если государство будетъ болѣе всего стремиться къ тому, что здравый разумъ признаетъ полезнымъ для всѣхъ людей.

8. Во-вторыхъ, слѣдуетъ также принять въ соображенiе, что подданные постольку не своеправны, но подчинены праву государства, поскольку они боятся его угрозъ или любятъ гражданское состоянiе (согл. § 10 пред. гл.). Изъ чего слѣдуетъ, что все то, къ выпол-

приказывать (cedere, а не credere)

ненію чего никто не можетъ быть побужденъ ни наградами, ни угрозами, не относится къ праву государства. Напримѣръ, никто не можетъ вѣрить способностью сужденія. Какими, въ самомъ дѣлѣ, наградами или угрозами человѣкъ можетъ быть побужденъ къ тому, чтобы повѣрить, что цѣлое не больше части, что Бога не существуетъ, или что тѣло, которое онъ видитъ конечнымъ, есть существо безконечное, и вообще чтобы повѣрить чему-либо, идущему вразрѣзъ съ тѣмъ, что онъ чувствуетъ и мыслитъ? Точно такъ же какими наградами или угрозами человѣкъ можетъ быть побужденъ къ тому, чтобы любить того, кого ненавидитъ или ненавидѣть того, кого любитъ? Сюда же слѣдуетъ отнести все то, что настолько противно человѣческой природѣ, что почитается худшимъ, чѣмъ всякое зло, напримѣръ, требованія, чтобы человѣкъ свидѣтельствовалъ противъ самого себя, чтобы онъ пыталъ себя, чтобы убивалъ своихъ родителей, чтобы не пытался избѣжать смерти, и тому подобное, къ чему человѣкъ не можетъ быть побужденъ никакими наградами или угрозами. Если бы мы, однако, все же сказали, что государство имѣетъ право или власть приказать нѣчто подобное, то только въ томъ же смыслѣ, какъ если бы кто-нибудь сказалъ, что человѣкъ по праву можетъ безумствовать или сходить съ ума. Ибо чѣмъ инымъ, какъ не безумствомъ было бы право, которому никто не могъ бы быть подчиненъ [3]? Оговариваюсь, что я имѣю здѣсь въ виду лишь не относящееся къ праву государства и противное въ большинствѣ случаевъ человѣческой природѣ. Ибо оттого, что глупецъ или безумецъ никакими наградами или угрозами не можетъ быть побужденъ къ исполне-

нію приказовъ, или оттого, что тотъ или иной, вслѣдствіе приверженности къ какой-нибудь сектѣ, считаетъ право верховной власти хуже всякаго зла—право государства не дѣлается еще тщетнымъ, ибо большинство гражданъ его признаетъ. И такъ какъ тѣ, которые ничего не боятся и ни на что не надѣются, суть постольку своеправны (согл. § 11 пред. гл.), то они являются, слѣдовательно, врагами верховной власти, обуздать коихъ дозволено по праву [4]).

9. Въ-третьихъ, наконецъ, нельзя упускать изъ виду, что къ праву государства менѣе относится то, на что негодуетъ большинство. Ибо несомнѣнно, что по природѣ людей толкаетъ на заговоръ или общій страхъ, или желаніе отмстить за общую обиду; и такъ какъ право государства дефинируется общей мощью народа, то несомнѣнно, что мощь и право государства уменьшается постольку, поскольку оно само даетъ поводы значительному числу лицъ къ заговору. Конечно и государству приходится кое-чего бояться, и какъ каждый гражданинъ или человѣкъ въ естественномъ состояніи, такъ и государство тѣмъ менѣе своеправно, чѣмъ бо́льшую имѣетъ причину страха. Все это касалось права верховной власти въ отношеніи къ подданнымъ. Но прежде чѣмъ перейти къ ея праву въ отношеніи къ другимъ, мнѣ представляется необходимымъ разрѣшить обычно поднимаемый вопросъ о *религіи*.

10. Вѣдь намъ могутъ возразить: не уничтожаетъ ли гражданское состояніе и подчиненіе гражданъ (необходимость коего въ гражданскомъ состояніи мы показали) религіи, которая обязываетъ насъ чтить Бога? Но если мы вникнемъ въ суть дѣла, то не найдемъ ничего, что

могло бы возбудить сомнѣніе. Вѣдь духъ, поскольку онъ пользуется разумомъ, является своеправнымъ, а не подчиненнымъ праву верховной власти (согл. § 11 пред. гл.). И потому истинное познаніе Бога и любовь къ нему не могутъ быть подчинены ничьей власти, точно такъ же какъ и благоволеніе къ ближнему (согл. § 8 этой гл.); и если кромѣ того мы примемъ во вниманіе, что высшее проявленіе благоволенія есть то, которое направлено къ охраненію мира и установленію согласія, то мы не будемъ сомнѣваться въ томъ, что помогающій каждому въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ дозволяетъ это право государства, т.-е. согласіе и спокойствіе, вполнѣ исполняетъ свой долгъ. Что касается внѣшнихъ культовъ, то несомнѣнно, что они совершенно не могутъ ни способствовать, ни повредить истинному познанію Бога и той любви, которая необходимо изъ него слѣдуетъ; и потому не столь они уже цѣнны, чтобы изъ-за нихъ стоило нарушать миръ и общественное спокойствіе. Несомнѣнно къ тому же, что по праву природы, т.-е. (согл. § 5 наст. гл.) по божественному рѣшенію, я не являюсь ревнителемъ религіи, ибо мнѣ не дана та власть изгонять нечистыхъ духовъ и творить чудеса, которая была нѣкогда у учениковъ Христа. А эта власть въ такой степени необходима для распространенія религіи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она воспрещена, что безъ нея не только теряются по-пустому и время, и трудъ, но сверхъ того создаются всевозможныя тягостныя осложненія; всѣ вѣка были свидѣтелями губительнѣйшихъ примѣровъ такого рода. Итакъ, каждый, гдѣ бы онъ ни жилъ, можетъ чтить Бога истинной религіей и исполнять долгъ частнаго человѣка. Забота же о распространеніи религіи

должна быть предоставлена Богу или верховной власти, на которой только и лежитъ попеченіе о дѣлахъ правленія. Но я возвращаюсь къ своему изложенію.

11. Послѣ того какъ мы выяснили вопросъ о правѣ верховной власти въ отношеніи къ гражданамъ и объ обязанностяхъ подданныхъ, намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть *ея право въ отношеніи ко всему остальному*; оно легко познается изъ сказаннаго уже выше. Вѣдь такъ какъ (согл. § 2 наст. гл.) право верховной власти есть не что иное, какъ естественное право, то отсюда слѣдуетъ, что два государства находятся въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ двое людей въ естественномъ состояніи, съ тою лишь разницей, что государство можетъ обезпечить себя отъ притѣсненій со стороны другихъ, чего не можетъ сдѣлать человѣкъ въ естественномъ состояніи: ежедневно онъ забывается сномъ, часто страдаетъ отъ болѣзней и душевнаго унынія впадаетъ, наконецъ, въ дряхлость и, кромѣ того, подверженъ многимъ другимъ превратностямъ, отъ которыхъ можетъ уберечь себя государство.

12. Итакъ, государство постольку своеправно, поскольку оно можетъ руководствоваться своей пользой и обезпечить себя отъ притѣсненія со стороны другихъ (согл. § 9 и 15 пред. гл.) и (согл. § 10 и 15 пред. гл.) постольку чужеправно, поскольку оно боится мощи другого государства или поскольку это послѣднее противодѣйствуетъ ему въ преслѣдованіи его цѣлей, или поскольку, наконецъ, оно нуждается для своего сохраненія и процвѣтанія въ помощи другого. Вѣдь мы отнюдь не можемъ сомнѣваться въ томъ, что если два государства хотятъ оказывать другъ другу помощь, то

вдвоемъ они могутъ больше и, слѣдовательно, вмѣстѣ имѣютъ больше права, чѣмъ каждое изъ нихъ въ отдѣльности. См. § 13 пред. гл.

13. Это станетъ яснѣе, если мы примемъ во вниманіе, что два государства по природѣ враги [5]). Вѣдь люди (согл. § 14 пред. гл.) въ естественномъ состояніи являются врагами. Поэтому тѣ, которые сохраняютъ естественное право внѣ государства, остаются врагами. Если, такимъ образомъ, одно государство захочетъ итти на другое войной и примѣнить крайнія мѣры, чтобы подчинить его своему праву,—то оно съ правомъ можетъ сдѣлать такую попытку, ибо для веденія войны ему достаточно имѣть соотвѣтствующую волю. Но относительно мира оно можетъ рѣшить что-либо, лишь если привзойдетъ воля другого государства. Изъ чего слѣдуетъ, что право войны принадлежитъ каждому государству въ отдѣльности, право же мира есть право не одного, но по меньшей мѣрѣ двухъ государствъ, которыя поэтому называются союзными.

14. Этотъ союзъ остается дѣйствительнымъ до тѣхъ поръ, пока имѣется налицо причина заключенія союза, а именно боязнь вреда или надежда на выгоду. Если же для какого-нибудь изъ государствъ то или другое отпадетъ, то оно остается своеправнымъ (согл. § 10 пред. гл.), и связь, которой были соединены государства, сама собой разрѣшается. Поэтому каждое государство имѣетъ полное право нарушить союзъ, когда пожелаетъ, и нельзя относительно его сказать, что оно поступаетъ коварно и вѣроломно, если не держитъ обѣщанія по устраненіи причины страха или надежды, такъ какъ это условіе было равнымъ для каждаго изъ договорившихся (то,

именно, что первое освободившееся отъ страха становится своеправнымъ и можетъ пользоваться своимъ правомъ по своему усмотрѣнію) и, кромѣ того, такъ какъ каждый договаривается относительно будущаго лишь при предположеніи наличныхъ обстоятельствъ. Съ ихъ измѣненіемъ же мѣняется все положеніе дѣла, и по этой причинѣ каждое изъ союзныхъ государствъ сохраняетъ за собой право сообразоваться со своей пользой и каждое поэтому стремится, по мѣрѣ своей возможности, избавиться отъ страха, быть, слѣдовательно, своеправнымъ и воспрепятствовать тому, чтобы другое превзошло его своей мощью. Если, слѣдовательно, какое-нибудь государство жалуется на обманъ, то конечно оно должно пенять не на вѣроломство союзнаго государства, но лишь на свою глупость, побудившую его, именно, довѣрить свое благоденствіе другому, которое своеправно и для котораго свое собственное благоденствіе есть наивысшій законъ.

15. Государствамъ, заключившимъ миръ, принадлежитъ право разрѣшать вопросы, которые могутъ возникнуть относительно условій или законовъ мира, которые они взаимно обязались хранить, ибо право мира есть право не каждаго въ отдѣльности, но договаривающихся вмѣстѣ (согл. § 13 наст. гл.). Если же они не могутъ придти къ соглашенію относительно ихъ, то тѣмъ самымъ они возвращаются къ состоянію войны.

16. Чѣмъ больше государствъ заключаютъ вмѣстѣ миръ, тѣмъ менѣе страха внушаетъ каждое въ отдѣльности всѣмъ другимъ, или тѣмъ менѣе власти у каждаго начать войну, но тѣмъ болѣе оно обязано блюсти условія мира, т.-е. (согл. § 13 наст. гл.) тѣмъ менѣе оно

своеправно, но тѣмъ болѣе обязано приспособляться къ общей волѣ союзныхъ государствъ.

17. Однако такой взглядъ отнюдь не уничтожаетъ вѣрности обѣщанію, хранить которое учитъ здравый разумъ и религія; ибо ни разумъ, ни Писаніе не учатъ хранить каждое обѣщаніе. Если я, напримѣръ, обѣщалъ кому-нибудь сберечь деньги, которыя онъ тайкомъ далъ мнѣ на сохраненіе, то я не буду обязанъ сдержать свое обѣщаніе, когда я узнаю или у меня создастся убѣжденіе, что данныя мнѣ на сохраненіе деньги—ворованныя; но я поступлю болѣе правильно, если постараюсь вернуть ихъ по принадлежности. Точно такъ же, если одна верховная власть обѣщала другой сдѣлать что-нибудь такое, относительно чего дальнѣйшее теченіе дѣлъ или разумъ выяснили его пагубность для общаго благоденствія подданныхъ, то она конечно обязана нарушить обѣщаніе. Такимъ образомъ, въ виду того, что Писаніе предписываетъ вѣрность обѣщанію, лишь какъ общее правило, и отдѣльные случаи предоставляетъ сужденію каждаго, то оно не учитъ, слѣдовательно, ничему такому, что шло бы вразрѣзъ съ только что изложеннымъ.

18. Но для того, чтобы въ дальнѣйшемъ не приходилось столько разъ обрывать нить изложенія и отвѣчать на подобныя возраженія, я хочу напомнить, что я доказалъ все это изъ необходимости человѣческой природы, какъ бы на нее ни смотрѣть, а именно изъ стремленія всѣхъ людей къ самосохраненію, каковое стремленіе присуще всѣмъ людямъ—какъ мудрецу, такъ и невѣждѣ. И потому, будемъ ли мы разсматривать людей, какъ руководимыхъ разумомъ или—аффектами, дѣло отъ этого не измѣнится, ибо, какъ мы сказали, доказательство было всеобще.

ГЛАВА IV.

О важнѣйшихъ политическихъ дѣлахъ.

1. Въ предыдущей главѣ мы говорили о правѣ верховной власти, опредѣляемомъ ея мощью. Мы видѣли, что его существо заключается главнымъ образомъ въ томъ, что оно является какъ бы духомъ государства, которымъ всѣ должны руководствоваться. Поэтому только верховная власть имѣетъ право рѣшать, что хорошо, что дурно, что справедливо, что несправедливо, т.-е. что слѣдуетъ дѣлать каждому въ отдѣльности или всѣмъ вмѣстѣ или отъ чего воздерживаться. Такимъ образомъ, мы видѣли, что только ей одной принадлежитъ право издавать законы, толковать ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, если относительно ихъ возникнетъ какой-нибудь вопросъ, и рѣшать, противорѣчитъ ли данный случай праву или согласенъ съ нимъ (см. § 3, 4, 5 пред. гл.), далѣе, рѣшать вопросъ о войнѣ или объ установленіи и предложеніи условій мира, или о принятіи предложенныхъ. См. § 12 и 13 пред. гл.

2. Такъ какъ все это, равно какъ и изысканіе средствъ, потребныхъ для приведенія этого въ исполненіе, суть дѣла, касающіяся совокупнаго тѣла верховной власти, т.-е. государства, то отсюда слѣдуетъ, что ходъ госу-

дарственныхъ дѣлъ зависитъ исключительно отъ руководительства того, въ чьихъ рукахъ верховная власть. Слѣдуетъ, далѣе, что лишь верховной власти принадлежитъ право судить о поступкахъ каждаго, налагать кару на преступниковъ и разрѣшать вопросы о правѣ, возникающіе между гражданами или же назначать знатоковъ дѣйствующаго права, чтобы онѣ занимались этимъ вмѣсто нея; затѣмъ опредѣлять и проводить мѣры, необходимыя для войны и мира, какъ-то: укрѣплять города, набирать солдатъ, распредѣлять должности въ войскѣ, приказывать то, что надлежитъ, по ея мнѣнію, сдѣлать, снаряжать съ цѣлью мира пословъ и выслушивать таковыхъ, и, наконецъ, взимать нужныя для всего этого издержки.

3. Итакъ, право заниматься государственными дѣлами или избирать съ этой цѣлью должностныхъ лицъ принадлежитъ только верховной власти. Отсюда слѣдуетъ, что тотъ подданный посягаетъ на верховную власть, который по одному своему усмотрѣнію, безъ вѣдома верховнаго совѣта, принимается за какое-нибудь государственное дѣло, хотя бы то, что онъ задумалъ сдѣлать, было бы, по его убѣжденію, наилучшимъ для государства [1]).

4. Но обыкновенно спрашиваютъ, подчинена ли верховная власть законамъ и можетъ ли она, слѣдовательно, совершить преступленіе? Такъ какъ выраженіями „законъ“ и „преступленіе“ пользуются обыкновенно въ примѣненіи не только къ праву государства, но и ко всѣмъ правиламъ естественныхъ вещей и прежде всего разума, то мы не можемъ просто сказать, что государство не подчинено никакимъ законамъ или не можетъ совершить

преступленія. Вѣдь если бы государство не было подчинено никакимъ законамъ или правиламъ, безъ которыхъ государство не было бы государствомъ, то на государство слѣдовало бы смотрѣть не какъ на естественную вещь, а какъ на химеру. Слѣдовательно, государство совершаетъ преступленіе, когда дѣлаетъ то или допускаетъ совершиться тому, что можетъ быть причиной его гибели: въ этомъ случаѣ мы говоримъ „совершаетъ преступленіе" въ томъ же смыслѣ, въ какомъ философы или медики говорятъ, что природа грѣшитъ, и въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать, что государство грѣшитъ, когда дѣлаетъ что-нибудь вразрѣзъ съ велѣніемъ разума. Вѣдь государство тогда является наиболѣе своеправнымъ, когда поступаетъ по повелѣнію разума (согл. § 7 пред. гл.); поскольку же оно поступаетъ вразрѣзъ съ разумомъ, постольку оно измѣняетъ себѣ и совершаетъ преступленіе. Это станетъ яснѣе, если мы примемъ въ соображеніе, что, когда мы говоримъ, что всякій можетъ располагать вещью подчиненной его праву, какъ хочетъ, то эта власть должна опредѣляться не только мощью дѣйствующаго, но и строеніемъ претерпѣвающаго дѣйствіе. Если, напримѣръ, я говорю, что я по праву могу располагать этимъ столомъ, какъ хочу, то я вѣдь, конечно, не думаю, что имѣю право добиться того, чтобы этотъ столъ ѣлъ траву. Точно такъ же, хотя мы и говоримъ, что люди не своеправны, но подчинены праву государства, но мы не вкладываемъ въ это того смысла, что люди теряютъ человѣческую природу и облекаются новой, и поэтому государство имѣетъ право добиться того, чтобы люди летали или, что равно невозможно, чтобы люди съ уваженіемъ взирали на

то, что возбуждаетъ смѣхъ или отвращеніе; но лишь тотъ смыслъ, что имѣются извѣстныя обстоятельства, при предположеніи которыхъ у подданныхъ создается уваженіе и страхъ къ государству и при устраненіи которыхъ исчезаетъ и уваженіе, и страхъ, а съ ними вмѣстѣ и государство. Поэтому государство, чтобы быть своеправнымъ, обязано сохранять причины уваженія и страха; въ противномъ случаѣ оно перестаетъ быть государствомъ. Ибо для тѣхъ или для того, въ чьихъ рукахъ верховная власть, столь же невозможно бѣгать пьянымъ или нагимъ по улицамъ съ развратницами, ломать шута, открыто нарушать и презирать имъ же самимъ изданные законы и въ то же время сохранять подобающее ему величіе, какъ невозможно одновременно быть и не быть. Далѣе, убійство и грабежъ подданныхъ, похищеніе дѣвушекъ и тому подобные поступки превращаютъ страхъ въ негодованіе и, слѣдовательно, гражданское состояніе въ состояніе враждебности.

5. Итакъ, мы видимъ, въ какомъ смыслѣ мы можемъ сказать, что государство связано законами и можетъ совершить преступленіе. Но если мы подъ закономъ будемъ понимать право гражданское, которое можетъ быть защищено средствами самого гражданскаго права, а подъ преступленіемъ то, что воспрещается самимъ гражданскимъ правомъ, т.-е. если мы возьмемъ эти слова въ ихъ подлинномъ смыслѣ, то мы никоимъ образомъ не сможемъ сказать, что государство подчинено законамъ или можетъ совершить преступленіе. Ибо правила и причины страха и уваженія, которыя государство обязано хранить ради самого себя, относятся не къ праву гражданскому, а къ праву естественному; ибо они мо-

гутъ (согл. пред. §) быть защищаемы не по праву гражданскому, но по праву войны, и государство связано ими на томъ же основанiи, на какомъ человѣкъ въ естественномъ состоянiи, чтобы быть своеправнымъ или не быть себѣ врагомъ, обязанъ поберечься смерти отъ собственной руки; каковая осторожность его, конечно, не повиновенiе, а свобода человѣческой природы. Гражданское же право зависитъ лишь отъ рѣшенiя государства, а оно не обязано ни считаться съ кѣмъ-либо кромѣ себя, т.-е. своей свободы, ни признавать что-либо за добро или зло, кромѣ того, что оно само опредѣляетъ для себя, какъ таковое. И потому оно не только имѣетъ право самозащиты, изданiя и толкованiя законовъ, но и ихъ отмѣны и прощенiя каждаго виновнаго въ силу полноты своей власти.

6. Несомнѣнно, что договоры или законы, которыми народъ перенесъ свое право на одну коллегiю или человѣка, должны быть нарушены, когда нарушенiе ихъ требуется общимъ благомъ. Но рѣшить вопросъ о томъ, требуетъ ли общее благо ихъ нарушенiя или же нѣтъ, не можетъ по праву никакое частное лицо, но лишь тотъ, въ чьихъ рукахъ верховная власть (согл. § 3 этой гл.); слѣдовательно, по гражданскому праву только тотъ, въ чьихъ рукахъ верховная власть, остается толкователемъ этихъ законовъ. Къ чему еще нужно прибавить, что ни одно частное лицо не можетъ по праву защищать ихъ; и потому на самомъ дѣлѣ они не обязательны для того, кто обладаетъ верховной властью. Но если ихъ природа такова, что они не могутъ быть нарушены безъ ослабленiя силъ государства, т.-е. безъ того, чтобы общiй страхъ большинства гражданъ не

превратился въ негодованіе, то ихъ нарушеніемъ разрушается государство и прекращается договоръ, защищаемый поэтому не по гражданскому праву, а по праву войны. И потому тотъ, кто обладаетъ верховной властью, обязанъ хранить условія этого договора, только по той же причинѣ, по какой человѣкъ въ естественномъ состояніи, чтобы не быть себѣ врагомъ, обязанъ беречься смерти отъ собственной руки, какъ мы сказали въ предыдущемъ §. [2]).

ГЛАВА V.

О наилучшемъ состоянiи верховной власти.

1. Въ § 11 гл. 2 мы показали, что человѣкъ наиболѣе своеправенъ тогда, когда наиболѣе руководится разумомъ, и, слѣдовательно (см. § 7, гл. 3), то государство будетъ наиболѣе мощнымъ и наиболѣе своеправнымъ, которое зиждется на разумѣ и руководится имъ. Но такъ какъ наилучшимъ образомъ жизни для самосохраненія, поскольку таковое возможно, является тотъ, который устрояется по предписанію разума, то отсюда слѣдуетъ, что все то будетъ наилучшимъ, что дѣлаетъ человѣкъ или государство, поскольку они являются наиболѣе своеправными. Ибо мы не утверждаемъ, что все, совершающееся, какъ сказано, по праву, совершается наилучшимъ образомъ. Не одно и то же обрабатывать поле по праву и обрабатывать его наилучшимъ образомъ; не одно и то же, говорю я, защищать себя по праву, сохранять, выносить рѣшеніе и т. д. и защищать себя наилучшимъ образомъ, сохранять, выносить наилучшее рѣшеніе, и, слѣдовательно, не одно и то же по праву властвовать и нести попеченіе о дѣлахъ правленія и властвовать наилучшимъ образомъ и наилучшимъ образомъ управлять государствомъ. Итакъ,

покончивъ съ правомъ государства вообще, мы перейдемъ теперь къ наилучшему состоянію каждой формы верховной власти.

2. Каково же наилучшее состояніе каждой формы верховной власти,—легко познается изъ *цѣли гражданскаго состоянія*: она есть не что иное, какъ миръ и безопасность жизни [1]). И потому та верховная власть является наилучшей, при которой люди проводятъ жизнь въ согласіи и коей право блюдется нерушимо. Ибо несомнѣнно, что возстанія, войны, презрѣніе или нарушеніе законовъ слѣдуетъ отнести не столь на счетъ злобности подданныхъ, сколь дурного состоянія верховной власти. Ибо люди не рождаются гражданами, но становятся. Кромѣ того человѣческіе аффекты всюду одни и тѣ же. Поэтому, если въ одномъ государствѣ злоба царитъ шире и совершается больше преступленій, чѣмъ въ другомъ, то объясняется это несомнѣнно тѣмъ, что это государство недостаточно позаботилось объ общемъ согласіи и недостаточно благоразумно установило право, а, слѣдовательно, и не обладаетъ абсолютнымъ правомъ государства. Вѣдь гражданское состояніе, которое не устранило причинъ возстаній, въ которомъ всегда слѣдуетъ опасаться войны и въ которомъ, наконецъ, часто нарушаются законы, не многимъ отличается отъ естественнаго состоянія, гдѣ каждый живетъ по собственному усмотрѣнію, подвергая большой опасности свою жизнь.

3. Подобно тому какъ пороки, чрезмѣрное своеволіе и упорство гражданъ слѣдуетъ отнести на счетъ государства, также и, наоборотъ, ихъ добродѣтель и неуклонная воля соблюдать законы должна быть припи-

сана главнымъ образомъ добродѣтели и абсолютному праву государства, какъ явствуетъ изъ § 15, гл. 2. Доблесть Ганнибала потому пользуется столь заслуженной славой, что въ его войскѣ никогда не было возстанія [2]).

4. О государствѣ, подданные котораго не берутся за оружіе, удерживаемые лишь страхомъ, можно скорѣе сказать, что въ немъ нѣтъ войны, нежели, что оно пользуется миромъ. Вѣдь *миръ* не есть отсутствіе войны, но добродѣтель, проистекающая изъ твердости душевной; ибо повиновеніе (согл. § 19 гл. 2) есть неуклонная воля исполнять то, что должно совершиться въ силу общаго рѣшенія государства. Кромѣ того государство, гдѣ миръ зависитъ отъ косности гражданъ, которыхъ ведутъ, какъ скотъ, лишь для того, чтобы они научились рабствовать,—правильнѣе было бы назвать безлюдной пустыней, чѣмъ государствомъ [3]).

5. Поэтому, когда мы говоримъ, что та верховная власть является наилучшей, при которой люди проводятъ жизнь согласно, то разумѣемъ жизнь человѣческую, которая опредѣляется не только кровообращеніемъ и другими общеживотными функціями, но преимущественно разумомъ, истинной добродѣтелью и жизнью духа.

6. Но слѣдуетъ отмѣтить, что подъ верховной властью, устанавливаемой, какъ я сказалъ, съ вышеназванной цѣлью, я понимаю ту, которая устанавливается свободнымъ народомъ, а не ту, которая пріобрѣтается надъ народомъ по праву войны [4]). Свободный народъ болѣе руководится надеждой, чѣмъ страхомъ, покоренный—болѣе страхомъ, чѣмъ надеждой, ибо первый стремится улучшить жизнь, второй—лишь избѣжать смерти; пер-

вый, говорю я, стремиться жить для себя, второй вынужденъ отдаться побѣдителю, почему мы и говоримъ, что одинъ пребываетъ въ рабствѣ, другой въ свободѣ. Итакъ цѣль верховной власти, пріобрѣтаемой кѣмъ-нибудь по праву войны—есть господство и скорѣе обладаніе рабами, чѣмъ подданными. И хотя между верховной властью, которая создается свободнымъ народомъ и той, которая пріобрѣтается по праву войны, если мы обратимъ вниманіе на право той и другой вообще, нельзя отмѣтить существеннаго различія, однако ихъ цѣль, какъ мы уже показали, а кромѣ того и средства, которыми каждая должна пользоваться для самосохраненія, совершенно различны.

7. Что касается средствъ, какими долженъ пользоваться князь, руководящійся исключительно страстью къ господству, чтобы упрочить и сохранить власть, то на нихъ подробно останавливается проницательнѣйшій Макіавелли; съ какой однако цѣлью онъ это сдѣлалъ, представляется не вполнѣ яснымъ. Но если эта цѣль была благая, какъ то и слѣдуетъ ожидать отъ мудраго мужа, она заключалась, повидимому, въ томъ, чтобы показать, какъ неблагоразумно поступаютъ многіе, стремясь устранить тирана, въ то время какъ не могутъ быть устранены причины, вслѣдствіе которыхъ князь превращается въ тирана, но, наоборотъ, тѣмъ болѣе усиливаются, чѣмъ бóльшая причина страха представляется князю: это бываетъ тогда, когда народъ расправился съ княземъ, желая дать примѣръ другимъ, и кичится цареубійствомъ, какъ славнымъ дѣломъ. Можетъ быть онъ хотѣлъ также показать, насколько свободный народъ долженъ остерегаться абсолютно ввѣрять свое

благополучіе одному лицу; если послѣдній не тщеславенъ и не считаетъ себя способнымъ угодить всѣмъ, то онъ долженъ каждодневно бояться козней, и потому ему поневолѣ приходится болѣе оберегать самого себя, народу же, наоборотъ, скорѣе строить козни, чѣмъ о немъ заботиться. И что меня еще болѣе укрѣпляетъ въ моемъ мнѣніи объ этомъ благоразумнѣйшемъ мужѣ, такъ это то, что онъ, какъ извѣстно, стоялъ за свободу и преподалъ также для ея укрѣпленія неоцѣнимые совѣты [4]).

ГЛАВА VI.

О монархіи.

1. Люди, какъ мы сказали, болѣе руководствуются аффектомъ, нежели разумомъ. Отсюда слѣдуетъ, что по естественному ходу вещей люди приходятъ къ согласію и желаютъ быть руководимыми какъ бы единымъ духомъ, не вслѣдствіе руководства разума, но какого-нибудь общаго аффекта, будетъ ли это (какъ мы сказали въ § 9 гл. 3) общая надежда или страхъ, или желаніе отмстить за общую обиду. Но такъ какъ страхъ одиночества присущъ всѣмъ людямъ, ибо въ одиночествѣ никто не обладаетъ силами достаточными для самозащиты и для снисканія всего необходимаго къ жизни, то люди, слѣдовательно, по природѣ стремятся къ гражданскому состоянію, и не можетъ случиться, чтобы люди когда-нибудь совершенно изъ него вышли.

2. Поэтому раздоры и возстанія, часто возникающія въ государствѣ, никогда не приводятъ къ тому, чтобы граждане распускали государство (какъ это часто бываетъ въ другихъ видахъ общенія), но лишь къ измѣненію формы государства въ другую, если, именно, распри не могутъ быть утишены при сохраненіи даннаго государственнаго порядка. Поэтому, говоря о средствахъ, потребныхъ для сохраненія верховной власти, я

имѣю въ виду тѣ, которыя необходимы для сохраненія данной формы верховной власти безъ какого-либо замѣтнаго измѣненія.

3. Если бы съ человѣческой природой дѣло обстояло такимъ образомъ, что люди болѣе всего желали наиболѣе полезнаго, то для водворенія согласія и мира не нужно было бы никакого искусства. Но съ человѣческой природой дѣло обстоитъ далеко не такъ. Поэтому необходимо установить верховную власть такимъ образомъ, чтобы всѣ, какъ правители, такъ и управляемые, дѣйствовали бы въ соотвѣтствіи съ общимъ благомъ, хотятъ ли они этого или нѣтъ, т.-е. чтобы всѣ понуждались (добровольно ли или подъ давленіемъ силы или необходимости) жить по предписанію разума, что будетъ достигнуто, если дѣла верховной власти будутъ упорядочены такимъ образомъ, что ничто, имѣющее отношеніе къ общему благу, не предоставлялось бы безусловно чьей-либо совѣстливости. Вѣдь никто не является столь бдительнымъ, чтобы никогда не забыться сномъ, и не было еще человѣка такой силы и чистоты душевной, чтобы не поддаться когда-либо (и въ особенности тогда, когда болѣе всего нужна душевная твердость) искушенію и не быть побѣжденнымъ. И нелѣпо, конечно, требовать отъ другого то, чего никто не можетъ добиться отъ себя, а именно заботиться о другихъ болѣе, чѣмъ о себѣ, не быть ни алчнымъ, ни завистливымъ и т. д., въ особенности если дѣло идетъ о томъ, кто ежедневно подверженъ величайшему искусу всевозможныхъ аффектовъ.

4. Но опытъ, на первый взглядъ, учитъ обратному, тому, именно, что перенесеніе всей власти на одно лицо—

въ интересахъ мира и согласія. Ибо ни одно государство не просуществовало столько времени безъ всякаго замѣтнаго измѣненія, какъ турецкое, и, наоборотъ, ни одно не было столь недолговѣчнымъ, какъ народное или демократическое, и ни въ одномъ не возникало столько возстаній. Но если рабство, варварство и запустѣніе называть миромъ, то для людей нѣтъ ничего печальнѣе мира. Конечно, между родителями и дѣтьми раздоры чаще и ожесточеннѣе, чѣмъ между господами и рабами, и однако не въ интересахъ домохозяйства превратить родительское право въ господское и уравнять такимъ образомъ дѣтей съ рабами. Поэтому перенесеніе всей власти на одного въ интересахъ не мира, но рабства. Ибо миръ, какъ мы уже сказали, состоитъ не въ отсутствіи войны, но въ единеніи душъ или согласіи [1]).

5. Конечно, глубоко заблуждаются тѣ, которые думаютъ, что одинъ человѣкъ можетъ обладать высшимъ правомъ государства. Вѣдь право, какъ мы показали въ гл. 2, опредѣляется мощью. А мощи одного человѣка далеко не подъ силу выдержать такое бремя. Этимъ объясняется, что лицо, избранное народомъ въ цари, ищетъ себѣ военачальниковъ или совѣтниковъ, или друзей, которымъ ввѣряетъ какъ свое, такъ и общее благополучіе, такъ что форма верховной власти, которая почитается абсолютно монархической, въ дѣйствительности, на дѣлѣ, оказывается аристократической, но не явной, а скрытой, а потому наихудшей. Къ этому нужно прибавить, что когда царь въ дѣтскомъ возрастѣ или боленъ, или отягощенъ годами, то онъ является царемъ только по имени (precario rex sit); въ дѣйствительности же вер-

ховная власть находится въ рукахъ тѣхъ, кто вѣдаетъ важнѣйшія дѣла государства, или лицъ наиболѣе близкихъ къ царю. Я не говорю уже о томъ, что царь, преданный распутству, правитъ всѣмъ по прихоти той или иной наложницы или любимца. „Я слыхалъ“ говоритъ Орсинъ, „что въ Азіи нѣкогда царили женщины, но чтобы кастратъ царствовалъ, это новость!“ [2]).

6. Несомнѣнно кромѣ того, что государству всегда грозитъ бóльшая опасность со стороны гражданъ, чѣмъ со стороны враговъ: хорошіе граждане рѣдки. Изъ чего слѣдуетъ, что тотъ, на кого перенесено все право государства, всегда будетъ бояться гражданъ болѣе, чѣмъ враговъ и, слѣдовательно, будетъ стремиться обезопасить себя, къ подданнымъ же будетъ относиться не съ заботливостью, а злокозненно, въ особенности къ тѣмъ, которые выдаются мудростью или вліятельнѣе другихъ вслѣдствіе своего богатства [3]).

7. Къ этому нужно еще прибавить, что цари и своихъ сыновей болѣе боятся, чѣмъ любятъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе послѣдніе преуспѣваютъ въ искусствахъ войны и мира и любимы за свои добродѣтели подданными. Этимъ объясняется, что они стараются воспитать своихъ сыновей такимъ образомъ, чтобы устранить причину страха. Въ каковомъ дѣлѣ весьма рьяными приспѣшниками царя являются придворные, которые приложатъ всѣ старанія къ тому, чтобы будущій царь былъ неразвитъ и его можно было бы проводить.

8. Изъ всего этого слѣдуетъ, что царь тѣмъ менѣе своеправенъ и положеніе подданныхъ тѣмъ печальнѣе, чѣмъ болѣе абсолютно переносится на царя право государства. И поэтому необходимо для надлежащаго упро-

ченія монархической формы верховной власти заложить надежныя основы, на коихъ она и будетъ воздвигнута; изъ нихъ должны проистекать безопасность для монарха и миръ для народа, такъ чтобы монархъ былъ тогда наиболѣе своеправенъ, когда онъ наиболѣе печется о благоденствіи народа. Эти основы монархической формы верховной власти я сначала вкратцѣ изложу, а затѣмъ разовью по порядку.

9. Должны быть основаны и укрѣплены одинъ или нѣсколько *городовъ*, всѣ граждане которыхъ—все равно, живутъ ли они въ стѣнахъ города или внѣ ихъ, занимаясь земледѣліемъ,—обладаютъ равными гражданскими правами; подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы каждый городъ имѣлъ извѣстное число гражданъ для своей и общей защиты; тотъ же городъ, который не можетъ выставить такого числа, долженъ быть въ подчиненіи на иныхъ условіяхъ.

10. *Ополченіе* должно быть образовано изъ однихъ гражданъ, безъ исключенія для кого бы то ни было, и ни изъ кого другого; а поэтому всѣ обязаны имѣть оружіе, и никто не можетъ быть принятъ въ число гражданъ, если не научится раньше владѣть оружіемъ и не обѣщаетъ упражняться въ обращеніи съ нимъ въ опредѣленное время года [4]). Далѣе, по раздѣленіи ополченія каждаго рода (familiae) на когорты и легіоны, никто не долженъ избираться въ вожди когорты, кромѣ изучавшихъ военное искусство. Затѣмъ *вожди* когортъ и легіоновъ должны быть избираемы на всю жизнь, а командующій всѣмъ ополченіемъ какого-нибудь рода только на время войны; онъ долженъ быть у власти не болѣе года, его власть не можетъ быть продлена, и онъ

не можетъ быть избранъ вновь. Они должны избираться изъ совѣтниковъ царя (о которыхъ намъ предстоитъ говорить въ § 15 и сл.) или изъ тѣхъ, которые уже отбыли эту должность.

11. Жители всѣхъ городовъ и земледѣльцы, т. е. *всѣ граждане, должны быть подѣлены на роды* (familiae), отличающіеся другъ отъ друга именемъ и какимъ-нибудь знакомъ [5]). Всѣ рожденные въ какомъ-нибудь изъ этихъ родовъ принимаются въ число гражданъ (ихъ имена должны заноситься въ списки ихъ рода, какъ только они достигнутъ возраста, когда они могутъ носить оружіе и понимать свои обязанности) за исключеніемъ лишь опороченныхъ какимъ-нибудь преступленіемъ или нѣмыхъ, безумныхъ и батраковъ, добывающихъ средства къ жизни какимъ-нибудь недостойнымъ свободнаго человѣка занятіемъ.

12. *Поля и вся земля*, а въ случаѣ возможности, *и дома* должны быть оставлены за государствомъ, именно за тѣмъ, кому принадлежитъ право государства; онъ сдаетъ ихъ за ежегодный оброкъ гражданамъ, какъ горожанамъ, такъ и селянамъ, и за этимъ исключеніемъ никто въ мирное время никакихъ повинностей не несетъ. Изъ этого оброка одна часть должна идти на укрѣпленія государства, другая же на домашнія нужды царя. Ибо во время мира необходимо укрѣплять города, какъ для войны, кромѣ того имѣть наготовѣ суда и прочія орудія войны.

13. *По избраніи царя* изъ какого-нибудь рода, никто не долженъ считаться *знатнымъ*, кромѣ нисходящихъ царя, которые, поэтому, отличаются отъ своего и прочихъ родовъ знаками царскаго достоинства.

14. Изъ этой знати родственникамъ царя, находящимся въ третьей или четвертой степени родства съ тѣмъ, кто царствуетъ, долженъ быть воспрещенъ бракъ; если же они произведутъ дѣтей, то дѣти считаются незаконными, лишены доступа ко всѣмъ почетнымъ должностямъ и не признаются наслѣдниками своихъ родителей: все имущество послѣднихъ отходитъ къ царю.

15. Далѣе, *совѣтниковъ царя,* которые наиболѣе къ нему приближены и уступаютъ въ достоинствѣ только ему, должно быть большое число, и избираются они исключительно изъ гражданъ, изъ каждаго рода, именно, трое, четверо или пятеро (если родовъ не болѣе шестисотъ), составляющихъ вмѣстѣ одного члена совѣта, но не на всю жизнь, а на три, на четыре или пять лѣтъ, такъ чтобы каждый годъ избиралось вновь третья, четвертая или пятая часть. При этихъ выборахъ особенно важно, чтобы изъ каждаго рода выбирался, по крайней мѣрѣ, одинъ юристъ.

16. Эти выборы должны производиться самимъ царемъ. Въ опредѣленное время года, когда, именно, выбираются новые совѣтники, каждый родъ обязанъ представить царю списокъ тѣхъ изъ своихъ гражданъ, которые достигли пятидесятилѣтняго возраста и въ надлежащемъ порядкѣ признаны кандидатами на эту должность: изъ нихъ онъ выбираетъ, кого пожелаетъ. Въ томъ же году, когда юристъ изъ какого-нибудь рода долженъ занять мѣсто другого, царю представляется лишь списокъ юристовъ. Тѣ совѣтники, которые пробыли въ этой должности положенное время, не могутъ ни оставаться въ ней дольше, ни заноситься въ избирательные списки въ теченіе пяти лѣтъ или болѣе.

Причина же, почему необходимо каждый годъ выбирать изъ каждаго рода по одному, заключается въ томъ, что совѣтъ не долженъ состоять попеременно то изъ неопытныхъ новичковъ, то изъ ветерановъ, искушенныхъ въ дѣлахъ; а это необходимо бы произошло, если бы весь составъ сразу уходилъ, а его мѣсто занималъ новый. Но если каждый годъ будетъ избираться по одному изъ рода, то только пятая, четвертая или третья части совѣта будетъ состоять изъ новичковъ. Если, далѣе, царь, задержанный другими дѣлами или по какой-нибудь иной причинѣ, не можетъ заняться этими выборами, то сами совѣтники выбираютъ другихъ на время, царь же или избираетъ затѣмъ другихъ, или утверждаетъ избранныхъ совѣтомъ.

17. *Первѣйшей обязанностью этого совѣта* является защита основныхъ законовъ государства, подача совѣтовъ относительно текущихъ дѣлъ, чтобы царь зналъ какого рѣшенія требуетъ общее благо. И потому царю не должно быть дозволено выносить окончательное рѣшеніе о какомъ-нибудь дѣлѣ до выслушанія мнѣнія этого совѣта. Но если, какъ это по большей части бываетъ, совѣтъ не придетъ къ единодушію, но въ немъ будутъ различныя мнѣнія даже послѣ трех - или четырехкратнаго обсужденія одного дѣла, то не слѣдуетъ дальше медлить съ этимъ дѣломъ, но расходящіяся мнѣнія представляются царю, какъ мы покажемъ въ § 25 наст. гл.

18. Обязанностью этого совѣта является также обнародовываніе распоряженій или рѣшеній царя, забота о приведеніи въ исполненіе рѣшеній, принятыхъ въ дѣлахъ правленія, наконецъ попеченіе, въ качествѣ замѣстителя царя, о всемъ управленіи государствомъ.

19. Гражданамъ открытъ доступъ къ царю только черезъ этотъ совѣтъ, въ который должны поступать всѣ прошенія или челобитныя для представленія царю. Точно такъ же послы иностранныхъ государствъ могутъ получать разрѣшеніе на аудіенцію у царя только черезъ этотъ совѣтъ. Далѣе, письма, адресованныя царю изъ другихъ мѣстъ, передаются ему этимъ совѣтомъ: и вообще царь долженъ считаться какъ бы душой государства, вышеописанный же совѣтъ внѣшними чувствами или тѣломъ государства, черезъ которое душа воспринимаетъ состояніе государства и посредствомъ котораго она выполняетъ то, что считаетъ за наилучшее.

20. Забота о воспитаніи сыновей царя также лежитъ на обязанности совѣта, равно какъ и опека, если царь умеръ, оставивъ наслѣдника младенцемъ или малолѣтнимъ. Но для того, чтобы совѣтъ въ теченіе этого времени не оставался безъ царя, изъ знати государства долженъ быть избранъ старѣйшій, замѣщающій царя, пока законный наслѣдникъ не достигнетъ того возраста, когда сможетъ принять на себя бремя власти.

21. Кандидатами въ этотъ совѣтъ являются тѣ, которые знакомы съ управленіемъ, основами и состояніемъ или особыми условіями государства, коего они подданные. Тотъ же, кто желаетъ занять мѣсто юриста, долженъ сверхъ управленія и особыхъ условій государства, коего онъ подданный, знать то же и относительно другихъ государствъ, съ которыми приходится сталкиваться. Но лишь достигшіе пятидесятилѣтняго возраста и не уличенные ни въ какомъ преступленіи вносятся въ избирательные списки.

22. Въ этомъ совѣтѣ дѣла государства могутъ рѣшаться только въ присутствіи всѣхъ членовъ; если же кто-нибудь не можетъ присутствовать по болѣзни или по какой-либо другой причинѣ, то онъ обязанъ послать вмѣсто себя кого-нибудь другого изъ того же рода, кто уже отбылъ эту должность или внесенъ въ избирательные списки. Если онъ не сдѣлаетъ этого, и совѣтъ, вслѣдствіе его отсутствія, вынужденъ будетъ отложить обсужденіе какого-нибудь дѣла до другого дня, то на него налагается какой-нибудь значительный денежный штрафъ. Но все это лишь въ томъ случаѣ, когда поднятъ вопросъ о дѣлѣ, касающемся всего государства, а именно, о войнѣ и мирѣ, объ отмѣнѣ или изданіи какого-нибудь закона, о торговлѣ и т. д. Но если поднятъ вопросъ о дѣлѣ, касающемся лишь того или другого города, о челобитныхъ и т. д., то достаточно присутствія большинства.

23. Для того, чтобы между родами ни въ чемъ не было неравенства и чтобы установился порядокъ относительно мѣста, предложеній и рѣчей, слѣдуетъ соблюдать очередь, такъ чтобы въ каждомъ засѣданіи первое мѣсто занималъ другой родъ, и тотъ, который въ данномъ засѣданіи былъ первымъ, въ слѣдующемъ будетъ послѣднимъ. Изъ принадлежащихъ же къ одному роду первымъ будетъ тотъ, кто ранѣе избранъ.

24. Этотъ совѣтъ созывается не менѣе четырехъ разъ въ годъ, чтобы потребовать отчетъ у должностныхъ лицъ въ управленіи государствомъ, ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и убѣдиться въ томъ, не имѣется ли нужды въ какомъ-нибудь новомъ постановленіи. Вѣдь представляется, повидимому, невозможнымъ, чтобы столь

большое число гражданъ было непрестанно занято государственными дѣлами; но такъ какъ государственныя дѣла не терпятъ отлагательства и въ промежуткѣ между созывами, то изъ этого совѣта должно быть избрано человѣкъ пятьдесятъ или болѣе, которые при роспускѣ совѣта становились бы на его мѣсто. Ежедневно должны они собираться въ покоѣ, ближайшемъ къ царскому, и ежедневно нести попеченіе о казнѣ, о городахъ, объ укрѣпленіяхъ, о воспитаніи царскаго сына и вообще обо всемъ, что лежитъ, согласно вышеизложенному, на обязанности великаго совѣта, за тѣмъ исключеніемъ, что они не могутъ обсуждать новыхъ дѣлъ, о которыхъ еще не состоялось никакого опредѣленія.

25. Когда совѣтъ собирается, то еще до внесенія какихъ-либо предложеній пять, шесть или болѣе юристовъ изъ родовъ, занимающихъ въ этомъ засѣданіи первыя мѣста, являются къ царю, чтобы передать челобитныя или письма, если таковыя имѣются, изложить положеніе вещей и, наконецъ, узнать отъ него самого, какого рода предложенія прикажетъ онъ внести въ свой совѣтъ. Получивъ указанія, они возвращаются въ совѣтъ, и занимающій первое мѣсто излагаетъ подлежащее обсужденію дѣло. И относительно дѣла, которое кому-либо представляется сколько-нибудь важнымъ, не слѣдуетъ тотчасъ же производить голосованіе, но отсрочить его до того момента, до котораго терпитъ самое дѣло. Послѣ того какъ совѣтъ будетъ распущенъ до этого срока, совѣтники изъ каждаго рода тѣмъ временемъ смогутъ обсудить этотъ вопросъ отдѣльно, и если дѣло покажется чрезвычайно важнымъ, то и обратиться за помощью къ другимъ, уже отбывшимъ эту должность

или являющимся кандидатами на нее. Если въ теченіе установленнаго времени они не столкуются между собой, то этотъ родъ не подаетъ голоса, ибо каждый родъ имѣетъ только одинъ голосъ. Въ противномъ же случаѣ юристъ изъ этого рода, получивъ инструкціи, вноситъ въ самый совѣтъ рѣшеніе, признанное ими наилучшимъ; также поступаютъ и остальные. И если большинству, по выслушаніи доводовъ, на которыхъ основано каждое мнѣніе, покажется необходимымъ вновь разсмотрѣть дѣло, то совѣтъ вновь распускается до срока, къ которому каждый родъ сообщитъ свое окончательное мнѣніе, и тогда только при полномъ составѣ совѣта производится голосованіе; при чемъ предложенія, собравшія менѣе ста голосовъ, не должны получать дальнѣйшаго хода. Остальныя же всѣми присутствовавшими въ совѣтѣ юристами представляются царю, чтобы онъ избралъ изъ нихъ, по разсмотрѣніи основаній каждаго, какое ему заблагоразсудится. Отсюда они возвращаются въ совѣтъ, гдѣ всѣ ждутъ царя къ установленному имъ самимъ времени, чтобы всѣмъ услыхать, какое рѣшеніе изъ представленныхъ онъ считаетъ нужнымъ выбрать, и чтобы онъ самъ рѣшилъ, что слѣдуетъ дѣлать.

26. Для отправленія правосудія должна быть образована *другая коллегія*, на обязанности которой лежитъ разрѣшеніе споровъ и наказаніе провинившихся; но всѣ приговоры этой коллегіи должны еще получить утвержденіе тѣхъ, кто заступаетъ мѣсто великаго совѣта. Они удостовѣряются въ томъ, были ли приговоры вынесены съ соблюденіемъ всѣхъ порядковъ судопроизводства, и не было ли лицепріятія. Если сторона, проигравшая дѣло, сможетъ доказать, что кто-нибудь изъ

судей или былъ подкупленъ противной стороной, или имѣлъ другую общую причину относиться по дружески къ противной сторонѣ или враждебно къ ней самой, или, наконецъ, что не былъ соблюденъ общій порядокъ судопроизводства, то все дѣло кассируется. Это, конечно, трудно будетъ взять въ толкъ тѣмъ, которые, когда дѣло идетъ о преступленіи, имѣютъ обыкновеніе уличать подсудимаго болѣе пытками, чѣмъ аргументами. Но вѣдь я изображаю тутъ только порядокъ судопроизводства, согласующійся съ наилучшимъ управленіемъ государствомъ.

27. Число этихъ судей должно быть велико и притомъ нечетное, а, именно, 61 или по крайности 51; изъ каждаго рода выбирается не болѣе одного и не на всю жизнь, но такъ, чтобы ежегодно одна часть коллегіи выходила и выбиралось столько же новыхъ судей, происходящихъ изъ другихъ родовъ и достигшихъ пятидесятилѣтняго возраста.

28. Въ этой коллегіи приговоры должны произноситься лишь въ присутствіи всѣхъ судей. Если же кто-нибудь изъ нихъ, по болѣзни или по какой-нибудь другой причинѣ, не сможетъ долго присутствовать, то на это время для его замѣщенія избирается кто-нибудь другой. При подачѣ голосовъ каждый выражаетъ свое рѣшеніе не открыто, но съ помощью шаровъ.

29. Доходы членовъ этой коллегіи и замѣстителей великаго совѣта составляются прежде всего изъ имущества осужденныхъ ими на смертную казнь, а также изъ денежныхъ штрафовъ, въ случаѣ присужденія къ нимъ. Затѣмъ, при каждомъ приговорѣ по гражданскому дѣлу они должны получать отъ проигравшаго извѣст-

ную часть общей суммы, часть, которая дѣлится между той и другой коллегіей.

30. Этимъ коллегіямъ въ каждомъ городѣ подчинены другія, члены которыхъ выбираются также не на всю жизнь, но ежегодно должна выбираться нѣкоторая часть изъ родовъ, живущихъ въ данномъ городѣ. Но нѣтъ нужды входить здѣсь въ бо́льшія подробности.

31. Во время мира *ополченіе* не должно получать никакого *жалованья*, въ военное же время поденное жалованье получаютъ только тѣ, кто снискиваетъ средства къ жизни поденнымъ трудомъ. Военачальники же и остальные офицера когортъ не должны ждать отъ войны никакихъ другихъ доходовъ, кромѣ военной добычи.

32. Если какой-нибудь чужестранецъ возьметъ въ жены дочь гражданина, то его дѣти считаются гражданами и заносятся въ списокъ материнскаго рода. Дѣтямъ же родителей иностранцевъ, рожденнымъ и воспитаннымъ въ самомъ государствѣ, должно быть дозволено пріобрѣсти за установленную плату у старѣйшины какого-нибудь рода право гражданства; они вносятся тогда въ списки этого рода. И если бы даже старѣйшины изъ корысти приняли какого-нибудь иностранца въ число своихъ согражданъ за плату ниже установленной, то это не грозитъ государству никакимъ ущербомъ; но, наоборотъ; слѣдуетъ, озаботиться о мѣрахъ легчайшаго увеличенія числа гражданъ и привлеченія бо́льшаго числа людей. Не занесенные же въ списки гражданъ должны, по крайней мѣрѣ, во время войны возмѣстить (какъ того требуетъ справедливость) свою праздность какимъ-нибудь трудомъ или денежнымъ взносомъ.

33. *Послы*, которые отправляются во время мира въ другія государства въ цѣляхъ заключенія или сохраненія мира, избираются исключительно изъ знати, и необходимыя для нихъ средства отпускаются изъ государственной казны, а не изъ домашней казны царя.

34. Придворные и служители царя, которымъ онъ платитъ жалованье изъ своей домашней казны, не должны имѣть доступа къ государственнымъ службамъ и должностямъ. Я подчеркиваю, *которымъ царь платитъ жалованье изъ своей домашней казны*, чтобы отличить отъ нихъ тѣлохранителей. Ибо тѣлохранителями могутъ быть лишь граждане того же города, которые несутъ, съ соблюденіемъ очереди, караульную службу у покоевъ царя.

35. *Война* должна вестись только въ цѣляхъ мира, дабы по ея окончаніи не имѣлось нужды въ примѣненіи оружія. Поэтому, послѣ захвата городовъ по праву войны и покоренія врага, должны быть установлены такія условія мира, чтобы захваченные города не нуждались въ охранѣ какимъ-нибудь гарнизономъ; но или врагу, по принятіи мирнаго договора, предоставляется возможность ихъ выкупа за извѣстную сумму, или же (если при первомъ образѣ дѣйствій всегда останется, вслѣдствіе неудобствъ мѣстоположенія, опасность нападенія съ тыла) они должны быть сравнены съ землей, а жители уведены въ другое мѣсто[6]).

36. *Царю не должно быть дозволено жениться на иностранкѣ*, но лишь на комъ-нибудь изъ родственницъ или гражданокъ, съ тѣмъ, однако, условіемъ (если онъ, именно, женится на какой-нибудь гражданкѣ), чтобы ближайшіе кровные родственники жены не имѣли доступа къ государственнымъ должностямъ.

37. *Государство должно быть недѣлимымъ*[7]). Если поэтому у царя родится нѣсколько дѣтей, то законнымъ преемникомъ будетъ старшій изъ нихъ. Отнюдь не слѣдуетъ допускать, чтобы государство дѣлилось между дѣтьми, или, хотя и нераздѣленное, переходило ко всѣмъ вмѣстѣ или только къ нѣкоторымъ дѣтямъ; еще того менѣе, чтобы часть его давалась дочерямъ въ качествѣ приданаго. Ибо никоимъ образомъ нельзя допустить, чтобы дочери участвовали въ престолонаслѣдіи.

38. Если царь умираетъ безъ мужского потомства, то ближайшій къ нему по крови долженъ считаться *наслѣдникомъ престола*, если только онъ случайно не женатъ на иностранкѣ, съ которой не желаетъ разойтись.

39. Что касается гражданъ, то ясно изъ § 5 гл. 3, что каждый изъ нихъ долженъ повиноваться всѣмъ приказамъ или распоряженіямъ царя, обнародованнымъ великимъ совѣтомъ (смотри объ этомъ условіи § 18 и 19 этой гл.), хотя бы они казались ему самыми нелѣпыми или же онъ по праву будетъ принужденъ къ этому. Таковы основы монархической формы верховной власти, на которыхъ она должна быть воздвигнута, чтобы быть устойчивой, какъ мы докажемъ въ слѣдующей главѣ[8]).

40. Что касается *религіи*, то никакіе храмы не должны воздвигаться за счетъ городовъ, и не слѣдуетъ устанавливать законовъ относительно мнѣній, если только онѣ не являются бунтовщическими и не ниспровергаютъ основъ государства. Поэтому лица, которымъ дозволяется публичное отправленіе своего культа, могутъ, по желанію, строить храмы за свой счетъ. Царь же для отправленія того культа, къ коему онъ привержень, имѣетъ во дворцѣ свой собственный храмъ.

ГЛАВА VII.

О монархіи. Продолженіе.

1. Разъяснивъ въ предыдущей главѣ основы монархической формы верховной власти, я намѣренъ теперь по порядку доказать ихъ. Для этой цѣли слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что установленіе законовъ, настолько незыблемыхъ, что даже самъ царь не можетъ уничтожить ихъ, отнюдь не идетъ вразрѣзъ съ практикой. Персы обыкновенно чтили своихъ царей наравнѣ съ богами, и однако сами цари не имѣли власти отмѣнять разъ установленные законы, какъ это явствуетъ изъ Даніила [1]), и нигдѣ, насколько мнѣ извѣстно, монархъ не избирается абсолютнымъ, безъ ясно выраженныхъ условій. И это не противорѣчитъ ни разуму, ни тому безусловному повиновенію, которымъ мы обязаны по отношенію къ царю. Ибо основы верховной власти слѣдуетъ считать какъ бы вѣчными рѣшеніями царя, такъ что его министры всецѣло повинуются ему, когда отказываются исполнять его приказы, въ случаѣ если они идутъ вразрѣзъ съ основами верховной власти. Это мы можемъ пояснить примѣромъ Улисса. Вѣдь спут-

ники Улисса слѣдовали его приказу, отказавшись освободить его, когда онъ былъ привязанъ по корабельной мачтѣ и зачарованъ пѣніемъ сиренъ, несмотря на всяческія угрозы; и что впослѣдствіи онъ благодарилъ своихъ спутниковъ за исполненіе ими его первой воли—считаютъ проявленіемъ его благоразумія. На этотъ примѣръ Улисса указываютъ обыкновенно цари судьямъ, наставляя ихъ отправлять правосудіе нелицепріятно, не считаться даже съ самимъ царемъ, если онъ въ отдѣльномъ случаѣ прикажетъ что-нибудь такое, что, какъ они знаютъ, противорѣчитъ установленному праву. Вѣдь цари не боги, а люди, которые часто заслушиваются пѣнія сиренъ. Слѣдовательно, если бы все зависѣло отъ непостоянной воли одного человѣка, то не было бы ничего прочнаго. Поэтому монархическая форма верховной власти, чтобы быть устойчивой, должна быть установлена такъ, чтобы все, правда, совершалось по одному лишь рѣшенію царя, т.-е. чтобы все право было изъявленной волей царя, но не такъ, чтобы всякая воля царя была правомъ, о чемъ смотри § 3, 5 и 6 предыд. гл.

2. Далѣе необходимо отмѣтить, что при заложеніи основъ слѣдуетъ болѣе всего имѣть въ виду человѣческіе аффекты и недостаточно указать на то, что само по себѣ обязательно, но прежде всего нужно выяснить, что могло бы быть сдѣлано для того, чтобы люди имѣли непреложное и незыблемое право—все равно будутъ ли они руководиться аффектомъ или разумомъ. Ибо если право государства или публичная свобода держится только хрупкой опорой законовъ, то не только не будетъ для гражданъ никакой обезпеченности ея осуществленія (какъ мы показали въ § 3 пред. гл.), но, наоборотъ, они обре-

чены на погибель. Вѣдь несомнѣнно, что печальнѣе всего обстоитъ дѣло именно съ наилучшимъ государствомъ, въ которое начала проникать порча, если только оно не рушится отъ перваго же сотрясенія и толчка и не впадетъ въ рабство (что, какъ кажется, невозможно); поэтому для подданныхъ имѣетъ болѣе смысла перенести абсолютно свое право на одного человѣка, нежели соглашаться на недостовѣрныя, тщетныя или ничтожныя условія свободы и тѣмъ уготовлять своимъ потомкамъ путь къ жесточайшему рабству. Но если я покажу, что изложенныя мною въ пред. гл. основы монархической формы верховной власти надежны, и ихъ ниспровержепіе неизбѣжно вызоветъ негодованіе бóльшей части вооруженнаго народа, и что изъ нихъ проистекаетъ безопасность для царя и народа, и выведу все это изъ общей природы, то никто не сможетъ усумниться въ томъ, что онѣ суть наилучшія и истинныя, какъ явствуетъ изъ § 9 гл. 3 и § 3 и 8 пред. гл. Теперь я, возможно кратче, покажу, что онѣ дѣйствительно таковы.

3. Никто не станетъ спорить противъ того, что на томъ, въ чьихъ рукахъ верховная власть, лежитъ обязанность всегда знать о состояніи и положеніи государства, быть на стражѣ общаго блага и проводить въ жизнь полезное для большинства подданныхъ. Но такъ какъ одинъ человѣкъ не можетъ обозрѣть всего (не всегда онъ находится въ состояніи душевнаго равновѣсія, способномъ къ размышленію, и часто болѣзнь, или старость, или какія-либо другія причины не позволяютъ ему заниматься дѣлами правленія), то, слѣдовательно, необходимо, чтобы монархъ имѣлъ совѣтниковъ, которые знали бы положеніе вещей, помогали царю совѣтомъ и

подчасъ его замѣняли; этимъ будетъ достигнуто то, что верховная власть или государство всегда будетъ держаться одного направленія.

4. Но съ человѣческой природой дѣло обстоитъ такъ, что каждый съ величайшимъ жаромъ стремитъ къ своей личной пользѣ и тѣ законы считаетъ за справедливѣйшіе, которыя необходимы для сохраненія и пріумноженія его достоянія, чужой же интересъ защищаетъ лишь постольку, поскольку разсчитываетъ упрочить тѣмъ свой собственный. Отсюда, поэтому, съ необходимостью слѣдуетъ, что совѣтниками нужно выбирать тѣхъ, чье личное достояніе и польза зависятъ отъ общаго благоденствія и мира. И такимъ образомъ ясно, что если изъ каждаго рода или класса гражданъ будутъ выбираться по нѣскольку человѣкъ, то рѣшеніе, получившее въ этомъ совѣтѣ наибольшее число голосовъ, будетъ полезно большинству гражданъ. Правда, въ этотъ совѣтъ, состоящій изъ довольно значительнаго числа гражданъ, необходимо попадетъ и много людей слишкомъ низкаго развитія; однако несомнѣнно, что каждый занимавшійся долгое время съ интересомъ какими-нибудь дѣлами, пріобрѣтетъ въ нихъ достаточный навыкъ и набьетъ руку. Поэтому, если будутъ выбираться лишь занимавшіеся до пятидесяти лѣтъ своими дѣлами и ненажившіе при этомъ дурной славы, то они будутъ въ состояніи давать совѣты, касающіеся ихъ области, въ особенности если въ болѣе важныхъ дѣлахъ будетъ даваться время на размышленіе. Къ этому нужно еще прибавить, что малочисленность совѣта отнюдь не даетъ увѣренности въ томъ, что въ него не попадутъ подобныя лица. Наоборотъ, бо́льшая часть его будетъ состоять изъ

подобныхъ людей, ибо каждый здѣсь будетъ стремиться подобрать себѣ безголовыхъ товарищей, ловящихъ каждое его слово, что не имѣетъ мѣста въ большихъ коллегіяхъ.

5. Кромѣ того несомнѣнно, что каждый предпочитаетъ управлять, нежели быть управляемымъ. „Ибо никто не уступаетъ добровольно власти другому“, какъ говоритъ Саллюстій въ своей первой рѣчи къ Цезарю. [2]) И потому ясно, что цѣлый народъ никогда не перенесъ бы своего права ни на немногихъ, ни на одного, если бы ему удалось притти къ согласію, и если бы споры, столь часто возникающіе въ большихъ собраніяхъ, не грозили перейти въ усобицы. И потому народъ только то свободно переноситъ на царя, что онъ абсолютно не можетъ удержать въ своей власти, а именно, разрѣшеніе споровъ и приведеніе рѣшеній въ исполненіе. Что касается того также частаго случая, когда царь избирается для войны (такъ какъ войны ведутся царями съ большей удачей) то, конечно, безсмысленно для того, чтобы удачнѣе вести войну, желать рабствовать во время мира, если только можно представить себѣ миръ въ государствѣ, верховная власть коего перенесена съ исключительной цѣлью войны на одно лицо, которое поэтому можетъ доказать свою доблесть и свое значеніе для всѣхъ болѣе всего на войнѣ; въ то время какъ, наоборотъ, демократическая форма власти имѣетъ то преимущество, что ея добродѣтель гораздо болѣе проявляется во время мира, чѣмъ на войнѣ. Но по какой бы причинѣ ни былъ избранъ царь, онъ одинъ, какъ мы уже сказали, не можетъ знать всего полезнаго для государства, но для этого ему необходимо, какъ мы показали

въ пред. §, имѣть многихъ совѣтниковъ изъ гражданъ. И такъ какъ мы никоимъ образомъ не можемъ себѣ представить, чтобы что-либо касающееся обсуждаемаго дѣла могло ускользнуть отъ вниманія столь большого числа людей, то отсюда слѣдуетъ, что кромѣ мнѣній этого совѣта, представляемыхъ царю, нѣтъ никакихъ другихъ, соотвѣтствующихъ благу народа. Но такъ какъ благо народа есть верховный законъ или наивысшее право царя, то, слѣдовательно, право царя заключается въ выборѣ изъ представленныхъ ему мнѣній совѣта, а не въ принятіи чего-либо наперекоръ убѣжденію всего совѣта. Смотри § 25 пред. гл. Но если бы царю представлялись всѣ мнѣнія, внесенныя въ совѣтъ, то могло бы случиться, что царь оказывалъ бы всегда предпочтеніе небольшимъ городамъ, имѣющимъ сравнительно небольшое число голосовъ. Ибо хотя по наказу совѣта и было постановлено, чтобы мнѣнія представлялись безъ указанія на ихъ авторовъ, однако, трудно будетъ добиться здѣсь полной тайны. Поэтому необходимо слѣдуетъ установить, чтобы мнѣнія, не имѣющія хотя бы ста голосовъ, не получали дальнѣйшаго движенія, каковое постановленіе большіе города будутъ всѣми силами защищать.

6. Если бы я не стремился къ краткости, я бы указалъ здѣсь на другія чрезвычайно полезныя стороны этого совѣта. Остановлюсь, однако, только на одной, представляющейся наиболѣе важной. Нѣтъ, именно, большаго поощренія къ добродѣтели, чѣмъ общая всѣмъ надежда занять столь почетную должность. Ибо всѣ мы болѣе всего добиваемся славы, какъ подробно показано нами въ нашей этикѣ [3]).

7. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что у большинства этого совѣта душа никогда не будетъ лежать къ войнѣ, но всегда будетъ великое тяготѣніе и любовь къ миру. Вѣдь, не говоря уже о томъ, что война всегда будетъ сопряжена для нихъ самихъ съ опасностью лишиться своего имущества и свободы, нужно еще имѣть въ виду, что для войны потребуются новые расходы, которые они должны будутъ покрыть, и что придется взяться за оружіе ихъ же дѣтямъ и родственникамъ, занятымъ домашними дѣлами; съ войны же послѣдніе могутъ вернуться домой лишь съ никому ненужными ранами. [1]) Ибо, какъ мы сказали въ § 31 пред. гл., ополченіе не должно получать никакого жалованья, и, согласно § 10 той же гл., составляется исключительно изъ гражданъ и ни изъ кого другого.

8. Благопріятствуетъ, далѣе, миру и согласію еще одно весьма существенное обстоятельство, то, именно, что никто изъ гражданъ не обладаетъ недвижимостью. Смотри § 12 пред. гл. Вслѣдствіе этого война всѣмъ угрожаетъ приблизительно равной опасностью. Вѣдь всѣмъ придется для полученія дохода или заняться торговлей, или давать другъ другу деньги взаймы, если, какъ нѣкогда въ Аѳинахъ, будетъ изданъ законъ, воспрещающій отдавать деньги въ ростъ кому-либо, кромѣ туземцевъ; и поэтому придется заниматься дѣлами, которыя или находятся во взаимной зависимости, или предполагаютъ одни и тѣ же условія для своего преуспѣянія. И потому большинство совѣта будетъ почти всегда единодушно относительно общихъ дѣлъ и средствъ сохраненія мира. Ибо, какъ мы сказали въ § 4 наст. гл., каждый защищаетъ чужой интересъ лишь постоль-

ку, поскольку думаетъ тѣмъ самымъ упрочить свое благосостояніе.

9. Никому не можетъ притти въ голову подкупать подобный совѣтъ,— въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Вѣдь если кто-нибудь и привлечетъ на свою сторону одного или двухъ изъ столь большого числа людей, то, конечно, этимъ онъ ничего не добьется. Ибо, какъ мы сказали, мнѣніе, собравшее менѣе ста голосовъ, дальнѣйшаго движенія не получаетъ.

10. Что, кромѣ того, число членовъ этого разъ установленнаго совѣта не можетъ быть уменьшено,—въ этомъ мы легко убѣдимся, если примемъ въ соображеніе общіе аффекты людей. Вѣдь всѣ болѣе всего стремятся къ славѣ, и каждый физически здоровый человѣкъ надѣется прожить до глубокой старости. Поэтому, если мы подочтемъ число тѣхъ, которые дѣйствительно достигли пятидесятилѣтняго или шестидесятилѣтняго возраста, а кромѣ того примемъ въ расчетъ большое число ежегодно избираемыхъ членовъ этого совѣта, то увидимъ, что едва ли найдется способный носить оружіе человѣкъ, который бы не тѣшилъ себя надеждой достичь этого званія; и поэтому всѣ будутъ, по мѣрѣ силъ, защищать право этого совѣта. Нужно замѣтить, что всякой порчѣ легко положить конецъ, если только она не проникаетъ постепенно. Но такъ какъ легче себѣ представить и меньше зависти возбудить уменьшеніе числа избираемыхъ изъ всѣхъ родовъ, нежели уменьшеніе такового изъ немногихъ или даже полное исключеніе того или другого рода, то, слѣдовательно (согл. § 15 пред. гл.); число совѣтниковъ не сможетъ быть уменьшено иначе, какъ отторженіемъ отъ него третьей, чет-

вертой или пятой части; а такое измѣненіе слишкомъ значительно и, слѣдовательно, совершенно идетъ вразрѣзъ съ общимъ теченіемъ дѣлъ. Не слѣдуетъ также опасаться промедленія съ выборами или нерадиваго къ нимъ отношенія, такъ какъ за этимъ слѣдитъ самъ совѣтъ. См. § 16 пред. гл.

11. Итакъ царь,—руководимый ли страхомъ передъ народомъ или съ цѣлью привлечь къ себѣ большинство вооруженнаго народа, или руководимый душевнымъ благородствомъ въ желаніи, именно, послужить обще пользѣ,—всегда будетъ утверждать то мнѣніе, которое собрало большинство голосовъ, т.-е. (согл. § 5 наст. гл.) наиболѣе полезное для большей части государства; несогласныя же мнѣвія, представленныя ему, постарается примирить, чтобы всѣхъ привлечь къ себѣ. На это дѣло царь положитъ всѣ свои силы, чтобы всѣмъ воочію показать, насколько онъ лично небходимъ для нихъ какъ во время мира, такъ и войны. И поэтому онъ тогда будетъ наиболѣе своеправнымъ и въ наибольшемъ обладаніи верховной властью, когда наиболѣе будетъ заботиться объ общемъ благѣ народа.

12. Вѣдь самъ царь не можетъ сдержать всѣхъ страхомъ. Но, какъ мы сказали, его мощь держится численностью солдатъ, въ особенности ихъ доблестью и вѣрностью, которая всегда лишь постольку бываетъ надежной у людей, поскольку они имѣютъ нужду другъ въ другѣ—все равно пристойна ли послѣдняя или позорна. Вслѣдствіе этого цари обыкновенно чаще подзадоривають солдатъ, чѣмъ сдерживаютъ ихъ въ должныхъ границахъ, и болѣе скрываютъ ихъ пороки, чѣмъ добродѣтели; чтобы притѣснять лучшихъ гражданъ, они по

большей части выискиваютъ бездѣльниковъ, развращенныхъ роскошью, приближаютъ ихъ къ себѣ, осыпаютъ ихъ деньгами и милостями, жмутъ имъ руки, цѣлуютъ и за господство идутъ на всякія униженія [5]). Поэтому, чтобы граждане были къ царю ближе всѣхъ и оставались бы своеправными,—поскольку дозволяетъ это гражданское состояніе или справедливость,—необходимо, чтобы ополченіе состояло исключительно изъ гражданъ и чтобы они привлекались къ совѣщаніямъ; наоборотъ, позволившіе привести наемниковъ, промышляющихъ войной и черпающихъ всю свою силу въ раздорахъ и усобицахъ, тѣмъ самымъ обрекаютъ себя на рабство и закладываютъ основы вѣчной войны [6]).

13. Совѣтники царя должны избираться не на всю жизнь, а на три, четыре или самое большее пять лѣтъ; это явствуетъ какъ изъ § 10 наст. гл., такъ и изъ того, что мы сказали въ § 9 наст. гл. Вѣдь если бы они выбирались на всю жизнь, то, не говоря уже о томъ, что громадному большинству гражданъ не была бы доступна надежда на занятіе этой почетной должности, неравенство между гражданами было бы весьма значительно, неравенство, являющееся источникомъ зависти, постояннаго ропота и, наконецъ, усобицъ, которыя, конечно, весьма на руку властолюбивымъ царямъ; кромѣ того, такіе совѣтники начнутъ своевольничать (ибо не будетъ уже страха передъ преемниками), чему цари отнюдь не воспрепятствуютъ. Вѣдь чѣмъ болѣе совѣтники будутъ ненавистны гражданамъ, тѣмъ болѣе будутъ они льнуть къ царю и тѣмъ болѣе будутъ склонны льстить ему. И даже пятилѣтній срокъ представляется чрезчуръ большимъ, ибо въ такой періодъ времени не вполнѣ,

повидимому, невозможно совратить слишкомъ большую часть совѣта (хотя бы онъ и былъ многочисленъ) дарами и милостями. Поэтому дѣло будетъ много вѣрнѣе, если ежегодно двое изъ каждаго рода будутъ выходить изъ состава, а ихъ мѣсто займутъ другіе (если, именно, изъ каждаго рода должно быть по пяти совѣтниковъ) за исключеніемъ того года, когда выходитъ юристъ изъ какого-нибудь рода и на его мѣсто избирается новый.

14. Ни одинъ царь, далѣе, не можетъ мечтать о большей безопасности, нежели та, которой пользуется правящій въ такого рода государствѣ. Вѣдь, не говоря уже о томъ, что не дологъ вѣкъ того, къ кому относятся недоброжелательно его наемники, несомнѣнно, что наибольшая опасность угрожаетъ царю со стороны лицъ къ нему наиболѣе близкихъ. Поэтому чѣмъ малочисленнѣе и, слѣдовательно, могущественнѣе совѣтъ, тѣмъ болѣе царь долженъ опасаться, что они перенесутъ верховную власть на другое лицо. Ничто не испугало такъ Давида, какъ переходъ его совѣтника Ахатофела на сторону Авессалома. Сюда еще слѣдуетъ прибавить, что если вся власть абсолютно перенесена на одно лицо, то тѣмъ легче перенести ее на другое. Два простыхъ солдата вздумали перенести власть надъ Римомъ на другое лицо и перенесли [7]. Я прохожу молчаніемъ хитрости и интриги совѣтниковъ, которыми они вынуждены оберегать себя, чтобы не пасть жертвою зависти, какъ слишкомъ хорошо извѣстныя. Всякій, кто знакомъ съ исторіей, не можетъ не знать, что прямодушіе, было большей частью на погибель совѣтникамъ; поэтому и имъ, чтобы оберечь себя, нужно быть не прямодушными, а вѣроломными. Но если число совѣтниковъ слишкомъ велико для того,

чтобы они могли сойтись на какомъ-нибудь преступномъ планѣ, если всѣ между собой равны и отправляютъ должность не болѣе четырехъ лѣтъ, то они никогда не будутъ страшны для царя, если только онъ не вздумаетъ лишить ихъ свободы, чѣмъ въ равной степени оскорбитъ всѣхъ гражданъ. Ибо (какъ прекрасно замѣчаетъ Ант. Пересъ [8]) обладаніе абсолютной властью для князя слишкомъ опасно, для подданныхъ слишкомъ ненавистно и идетъ вразрѣзъ какъ съ божественными, такъ и съ человѣческими установленіями, что доказывается безчисленными примѣрами.

15. Въ пред. гл. мы заложили еще и другія основы, которыя въ высокой степени обезпечиваютъ царю его власть и гражданамъ миръ и свободу, что мы и покажемъ въ своемъ мѣстѣ. Ибо прежде всего я хотѣлъ доказать все касающееся верховнаго совѣта, какъ наиболѣе важное. Теперь же перейдемъ къ остальнымъ, держась намѣченнаго мною порядка.

16. Что граждане тѣмъ могущественнѣе и, слѣдовательно, болѣе своеправны, чѣмъ бóльшими и лучше укрѣпленными городами они обладаютъ,—это несомнѣнно. Вѣдь чѣмъ безопаснѣе ихъ мѣстожительство, тѣмъ лучше они могутъ защищать свою свободу или менѣе бояться внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Несомнѣнно, далѣе, что люди по природѣ тѣмъ болѣе заботятся о своей безопасности, чѣмъ они богаче. Тѣ же города, которые для своего сохраненія нуждаются въ мощи другого, не имѣютъ съ нимъ равнаго права; но постольку чужеправны, поскольку нуждаются въ чужой мощи. Вѣдь право, какъ мы показали въ гл. 2, опредѣляется исключительно мощью.

17. Для той же самой цѣли, т. е. для того, чтобы граждане оставались своеправными и сохранили свободу, ополченіе должно состоять только изъ гражданъ, безъ исключенія для кого бы то ни было. Вѣдь вооруженный человѣкъ болѣе своеправенъ, чѣмъ невооруженный (смотри § 12 наст. гл.); и граждане абсолютно переносятъ свое право на то лицо (всецѣло ввѣряя себя его совѣстливости), которому они передали оружіе и довѣрили укрѣпленія городовъ[9]). Сюда присоединяется еще и человѣческая скупость, которая въ очень значительной степени опредѣляетъ поведеніе большинства. Вѣдь солдатъ нельзя нанять безъ большихъ расходовъ; а граждане почти не терпятъ налоговъ, необходимыхъ для содержанія празднаго войска. А что никто изъ начальствующихъ надъ всѣмъ ополченіемъ или надъ большой его частью, не долженъ, безъ крайней нужды, выбираться болѣе, чѣмъ на годъ,—это знаетъ всякій занимавшійся священной или свѣтской исторіей. Разумъ же ничему не учитъ съ большей убѣдительностью. Вѣдь сила государства всецѣло ввѣряется тому, кто имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточно времени, чтобы достичь воинской славы, затмить своимъ именемъ самого царя или привязать къ себѣ войско снисходительностью, щедростью и другими, принятыми у военачальниковъ, пріемами, которыми они пролагаютъ путь къ чужому рабству и своему господству. Наконецъ, для большей безопасности всего государства я прибавилъ, что командующіе ополченіемъ выбираются изъ совѣтниковъ царя или отбывшихъ эту должность, т. е. изъ людей достигшихъ того возраста, когда люди, по большей части, предпочитаютъ новому и опасному, старое и вѣрное. См. гл. 6 и 10.

18. Я сказалъ, что *граждане должны различаться по родамъ* (см. гл. 6, 11 и 15 сл.), и что изъ каждаго рода слѣдуетъ избирать равное число совѣтниковъ, чтобы большіе города имѣли больше совѣтниковъ въ соотвѣтствіи съ числомъ гражданъ и могли подавать большее число голосовъ, какъ оно и справедливо. Вѣдь мощь верховной власти, а слѣдовательно и право должны оцѣниваться по числу гражданъ; я не думаю, чтобы для сохраненія этого равенства между гражданами могло быть придумано другое болѣе дѣйствительное средство; всѣ граждане по природѣ таковы, что каждый желаетъ числиться въ своемъ родѣ и отличаться отъ другихъ своимъ происхожденіемъ.

19. Въ естественномъ состояніи, далѣе, земля и все, связанное съ землей такимъ образомъ, что не можетъ быть ни спрятано, ни унесено куда бы то ни было, меньше чѣмъ что-либо другое можетъ быть утверждено за собой и подчинено своему праву каждымъ въ отдѣльности. Поэтому *земля* и все связанное съ ней вышеупомянутымъ образомъ должно быть преимущественно подчинено общему праву государства, всѣхъ тѣхъ, именно, которые соединенными силами могутъ удержать это за собой, или того, кто можетъ сдѣлать такъ благодаря власти, сообщенной ему всѣми; и, слѣдовательно, земля и все связанное съ ней должны имѣть въ глазахъ гражданъ только ту цѣну, что на ней можно обосноваться и защищать общее право и свободу. Что касается остальныхъ выгодъ, которыя государства должно извлекать изъ земли, то объ нихъ мы говорили въ § 8 наст. гл.

20. Для того, чтобы граждане по возможности оставались равными—что для государства является настоя-

тельной необходимостью,—къ *знати* причисляются лишь нисходящіе царя. Но если бы всѣмъ нисходящимъ царя было бы дозволено жениться или производить дѣтей, то съ теченіемъ времени ихъ число возросло бы до чрезвычайности, и они были бы не только въ тягость всѣмъ остальнымъ, но и явились бы источникомъ громадной опасности. Вѣдь люди, живущіе въ праздности, по большей части увлекаются преступными планами. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что цари затѣваютъ войны главнымъ образомъ изъ-за знати, такъ какъ война приноситъ съ собой царямъ, тѣснимымъ знатью, больше безопасности и спокойствія, чѣмъ миръ. Но я не останавливаюсь болѣе на этомъ, какъ на достаточно извѣстномъ, равно какъ и на всемъ сказанномъ мною съ § 15 до § 27 пред. гл. Ибо самое существенное доказано въ этой главѣ, остальное же очевидно само по себѣ [10]).

21. Что число судей должно быть достаточно велико для того, чтобы частное лицо не могло совратить большой части ихъ дарами, что голосованіе должно быть тайнымъ, а не явнымъ, что судьи заслуживаютъ вознагражденія за свой трудъ—это также всѣмъ извѣстно. Но повсюду они получаютъ годовое содержаніе; вслѣдствіе чего они не очень то торопятся съ разрѣшеніемъ дѣлъ, и часто тяжбамъ не предвидится конца. Далѣе, тамъ, гдѣ конфискованныя имущества поступаютъ въ пользу царей, часто бываетъ, *что при разбирательствѣ смотрятъ не на право и истину, но на величину состоянія; доносы становятся всеобщимъ явленіемъ и начинается преслѣдованіе наиболѣе богатыхъ; такое тяжелое и нестерпимое положеніе вещей, оправдываемое*

необходимостью военнаго времени, остается и во время мира [11]). Корыстолюбіе же судей, остающихся въ должности два или три года, умѣряется страхомъ передъ преемниками, не говоря уже о томъ, что судьи не могутъ имѣть никакой недвижимости, но вынуждены свои деньги, въ цѣляхъ полученія дохода, отдавать взаймы согражданамъ. Поэтому имъ придется скорѣе заботиться о гражданахъ, нежели строить имъ козни, въ особенности если самихъ судей будетъ, какъ мы сказали, достаточно большое число.

22. *Ополченіе же*, какъ мы сказали, *не должно получать никакого жалованья*. Ибо величайшая награда ополченію—свобода. Вѣдь въ естественномъ состояніи каждый стремится защитить себя, по мѣрѣ силъ, ради одной только свободы и не ждетъ другой награды воинской доблести, кромѣ самостоятельности; въ гражданскомъ же состояніи всѣ граждане вмѣстѣ должны быть разсматриваемы, какъ человѣкъ въ естественномъ состояніи; поэтому они, сражаясь всѣ за это состояніе, отстаиваютъ самихъ себя и заняты своимъ собственнымъ дѣломъ. Совѣтники же, судьи, преторы и т. д. болѣе трудятся для другихъ, чѣмъ для себя; поэтому справедливо назначить имъ вознагражденіе за трудъ. Къ этому нужно прибавить, что нѣтъ на войнѣ болѣе достойнаго и болѣе сильнаго стимула къ побѣдѣ, чѣмъ образъ свободы. Но наоборотъ, если для военной службы будетъ предназначена только какая - нибудь одна часть гражданъ (по каковой причинѣ имъ придется опредѣлить жалованье), то царь не преминетъ приблизить ихъ къ себѣ предпочтительно передъ другими (какъ мы показали въ § 12 пред. гл.); такимъ образомъ, наи-

болѣе близки къ нему будутъ люди, знакомые только съ военнымъ дѣломъ, люди, которыхъ избытокъ досуга въ мирное время толкнетъ къ излишествамъ и которые, растративъ свое личное достоянiе, только и будутъ помышлять, что о грабежахъ, гражданскихъ усобицахъ и войнахъ. Поэтому мы можемъ утверждать, что подобное монархическое государство на самомъ дѣлѣ есть состоянiе войны и что въ немъ только войско свободно, всѣ же остальные рабствуютъ.

23. Сказанное нами въ § 32 пред. главы о прiемѣ *иностранцевъ* въ число гражданъ говоритъ, по нашему мнѣнiю, само за себя. Кромѣ того, никто, я думаю, не станетъ сомнѣваться въ томъ, что ближайшiе кровные родственники царя должны находиться отъ него въ отдаленiи и заниматься дѣлами не войны, а мира, что принесетъ имъ славу и государству спокойствiе. Но даже и это казалось недостаточнымъ турецкимъ тиранамъ; у нихъ поэтому укоренился обычай убивать всѣхъ братьевъ. И не удивительно; вѣдь чѣмъ болѣе абсолютно перенесено право государства на одно лицо, тѣмъ легче оно (какъ мы показали на примѣрѣ въ § 14 наст. главы) можетъ быть перенесено съ этого лица на другое. Но несомнѣнно, что изображаемая здѣсь монархическая форма верховной власти, при которой, именно, нѣтъ ни одного наемнаго солдата, достаточно обезпечиваетъ благоденствiе царя указаннымъ нами образомъ.

24. Никто не можетъ колебаться также относительно сказаннаго нами въ §§ 34 и 35 пред. главы. Но легко доказать также, что царь не долженъ брать въ жены иностранку. Вѣдь помимо того, что два государства,

если даже они и соединены между собою союзомъ, находятся все-таки въ состоянiи вражды (согласно § 14 гл. 3-й),—прежде всего слѣдуетъ остерегаться, чтобы не возникла война изъ-за домашнихъ дѣлъ царя; вѣдь раздоры и несогласiя возникаютъ главнымъ образомъ изъ союза, происшедшаго отъ брака, и спорные вопросы между двумя государствами по большей части рѣшаются по праву войны. Отсюда слѣдуетъ, что для государства гибельно вступленiе въ тѣсный союзъ съ другимъ. О роковомъ примѣрѣ такого рода сообщаетъ Писанiе. А именно по смерти Соломона, сочетавшагося бракомъ съ дочерью египетскаго царя, сынъ его Ровоамъ велъ несчастливѣйшую войну съ египетскимъ царемъ, Сузакомъ, которымъ былъ совсѣмъ покоренъ. Кромѣ того, бракъ Людовика XIV, короля французскаго, съ дочерью Филиппа IV повлекъ за собою новую войну. И кромѣ этихъ въ исторiи имѣется множество другихъ примѣровъ.

25. Обликъ государства долженъ сохраняться однимъ и тѣмъ же, и, слѣдовательно, царское достоинство принадлежать одному лицу, отпрыску какой-нибудь одной династiи, и государство оставаться недѣлимымъ. Я сказалъ, далѣе, что, старшiй сынъ царя наслѣдуетъ отцу по праву или (если нѣтъ дѣтей) ближайшiй кровный родственникъ царя; это явствуетъ, какъ изъ § 13 предшествующей главы, такъ и изъ того, что избранiе царя, произведенное народомъ, должно быть дѣйствительнымъ, если только это возможно, на вѣчныя времена. Иначе неизбѣженъ частый переходъ верховной власти государства къ народу, что является величайшей, а, слѣдовательно, и опаснѣйшей перемѣной. Утверждающiе же, что царь, какъ собственникъ государства и какъ обла-

датель его по абсолютному праву, можетъ передавать его, кому онъ хочетъ, и избирать въ преемники, кого хочетъ, и что именно поэтому сынъ царя есть правомѣрный наслѣдникъ престола,—несомнѣнно заблуждаются. Вѣдь воля царя имѣетъ силу закона, пока онъ держитъ въ своихъ рукахъ мечъ государства, такъ какъ право государства опредѣляется одной только мощью. Поэтому царь можетъ, правда, отказаться отъ престола, но не можетъ передать верховную власть другому, развѣ только съ согласія народа или его болѣе значительной части. Для болѣе яснаго уразумѣнія этого слѣдуетъ замѣтить, что дѣти являются наслѣдниками родителей не по естественному, а по гражданскому праву. Ибо одна только мощь государства дѣлаетъ каждаго собственникомъ какихъ-либо имущественныхъ благъ. Поэтому та же мощь или право, которой обусловливается дѣйствительность воли кого-либо, относительно его имущества, обусловливаетъ то, что та же воля даже послѣ его смерти имѣетъ дѣйствіе, пока существуетъ государство; и, такимъ образомъ, въ гражданскомъ состояніи каждый то право, которымъ онъ обладалъ при жизни, удерживаетъ и послѣ смерти, ибо онъ, какъ мы сказали, можетъ распоряжаться о своемъ имуществѣ не въ силу собственной мощи, а въ силу вѣчной мощи государства. Совсѣмъ иное положеніе царя. Вѣдь воля царя есть само гражданское право, и царь—само государство. Итакъ, съ кончиной царя государство нѣкоторымъ образомъ умираетъ, гражданское состояніе возвращается къ естественному и, слѣдовательно, верховная власть естественнымъ образомъ—къ народу, который вслѣдствіе этого по праву можетъ издавать новые законы и отмѣнять

старые. Отсюда ясно, что никто не наслѣдуетъ царю по праву, кромѣ того, кого народъ хочетъ въ наслѣдники, или въ теократіи, каковой нѣкогда было еврейское государство, того, кого изберетъ Богъ черезъ пророка. Это мы можемъ вывести еще изъ того, что мечъ царя или право на самомъ дѣлѣ есть воля самого народа или его болѣе значительной части, или также изъ того, что люди, одаренные разумомъ, никогда не уступятъ своего права такъ, чтобы перестать быть людьми и терпѣть обращеніе съ собою, какъ со скотомъ. Однако нѣтъ нужды развивать это болѣе подробно.

26. Право на религію или на богопочитаніе никто не можетъ перенести на другого. Однако объ этомъ мы подробно говорили въ послѣднихъ главахъ богословско-политическаго трактата и повторять это здѣсь излишне.

Изложеннымъ, по моему мнѣнію, я, хотя и кратко, однако достаточно ясно доказалъ основы наилучшей формы монархической власти. Ихъ же взаимозависимость или слаженность государства легко замѣтитъ каждый, кто только захочетъ за разъ обозрѣть ихъ болѣе или менѣе внимательно. Остается только напомнить, что я имѣю здѣсь въ виду монархическую форму верховной власти, устанавливаемую свободнымъ народомъ, которому только и могутъ быть пригодны эти основы. Вѣдь народъ, привыкшій къ другой формѣ верховной власти, не сможетъ, не рискуя гибелью всего государства, снести ранѣе принятыя основы и измѣнить строеніе всего государства.

27. Написанное нами будетъ, быть можетъ, встрѣчено насмѣшкой тѣми, которые пороки, присущіе всѣмъ смертнымъ, приписываютъ одному только плебсу. По ихъ

словамъ, простой народъ не знаетъ мѣры, онъ, если не устрашенъ, наводитъ ужасъ, плебсъ униженно служитъ или высокомѣрно господствуетъ, ему чужды истина и способность сужденія. *Природа*, однако, *едина и обща всѣмъ*. Но насъ вводятъ въ заблужденіе мощь и внѣшній лоскъ. Поэтому, когда двое дѣлаютъ одно и то же, мы часто говоримъ: одному можно это совершать безнаказанно, другому нельзя—не вслѣдствіе различія въ поступкахъ, но различія въ дѣятеляхъ [12]). Высокомѣріе свойственно господствующимъ: Уже назначеніе на должность, ограниченную годовымъ срокомъ, внушаетъ людямъ высокомѣріе,—что же сказать о знати, за которой почетныя должности закрѣплены на вѣчныя времена! Но ея надменность маскируется пышностью, роскошью, мотовствомъ, какой-то согласованностью пороковъ, ученымъ невѣжествомъ и изяществомъ распутства, такъ что пороки, которые, если разсматривать ихъ въ отдѣльности (тогда они болѣе всего выступаютъ на видъ), окажутся гнусными и позорными, неопытнымъ и несвѣдующимъ представляются похвальными и пристойными. Далѣе, простой народъ не знаетъ мѣры, онъ наводитъ ужасъ, если не устрашенъ,—но свободу и рабство не такъ-то легко совмѣстить. Наконецъ, плебсу чужды истина и способность сужденія — не удивительно, такъ какъ важнѣйшія дѣла государства ведутся втайнѣ отъ него, и онъ дѣлаетъ догадки по тому немногому, чего не удается скрыть. Вѣдь воздержаніе отъ сужденія— рѣдкая добродѣтель. Поэтому желать все вершить втайнѣ отъ гражданъ и вмѣстѣ съ тѣмъ желать, чтобы сужденіе ихъ объ этомъ не было превратнымъ и чтобы все не подвергалось толкованію въ худшую сторону, — есть

верхъ нелѣпости. Вѣдь если бы плебсъ могъ соблюдать мѣру и воздерживаться отъ сужденій относительно мало знакомыхъ дѣлъ, или же по тому немногому, что онъ узналъ, правильно судить о дѣлахъ, то, конечно, онъ былъ бы болѣе достоинъ управлять, чѣмъ быть управляемымъ. Но, какъ мы сказали, природа у всѣхъ одна и та же. Всѣмъ господство внушаетъ высокомѣріе, всѣ наводятъ ужасъ, если не устрашены, и всюду истина по большей части попирается ожесточеніемъ и раболѣпствомъ; въ особенности тамъ, гдѣ господствуютъ одинъ или немногіе, которые при разбирательствахъ смотрятъ не на право или истину, но на величину богатства.[13])

28. *Наемные солдаты*, освоившіеся съ воинской дисциплиной и привыкшіе къ холоду и голоду, смотрятъ, обыкновенно, свысока на толпы гражданъ, считая ихъ гораздо ниже себя въ смыслѣ пригодности для наступательныхъ дѣйствій. Однако ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не будетъ утверждать, что государство по этой причинѣ будетъ менѣе счастливо или прочно. Но, наоборотъ, каждый беспристрастный наблюдатель признаетъ, что то *государство прочнѣе всѣхъ*, которое можетъ только защищать пріобрѣтенное, а не домогаться чужого, и которое вслѣдствіе этого стремится всячески избѣгнуть войны и сохранить миръ.

29. Сознаюсь, впрочемъ, что едва-ли возможно скрыть намѣренія этого государства. Но вмѣстѣ со мною каждый признаетъ также, что освѣдомленность враговъ въ правыхъ намѣреніяхъ государства гораздо лучше сокрытія отъ гражданъ дурныхъ происковъ тирановъ. Лица, имѣющія возможность втайнѣ вершить дѣла государства, абсолютно держатъ послѣднее въ своей власти

и такъ же строятъ гражданамъ козни въ мирное время, какъ врагу въ военное. Никто не можетъ отрицать, что покровъ тайны часто бываетъ нуженъ государству; но никогда никто не докажетъ, что то же сасамое государство не въ состоянiи существовать безъ него. Но, наоборотъ, никоимъ образомъ невозможно абсолютно ввѣрить кому-либо дѣла правленiя и вмѣстѣ съ тѣмъ удержать за собою свободу; а поэтому нелѣпо желанiе величайшимъ зломъ избѣгнуть незначительнаго ущерба. На самомъ дѣлѣ, у домогающихся абсолютной власти всегда одна пѣснь: интересы государства безусловно требуютъ, чтобы его дѣла велись втайнѣ и т. д. и т. д.—все это тѣмъ скорѣе приводитъ къ самому злосчастному рабству, чѣмъ болѣе оно прикрывается видимостью пользы [11]).

30. Наконецъ, хотя ни одно государство, насколько мнѣ извѣстно, не было установлено сообразно съ тѣми условiями, о которыхъ мы говорили, однако, если мы разсмотримъ причины сохраненiя и паденiя какого-нибудь цивилизованнаго государства, то мы сможемъ и изъ опыта почерпнуть указанiя на то, что эта форма монархической власти—наилучшая. Но здѣсь я не могу этого сдѣлать безъ большой докуки для читателя. Однако одинъ замѣчательный примѣръ я не хочу обойти молчанiемъ. Я имѣю въ виду *государство арагонцевъ*: преисполненные исключительной вѣрности своимъ королямъ и такого же постоянства, они сохранили въ неприкосновенности установленiя королевства. Сбросивъ рабское иго мавровъ, они немедленно постановили избрать себѣ царя; но на какихъ условiяхъ,—относительно этого между ними не было достигнуто полнаго соглашенiя. Поэтому было

рѣшено обратиться за совѣтомъ къ папѣ. Послѣдній, ведя себя въ этомъ дѣлѣ, поистинѣ, какъ намѣстникъ Христа, упрекнулъ ихъ въ томъ, что они, недостаточно вразумившись примѣромъ евреевъ, съ такимъ упорствомъ желаютъ царя; но на случай, если они не захотятъ измѣнить рѣшенія, онъ посовѣтовалъ имъ не избирать царя, не установивъ предварительно достаточно справедливыхъ и согласныхъ съ характеромъ націи правоположеній, и прежде всего создать какой-нибудь верховный совѣтъ, который, какъ въ Спартѣ эфоры, противостоялъ бы царю и имѣлъ бы абсолютное право разрѣшать споры, могущіе возникнуть между царемъ и гражданами. Послѣдовавъ этому совѣту, они установили законы, которые казались имъ самыми справедливыми; ихъ верховнымъ истолкователемъ и, слѣдовательно, верховнымъ судьей долженъ быть не царь, но совѣтъ, который носитъ названіе совѣта семнадцати и предсѣдатель котораго именуется „Справедливость“ (Justitia). Этотъ послѣдній и эти семнадцать, избранные на всю жизнь не голосованіемъ, но жребіемъ, имѣютъ абсолютное право отмѣнять и уничтожать всѣ рѣшенія, постановленныя противъ какого-либо гражданина другими коллегіями, какъ свѣтскими, такъ и церковными, или самимъ царемъ, такъ что каждый гражданинъ имѣетъ право призвать на этотъ судъ даже самого царя. Кромѣ того, нѣкогда они даже имѣли право избирать царя и лишать его власти. Но впослѣдствіи, по истеченіи многихъ лѣтъ, король Донъ-Педро, прозванный Кинжаломъ, происками, подкупами, обѣщаніями и задабриваніями всякаго рода добился уничтоженія этого права (достигши этого, онъ въ присутствіи всѣхъ отрѣзалъ

себѣ руку кинжаломъ или, чему я болѣе охотно повѣрю, поранилъ ее, сказавъ, что избраніе царя для подданныхъ возможно только за такую цѣну, какъ царская кровь), однако подъ такимъ условіемъ: *отнынѣ они могутъ взяться за оружіе противъ всякаго насилія, которымъ кто-нибудь захотѣлъ бы захватить верховную власть къ вреду для нихъ, даже противъ самого царя и будущаго наслѣдника престола, если онъ такимъ образомъ захватываетъ власть.* Этимъ условіемъ они, конечно, свое прежнее право не столько уничтожили, сколько исправили. Вѣдь, какъ мы показали въ §§ 5 и 6 гл. 6-й, царь не по гражданскому праву, но по праву войны можетъ быть лишенъ господства, или только его насиліе подданнымъ дозволено отражать насиліемъ. Кромѣ этого были выговорены другія условія, нашего предмета не касающіяся. Проникнутые этими правоположеніями, установленными съ общаго рѣшенія, они въ теченіе исключительно долгаго времени были ограждены отъ насилія: преданность подданныхъ королю и преданность короля подданнымъ всегда были равны. Но послѣ того какъ Кастильскій престолъ перешелъ по наслѣдству къ Фердинанду, раньше всѣхъ получившаго титулъ „католическаго“, эта свобода арагонцевъ стала для кастильцевъ предметомъ зависти, и поэтому они настойчиво совѣтовали Фердинанду сократить эти вольности. Онъ же, не привыкнувъ еще къ абсолютной власти и не рѣшаясь ничего предпринять, отвѣтилъ совѣтникамъ слѣдующее: *не говоря уже о томъ, что престолъ арагонцевъ онъ принялъ на извѣстныхъ имъ условіяхъ и торжественнѣйшимъ образомъ поклялся исполнять эти условія,*

и что не соотвѣтствуетъ человѣческому достоинству нарушать данное слово,—онъ убѣжденъ, что его престолъ будетъ крѣпокъ, доколѣ въ отношеніи безопасности подданные и царь будутъ равны, такъ что ни царь передъ подданными, ни народъ передъ царемъ не будутъ имѣть преимущества; ибо если та или другая сторона сдѣлается могущественнѣе, то болѣе слабая сторона попытается не только возстановить прежнее равенство, но напротивъ, опечаленная понесеннымъ вредомъ, попытается перенести этотъ вредъ на другую, изъ чего проистечетъ гибель или какой-нибудь изъ нихъ или обѣихъ вмѣстѣ. Я конечно не могъ бы въ достаточной мѣрѣ надивиться этимъ мудрымъ словамъ, если бы они были произнесены царемъ, привыкшимъ повелѣвать рабами, а не свободными людьми. Итакъ, арагонцы сохранили послѣ Фердинанда свободу, но уже не по праву, а по милости болѣе могущественныхъ царей, до Филиппа Второго, который угнеталъ ихъ, съ болѣе счастливымъ для себя исходомъ, но съ неменьшей жестокостью, чѣмъ Нидерландскія провинціи. И хотя Филиппъ Третій, повидимому, возстановилъ все въ прежнее состояніе, однако арагонцы,—большинство ихъ желало угодить болѣе могущественнымъ (вѣдь плеть обуха не перешибетъ), а остальные были охвачены страхомъ—ничего не сохранили отъ свободы, кромѣ пышныхъ словъ и пустыхъ обрядностей.

31. Итакъ, мы заключаемъ, что народъ при царѣ можетъ сохранить достаточно обширную свободу, если только добьется того, чтобы мощь царя опредѣлялась только мощью народа и защищалась самимъ народомъ. Это было единственнымъ правиломъ, которому я слѣдовалъ, закладывая основы монархической формы верховной власти.

ГЛАВА VIII.

Объ аристократіи.

1. Доселѣ о монархическомъ образѣ правленія. Теперь же переходимъ къ изложенію того, какъ надлежитъ установить аристократическую форму верховной власти для приданія ей прочности. Аристократическая форма верховной власти, какъ мы сказали, есть та, при которой власть находится не у одного лица, но у нѣсколькихъ, выбранныхъ изъ народа; въ дальнѣйшемъ мы будемъ называть ихъ *патриціями*. Я подчеркиваю: *при которой власть находится у нѣсколькихъ выбранныхъ лицъ*. Вѣдь различіе между аристократической и демократической формой верховной власти состоитъ преимущественно въ томъ, что при первой право управленія зависитъ только отъ избранія, при второй же—главнымъ образомъ отъ нѣкотораго прирожденнаго или же въ силу случая пріобрѣтеннаго права (это мы покажемъ въ своемъ мѣстѣ). Поэтому хотя бы все населеніе какого-либо государства было принято въ число патриціевъ, все-таки,—если только это право не наслѣдственно и не переходитъ къ другимъ по общему закону,—форма верховной власти безусловно будетъ аристократической, поскольку избраніе составляетъ непремѣнное условіе для пріема въ число патриціевъ.

Если патриціевъ будетъ только двое, то они будутъ стремиться къ превосходству другъ надъ другомъ, и государство легко, вслѣдствіе чрезмѣрной мощи каждаго изъ нихъ, раздѣлится на двѣ части или же,—если власть была сосредоточена въ рукахъ трехъ, четырехъ или пяти лицъ,—на три, на четыре, на пять частей. Но части будутъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ больше число тѣхъ, на которыхъ была перенесена верховная власть. Отсюда слѣдуетъ, что при опредѣленіи минимальнаго числа патриціевъ, потребнаго для устойчивости аристократіи, необходимо сообразоваться съ величиной самого государства.

2. Итакъ допустимъ, что для государства средней величины достаточно сотни лучшихъ людей, (optimatum) на которыхъ была бы перенесена верховная власть государства, и которымъ, слѣдовательно, въ случаѣ смерти кого-либо изъ нихъ, принадлежало бы право избранія коллегъ, патриціевъ. Они, безъ сомнѣнія, приложатъ всѣ старанія къ тому, чтобы ихъ пріемниками были ихъ дѣти или ближайшіе родственники. Благодаря этому верховная власть государства всегда будетъ у тѣхъ, которымъ посчастливилось быть дѣтьми или кровными родственниками патриціевъ. И такъ какъ изъ сотни людей, достигшихъ вслѣдствіе счастливаго стеченія обстоятельствъ патриціанскаго званія, едва ли найдутся трое, обладающихъ надлежащей сообразительностью и благоразуміемъ, то въ результатѣ, слѣдовательно, власть государства окажется въ рукахъ не ста, а только двухъ или трехъ лицъ; вслѣдствіе своихъ дарованій имъ не трудно будетъ сосредоточить все въ своихъ рукахъ, и каждый изъ нихъ, въ силу общечеловѣческихъ склонностей, постарается про-

ложить дорогу къ монархіи. Такимъ образомъ, если мы произведемъ правильный расчетъ, то окажется, что необходимо, чтобы верховная власть государства, для котораго по его размѣрамъ потребно по крайней мѣрѣ сто лучшихъ людей (optimatum), была перенесена по крайней мѣрѣ на пять тысячъ патриціевъ. При такомъ расчетѣ никогда не будетъ недостатка въ сотнѣ даровитыхъ людей; при томъ именно допущеніи, что изъ пятидесяти лицъ, домогающихся и достигающихъ патриціанскаго званія, всегда найдется одинъ, не уступающій наилучшимъ, не говоря уже о тѣхъ, которые стремятся подражать доблести наилучшихъ и потому достойны принять участіе въ управленіи.

3. По большей части патриціи состоятъ гражданами одного города—столицы всего государства, такъ что государство зовется по нему, какъ нѣкогда римское, въ настоящее время венеціанское, генуезское и т. д.. Голландская же республика заимствуетъ имя отъ цѣлой провинціи; съ чѣмъ связано то, что подданные этого государства пользуются большей свободой.

Прежде чѣмъ обратиться къ опредѣленію тѣхъ основъ, на которыхъ слѣдуетъ утвердить эту аристократическую форму верховной власти, необходимо отмѣтить различіе между властью, перенесенной на одно лицо и властью, перенесенной на достаточно многочисленную коллегію. Ясно, что различіе это огромно. Во-первыхъ, мощь одного человѣка (какъ мы сказали въ 35 гл. 6) незначительна по сравненіи съ бременемъ всей верховной власти, чего никто не можетъ сказать безъ очевиднаго абсурда о достаточно большой коллегіи. Вѣдь кто утверждаетъ, что данная коллегія достаточно велика, тотъ тѣмъ

самымъ отрицаетъ, что ей не подъ силу бремя верховной власти. Поэтому царь постоянно нуждается въ совѣтникахъ, такого же рода коллегія—менѣе всего. Далѣе, цари смертны, коллегіи, напротивъ, вѣчны. Мощь верховной власти, слѣдовательно, однажды перенесенная на достаточно многочисленную коллегію, никогда не возвращается къ народу—въ противоположность монархической формѣ власти, какъ мы показали въ § 25 предшествующей главы. Въ-третьихъ, власть царя вслѣдствіе его малолѣтства, болѣзни, старческой дряхлости или по другимъ причинамъ часто бываетъ непрочной, наоборотъ, мощь такой коллегіи всегда остается одной и той же. Въ-четвертыхъ, воля одного человѣка весьма измѣнчива и непостоянна. По этой причинѣ при монархическомъ образѣ правленія все право есть изъявленная воля царя (какъ мы разъяснили въ § 1 предшествующей главы), но не всякая воля царя должна быть правомъ, чего нельзя сказать о волѣ достаточно многочисленной коллегіи. Такъ какъ сама коллегія (какъ мы только что показали) не нуждается въ совѣтникахъ, то всякая изъявленная ея воля необходимо должна быть правомъ. Отсюда мы заключаемъ, что верховная власть, перенесенная на достаточно многочисленную коллегію, является абсолютной или наиболѣе близкой къ таковой. Ибо если и есть какая-нибудь *абсолютная власть*, то на самомъ дѣлѣ это будетъ та, которой обладаетъ весь народъ.

4. Поскольку при этомъ аристократическомъ образѣ правленія власть никогда (какъ мы только что показали) не возвращается къ народу, и при немъ народъ не имѣетъ никакого голоса, но безусловно всякая изъявленная во-

ля верховной коллегіи есть право,—такая власть всецѣло должна разсматриваться, какъ абсолютная. Ея основы, слѣдовательно, должны опираться исключительно на волю и сужденіе этой коллегіи, а не на бдительность народа, такъ какъ для него не доступны ни участіе въ совѣщаніяхъ, ни голосованіе. Причина же того, что на практикѣ эта власть не абсолютна, заключается единственно въ томъ, что народъ внушаетъ страхъ власть имущимъ; поэтому народъ сохраняетъ за собой нѣкоторую свободу, которая, хотя и не имѣетъ прямой опоры въ законѣ, однако молчаливо отстаивается имъ и оставляется за собою.

5. Итакъ, ясно, что въ наилучшихъ условіяхъ эта форма верховной власти будетъ находиться тогда, когда она по своему устройству болѣе всего подойдетъ къ абсолютной, т.-е. когда народъ возможно менѣе будетъ внушать къ себѣ страха и не удержитъ никакой свободы кромѣ той, которую по необходимости слѣдуетъ ему удѣлить въ силу устройства самой верховной власти и которая поэтому является правомъ не столько народа, сколько всего государства; правомъ, отстаиваемымъ и охраняемымъ одними патриціями (optimates), какъ ихъ собственное право. При такомъ положеніи вещей, какъ это явствуетъ изъ предшествующаго параграфа и очевидно само по себѣ, практика болѣе всего будетъ согласоваться съ теоріей. Не можемъ же мы сомнѣваться, что верховная власть тѣмъ менѣе будетъ въ рукахъ патриціевъ, чѣмъ больше правъ присвоитъ себѣ народъ; правъ въ родѣ тѣхъ, которыми обыкновенно обладаютъ въ Нижней Германіи союзы ремесленниковъ, называемые *гильдіями*.

6. То обстоятельство, что верховная власть безусловно перенесена на коллегію, не должно внушать народу опасенія впасть въ презрѣнное рабство. Вѣдь воля столь большой коллегіи опредѣляется не столько прихотью, сколько разумомъ; ибо дурные аффекты влекутъ людей врозь, и единодушіе можетъ установиться лишь постольку, поскольку люди стремятся къ благородному или, по крайней мѣрѣ, къ тому, что кажется такимъ.

7. Итакъ, при опредѣленіи *основъ аристократической формы верховной власти* слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на то, чтобы они держались бы исключительно волей и мощью означенной верховной коллегіи, такъ что сама коллегія—насколько это возможно—являлась бы своеправной и не подвергалась бы опасности со стороны народа. Для опредѣленія этихъ основъ, опирающихся именно на одну только волю и мощь верховной коллегіи, разсмотримъ основы мира, свойственныя монархической формѣ верховной власти и чуждыя настоящей. Вѣдь если мы замѣнимъ ихъ другими столь же надежными основами, соотвѣтствующими аристократической формѣ верховной власти, и сохранимъ въ прежнемъ видѣ остальныя, то безъ сомнѣнія всѣ причины къ возмущеніямъ будутъ устранены, и во всякомъ случаѣ это государство будетъ не менѣе прочно, чѣмъ монархическое; наоборотъ, оно будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе оно въ сравненіи съ монархическимъ приблизится къ абсолютному безъ ущерба для мира и свободы (см. §§ 3 и 6 наст. главы) Вѣдь чѣмъ обширнѣе право верховной власти, тѣмъ болѣе (согл. § 5 гл. 3) форма государства согласуется съ велѣніемъ разума и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе благопріятствуетъ сохраненію мира

и свободы. Итакъ, окинемъ бѣглымъ взоромъ то, что было сказано въ § 9 гл. 6, чтобы отбросить непригодное для аристократіи и усмотрѣть соотвѣтствующее.

8. Прежде всего необходимо основать и укрѣпить *одинъ или нѣсколько городовъ*,—въ этомъ никто сомнѣваться не можетъ. Но главнымъ образомъ надлежитъ укрѣпить городъ, являющійся столицей всего государства, и, кромѣ того, тѣ, которые расположены по окраинамъ государства. Ибо тотъ городъ, который является *столицей всего государства* и обладаетъ верховнымъ правомъ, долженъ быть могущественнѣе всѣхъ. Что же касается до подѣленія гражданъ на роды, то въ такомъ государствѣ оно представляется излишнимъ.

9. Переходимъ къ *ополченію*. Такъ какъ въ этомъ государствѣ равенство должно соблюдаться не между всѣми, но лишь между патриціями, и такъ какъ (что особенно важно) мощь патриціевъ больше, чѣмъ плебса, то несомнѣнно, что требованіе, чтобы ополченіе состояло исключительно изъ подданныхъ [1]), не входитъ въ основные законы или правоположенія этого государства. Но прежде всего необходимо, чтобы никто не принимался въ число патриціевъ безъ основательнаго знакомства съ военнымъ искусствомъ. Однако полное недопущеніе подданныхъ въ ополченіе, какъ того желаютъ нѣкоторые,—явная несуразность. Вѣдь не говоря уже о томъ, что жалованіе за военную службу, уплачиваемое подданнымъ, остается въ самомъ государствѣ, въ то время какъ то, которое уплачивается ополченію, составленному изъ иностранцевъ, совершенно для государства утрачивается,—этимъ еще ослабляется величайшая сила государства. Ибо несомнѣнно, что тѣ сража-

ются съ особымъ воодушевленіемъ, которые сражаются за вѣру и отечество. Отсюда также ясно, что не менѣе заблуждаются и тѣ, которые полагаютъ, что военачальниковъ, трибуновъ, центуріоновъ и т. д. надлежитъ избирать изъ однихъ только патриціевъ. Вѣдь какую же доблесть проявятъ въ сраженіи воины, у которыхъ будетъ отнята всякая надежда на достиженіе славы и почестей? Съ другой стороны, установить закономъ, что патриціямъ возбраняется нанимать чужеземное войско, когда того требуютъ обстоятельства,—или для своей защиты и подавленія возстаній или по какимъ-либо другимъ причинамъ,—не только не благоразумно, но даже противно ихъ высшему праву (о которомъ см. §§ 3, 4, 5 наст. гл.). Впрочемъ, вождь отдѣльнаго корпуса или всего ополченія долженъ избираться только въ случаѣ войны, при томъ изъ однихъ только патриціевъ; начальствованіе должно находиться въ его рукахъ не болѣе одного года, и нельзя ни продлить срока его полномочій, ни избрать его вторично; такое постановленіе, необходимое при монархической формѣ верховной власти, въ еще большей мѣрѣ необходимо при аристократической. Вѣдь хотя, какъ мы уже сказали выше, переходъ верховной власти отъ одного лица къ другому гораздо болѣе легокъ, чѣмъ отъ свободной коллегіи къ одному лицу, однако часто случается, что патриціи угнетаются своими военачальниками, и это сопряжено съ куда большимъ вредомъ для государства. Вѣдь низложеніе монарха влечетъ за собой перемѣну не въ государственномъ строѣ, но только въ личности тирана, при аристократической же формѣ верховной власти ничего подобнаго не можетъ произойти безъ ниспроверженія госу-

дарственнаго строя и истребленія наиболѣе выдающихся людей. Исторія Рима дала печальнѣйшіе примѣры этого. Основаніе, по которому мы утверждали, что при монархической формѣ верховной власти ополченіе должно служить безъ жалованья, недѣйствительно для настоящей. Вѣдь поскольку подданые не допускаются къ участію въ совѣщаніяхъ и подачѣ голосовъ, постольку ихъ слѣдуетъ разсматривать, какъ иностранцевъ, а поэтому условія для поступленія на военную службу не должны быть для нихъ худшими, чѣмъ для иностранцевъ. И нечего опасаться того, что коллегія окажетъ имъ предпочтеніе передъ остальными. Во избѣжаніе же преувеличенной оцѣнки со стороны кого-либо своихъ заслугъ (а это явленіе обычное), всего лучше было бы, если бы патриціи назначали воинамъ опредѣленное вознагражденіе за службу.

10. Кромѣ того, по той же причинѣ (т.-е. потому, что всѣ, за исключеніемъ патриціевъ, — иностранцы) невозможно, не подвергая опасности все государство, поля, дома и всю землю оставить за государствомъ и сдавать населенію за ежегодную плату. Вѣдь подданные, не причастные къ власти, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ не задумались бы покинуть всѣ города, если бы имущество, которымъ они владѣютъ, имъ было дозволено переносить, куда угодно. Поэтому поля и земельные участки такого государства слѣдуетъ не сдавать, но продавать подданнымъ, подъ тѣмъ однако условіемъ, чтобы они ежегодно уплачивали нѣкоторую часть годового дохода и т. д., какъ это имѣетъ мѣсто въ Голландіи.

11. Теперь перехожу къ выясненію тѣхъ *основъ, опираясь на которыя, верховная коллегія упрочитъ свое по-*

ложеніе. Въ § 2 наст. главы было указано, что въ государствѣ средней величины число членовъ этой коллегіи должно бы около пяти тысячъ человѣкъ. И поэтому слѣдуетъ изыскать мѣры къ тому, чтобы власть не перешла бы мало-по-малу къ меньшему числу лицъ, но, наоборотъ, чтобы число ихъ возростало по мѣрѣ увеличенія самого государства; далѣе, чтобы въ средѣ патриціевъ сохранялось бы по возможности равенство; кромѣ того, чтобы въ коллегіяхъ не было бы задержекъ въ дѣлахъ; затѣмъ, чтобы соблюдалось бы общее благо и, наконецъ, чтобы мощь патриціевъ или коллегіи превосходила бы мощь народа, однако такъ, чтобы онъ не терпѣлъ отъ этого никакого ущерба.

12. Зависть есть причина величайшей трудности при разрѣшеніи первой изъ поставленныхъ задачъ. Какъ мы сказали выше, люди по природѣ—враги, и хотя законы связываютъ и сдерживаютъ ихъ, однако ихъ природныя свойства остаются тѣми же. На мой взглядъ, по этой же причинѣ демократическая форма верховной власти переходитъ въ аристократическую, а послѣдняя въ монархическую. Я вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что большинство аристократій первоначально было демократіями: когда народъ, именно, послѣ поисковъ новыхъ мѣстъ для поселенія находилъ и воздѣлывалъ ихъ, то равное право на властвованіе удерживалось у всѣхъ членовъ его безъ исключенія, такъ какъ никто добровольно не уступаетъ власти другому. Но хотя каждый изъ нихъ считаетъ справедливымъ, чтобы то право, которымъ обладаетъ другой въ отношеніи него, принадлежало бы ему самому въ отношеніи другого, однако имъ кажется несправедливымъ, чтобы иностранцамъ, стекающимся къ

нимъ, принадлежало бы равное съ ними право въ государствѣ, которое они добыли трудомъ и которымъ овладѣли цѣною своей крови. Да противъ этого не возражаютъ и сами иностранцы, такъ какъ они переселяются туда не для властвованія, но для устройства своихъ частныхъ дѣлъ, и почитаютъ себя вполнѣ удовлетворенными, если имъ предоставлена свобода въ безопасности заниматься своими дѣлами. Между тѣмъ, народонаселеніе возрастаетъ вслѣдствіе прилива иностранцевъ; они мало-по-малу перенимаютъ нравы коренныхъ жителей, и въ концѣ концовъ между тѣми и другими остается единственное отличіе — иностранцы лишены права на занятіе почетныхъ должностей; но въ то же время какъ съ каждымъ днемъ увеличивается число пришельцевъ, число гражданъ, напротивъ, уменьшается по многимъ причинамъ. Вѣдь часто вымираютъ цѣлые роды, иные граждане лишаются правъ за преступленія и очень многіе вслѣдствіе стѣсненнаго положенія личныхъ дѣлъ пренебрегаютъ дѣлами правленія тогда какъ болѣе могущественные только и помышляютъ о захватѣ въ свои руки правленія—и вотъ власть мало-по-малу переходитъ къ немногимъ и, наконецъ, вслѣдствіе заговора — къ одному. Мы могли бы указать еще и на другія причины, дѣйствующія разрушительно на такія государства; однако въ виду ихъ общеизвѣстности, я на нихъ не останавливаюсь и перейду теперь къ изложенію по порядку *законовъ*, которые должны уберечь отъ гибели государство, о коемъ идетъ рѣчь.

13. *Важнѣйшимъ закономъ этого государства* будетъ тотъ, которымъ опредѣляется отношеніе числа патриціевъ къ народу. Это отношеніе (согл. § 1 наст.

главы) слѣдуетъ строго соблюдать чтобы такимъ образомъ, число патриціевъ увеличивалось бы соразмѣрно съ увеличеніемъ народа. Число патриціевъ должно (согл. сказанному въ § 2 наст. главы) относиться къ численности народа, приблизительно какъ единица къ пятидесяти, т.-е. неравенство между ними никогда не должно быть бо́льшимъ. Вѣдь (согл. § 1 наст. гл.) число патриціевъ можетъ быть относительно много бо́льшимъ въ сравненіи съ численностью народа, что нисколько не отразится на формѣ верховной власти. Опасность—лишь въ недостаточности числа патриціевъ. Какими средствами должна быть обезпечена ненарушимость этого закона,—скоро будетъ показано нами въ своемъ мѣстѣ.

14. Патриціи избираются только изъ нѣкоторыхъ родовъ и въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ. Но прямо выразить это въ законѣ—опасно. Ибо къ тому обстоятельству, что роды сплошь и рядомъ вымираютъ, и что исключеніемъ остальныхъ задѣвается ихъ честь, присоединяется еще и то, что съ этой формой верховной власти наслѣдственность патриціанскаго достоинства несовмѣстима (согл. § 1 наст. гл.). Но при такомъ допущеніи форма верховной власти скорѣе является демократической въ родѣ той, которую мы описали въ § 12 наст. главы, гдѣ, именно, верховная власть сосредоточена въ рукахъ весьма незначительнаго числа гражданъ. Съ другой стороны, принимать мѣры противъ того, чтобы патриціи избирали своихъ дѣтей и родственниковъ, т.-е. чтобы право на властвованіе оставалось у опредѣленныхъ родовъ—невозможно, даже нелѣпо, какъ я покажу въ § 39 наст. главы. Лишь бы только это ихъ право не опиралось бы на явный законъ и не исключа-

лись бы остальные (т.-е. тѣ, которые рождены въ государствѣ, говорятъ на отечественномъ языкѣ, не женаты на иностранкахъ, ничѣмъ не опорочены, не батраки, не добываютъ средствъ къ существованію какимъ-либо недостойнымъ свободнаго человѣка трудомъ; къ послѣднимъ принадлежатъ виноторговцы и пивовары), и форма верховной власти удержится, и всегда можно будетъ сохранить должное отношеніе между патриціями и народомъ.

15. Кромѣ того, если будетъ установлено закономъ, чтобы избирались только болѣе пожилые, то никогда не случится, что немногіе рода удержатъ за собою право на властвованіе. Поэтому слѣдуетъ установить закономъ, чтобы условіемъ внесенія въ избирательные списки было достиженіе тридцатилѣтняго возраста.

16. Въ-третьихъ, наконецъ, слѣдуетъ установить, чтобы всѣ патриціи собирались бы въ опредѣленное время въ какомъ-либо мѣстѣ города и на всякаго, кто не будетъ присутствовать на совѣтѣ, налагался бы значительный денежный штрафъ, развѣ только его задержитъ болѣзнь или какое-нибудь общественное дѣло. Вѣдь при отсутствіи такого постановленія большинство, отвлекаемое домашними дѣлами, пренебрежетъ дѣлами общественными.

17. На обязанности этой коллегіи лежитъ изданіе и отмѣна законовъ, избраніе коллегъ патриціевъ и всѣхъ должностныхъ лицъ государства. Вѣдь невозможно, чтобы тотъ, кто обладаетъ верховнымъ правомъ,—а мы допустили, что настоящая коллегія обладаетъ имъ,—передалъ бы кому-либо другому власть издавать и отмѣнять законы, не отказавшись въ то же время отъ своего права

и не перенеся его на того, кому онъ передалъ означенную власть; ибо кто въ теченіе хотя бы одного дня обладаетъ властью издавать и отмѣнять законы, тотъ можетъ измѣнить всю форму верховной власти. Напротивъ, обладатель верховнаго права можетъ, не теряя его, поручить другимъ на опредѣленный срокъ согласное съ установленными законами управленіе текущими государственными дѣлами. Кромѣ того, если бы должностныя лица государства избирались помимо этой коллегіи, то въ такомъ случаѣ ея члены заслуживали бы скорѣе названія малолѣтнихъ (pupilli), чѣмъ патриціевъ (отцовъ).

18. Нѣкоторые присоединяютъ къ этой коллегіи единоличнаго главу или на все время жизни, какъ венеціанцы, или на опредѣленный срокъ, какъ генуэзцы; однако съ такими предосторожностями, которыя не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что это дѣлается не безъ большой опасности для государства. Нельзя, конечно, сомнѣваться въ томъ, что форма верховной власти въ такомъ случаѣ приближается къ монархической; насколько мы въ состояніи судить по исторіи этихъ народовъ, это произошло по той причинѣ, что до установленія такихъ совѣтовъ они находились въ подчиненіи у верховнаго вождя или дожа, какъ у царя. Избраніе, слѣдовательно, верховнаго вождя является необходимостью только для нѣкоторыхъ народностей, но не для аристократической формы верховной власти, разсматриваемой самой по себѣ.

19. Верховная власть этого государства принадлежитъ всей означенной коллегіи въ совокупности, но не каждому

ея члену въ отдѣльности (иначе это было бы безпорядочное скопище); поэтому необходимо, чтобы законы такъ связали всѣхъ патриціевъ, что они составятъ какъ бы единое тѣло, руководимое единымъ духомъ. Законы же сами по себѣ безсильны и легко нарушаются тамъ, гдѣ на стражѣ ихъ стоятъ люди, которые сами могутъ погрѣшать; вѣдь наказаніе должно служить ихъ же собственному вразумленію, и своихъ коллегъ имъ придется наказывать съ той цѣлью, чтобы страхомъ той же кары обуздать свои влеченія, что—величайшая нелѣпость. Итакъ слѣдуетъ изыскать средство оградить отъ нарушенія строй этой верховной коллегіи и законы государства, однако такъ, чтобы между патриціями сохранялось бы по возможности равенство.

20. Назначеніе верховнаго вождя или дожа, имѣющаго также голосъ въ коллегіяхъ, съ необходимостью должно повлечь за собою значительное неравенство—главнымъ образомъ вслѣдствіе той власти, которую необходимо предоставить ему для того, чтобы онъ былъ въ состояніи безъ помѣхъ исправлять свою должность. По всестороннему обсужденію этого я прихожу къ выводу, что наиболѣе соотвѣтствуетъ общему благу установленіе за этой верховной коллегіей другой изъ нѣсколькихъ патриціевъ, вся обязанность которыхъ сводилась бы исключительно къ тому, чтобы слѣдить за неукоснительнымъ соблюденіемъ законовъ государства о коллегіяхъ и о государственныхъ чиновникахъ. Вслѣдствіе этого они должны имѣть власть всякаго совершившаго преступленіе государственнаго чиновника (нарушившаго, именно, законы, касающіеся его должности) призвать къ себѣ на судъ и осудить по дѣйствующимъ зако-

намъ. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ называть ихъ *синдиками*.

21. Синдики избираются на всю жизнь. Вѣдь, если бы они избирались на опредѣленный срокъ, такъ что съ его истеченіемъ они могли бы призываться на другія государственныя должности, то получилась бы та же нелѣпость, о которой мы только что говорили въ § 19 наст. главы. Но во избѣжаніе чрезмѣрнаго высокомѣрія синдиковъ по поводу столь продолжительнаго господства, на эту должность слѣдуетъ избирать только достигшихъ шестидесятилѣтняго и болѣе преклоннаго возраста и отправлявшихъ должность сенатора (о которой ниже).

22. Мы легко опредѣлимъ число синдиковъ, если примемъ во вниманіе, что эти синдики относятся къ патриціямъ такъ, какъ всѣ патриціи вмѣстѣ къ народу, править которымъ они не могутъ, если число ихъ меньше надлежащаго. Такимъ образомъ, число синдиковъ должно относиться къ числу патриціевъ, какъ число этихъ послѣднихъ къ численности народа, т.-е. (согласно § 13 наст. главы), какъ 1 къ 50.

23. Необходимо, кромѣ того, чтобы при этой коллегіи для обезпеченія ей возможности безъ помѣхъ исправлять свою должность, состояла подчиненная ея распоряженіямъ какая-нибудь воинская часть.

24. Синдикамъ, какъ и другимъ государственнымъ чиновникамъ, слѣдуетъ опредѣлить не жалованіе, а особые доходы такого рода, чтобы дурное управленіе государствомъ влекло за собою большой вредъ для нихъ же самихъ. Мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что справедливость требуетъ назначенія чиновникамъ этого государства вознагражденія за службу, такъ какъ большую

часть его составляетъ плебсъ, о безопасности котораго радѣютъ патриціи, самъ же онъ заботится не объ общемъ благѣ, но только о своихъ частныхъ нуждахъ. Но такъ какъ никто (какъ мы сказали въ § 4, гл. 7-й) не защищаетъ чужого интереса, если не надѣется тѣмъ самымъ упрочить своего личнаго благосостоянія, то необходимо устроить такъ, чтобы наибольшая личная выгода чиновниковъ, попеченію которыхъ ввѣрены дѣла правленія, зависѣла отъ наибольшаго радѣнія объ общемъ благѣ.

25. Итакъ, синдикамъ, на обязанности которыхъ лежитъ, какъ мы сказали, наблюденіе за неукоснительнымъ соблюденіемъ законовъ государства, слѣдуетъ опредѣлить слѣдующіе особые доходы. Каждый отецъ семейства, имѣющій въ государствѣ какое-нибудь мѣстожительство, обязанъ ежегодно уплачивать синдикамъ по малоцѣнной монетѣ, хотя бы четверть унціи серебра, чтобы благодаря этому синдики могли опредѣлять количество жителей и такимъ образомъ наблюдать за тѣмъ, какую его часть составляютъ патриціи. Далѣе, каждый вновь избранный патрицій немедленно по своемъ избраніи долженъ уплатить синдикамъ какую-нибудь значительную сумму, напримѣръ, 20 или 25 фунтовъ серебра. Кромѣ того, деньги, къ уплатѣ которыхъ присуждаются отсутствующіе патриціи (именно тѣ, которые не явились на созванный совѣтъ), также слѣдуетъ обратить въ пользу синдиковъ. Помимо этого, къ нимъ же поступаетъ часть имущества тѣхъ провинившихся чиновниковъ, обязанныхъ явиться къ ихъ суду, которые будутъ оштрафованы на опредѣленную сумму денегъ или же приговорены къ конфискаціи всего имущества;

однако эти суммы идутъ въ пользу не всѣхъ синдиковъ, но только тѣхъ, которые ежедневно участвуютъ въ засѣданіяхъ и на обязанности которыхъ лежитъ созывъ совѣта синдиковъ (о которыхъ см. § 28 наст. главы). Для того, чтобы совѣтъ синдиковъ всегда состоялъ изъ надлежащаго числа членовъ, вопросъ объ этомъ слѣдуетъ поставить въ первую очередь въ созванной въ обычное время верховной коллегіи. Если же синдики не подымутъ его, то предсѣдатель сената (о немъ рѣчь будетъ ниже) обязанъ довести объ этомъ до свѣдѣнія верховной коллегіи, потребовать отъ предсѣдателя синдиковъ объясненія относительно причины молчанія и освѣдомиться о мнѣніи верховной коллегіи по данному предмету. Если же и онъ хранитъ молчаніе, то предсѣдатель верховнаго суда, а при его молчаніи какой-либо другой патрицій, беретъ дѣло на себя и требуетъ объясненія о причинѣ молчанія какъ отъ предсѣдателя синдиковъ, такъ и отъ предсѣдателей сената и суда. Затѣмъ, въ цѣляхъ строгаго соблюденія закона, которымъ исключаются недостигшіе опредѣленнаго возраста, слѣдуетъ установить, чтобы всѣ достигшіе тридцатилѣтняго возраста и не устраненные прямо закономъ отъ управленія, озаботились бы о внесеніи своего имени въ списокъ въ присутствіи синдиковъ и о полученіи отъ нихъ какого-нибудь знака пріобрѣтеннаго достоинства за опредѣленную цѣну; имъ можно было бы въ отличіе и въ обезпеченіе почета отъ другихъ присвоить одежду опредѣленнаго покроя. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть постановлено закономъ: ни одинъ патрицій не смѣетъ—подъ страхомъ тяжкаго наказанія—во время выборовъ выставить кандидатуру какого-нибудь лица, не

занесеннаго въ общій списокъ. Кромѣ того,—никому не долженъ быть дозволенъ отказъ отъ должности или службы, для отправленія которыхъ онъ избранъ. Наконецъ, для вѣчнаго дѣйствія безусловно основныхъ законовъ государства необходимо такое постановленіе: всякій, кто въ верховномъ совѣтѣ подыметъ вопросъ о какомъ-либо основномъ законѣ,—напримѣръ о продленіи срока полномочій какого-либо военачальника или объ уменьшеніи числа патриціевъ и т. д.,—тѣмъ самымъ уже явится оскорбителемъ Величества; онъ не только осуждается на смертную казнь, а его имущество конфискуется, но и въ назиданіе потомству его кара увѣковѣчивается какимъ-нибудь памятникомъ, воздвигнутымъ на видномъ мѣстѣ. Для упроченія же остальныхъ законовъ государства достаточно постановленія такого содержанія: отмѣна закона или изданіе новаго закона невозможны, если на то не будетъ дано согласія сперва совѣта синдиковъ, а затѣмъ $^3/_4$ или $^4/_5$ членовъ верховной коллегіи.

26. Право созыва верховной коллегіи и доклада дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію въ ней, принадлежитъ синдикамъ, которымъ въ коллегіи отводится первое мѣсто. Но правомъ голоса они не пользуются. До занятія же мѣстъ синдики должны поклясться благомъ этой верховной коллегіи и общей свободой въ томъ, что приложатъ всѣ старанія къ огражденію отечественныхъ законовъ отъ нарушеній и къ соблюденію общаго блага. Вслѣдъ за этимъ они черезъ своего секретаря приступаютъ по порядку къ докладу дѣлъ.

27. Всѣмъ патриціямъ при разборѣ дѣлъ и при избраніи государственныхъ чиновниковъ должна принадлежать равная власть; дѣлопроизводство не должно быть

медленнымъ. Въ этомъ отношеніи всецѣло заслуживаетъ одобренія порядокъ, принятый венеціанцами. При назначеніи государственныхъ чиновниковъ они избираютъ изъ коллегіи по жребію нѣсколько лицъ, которыя по порядку называютъ кандидатовъ на извѣстную должность. Въ это время каждый патрицій шарами выражаетъ свое мнѣніе, т.-е.,—одобряетъ ли онъ или нѣтъ избраніе намѣченнаго кандидата, такъ что остается неизвѣстнымъ, кто именно выразилъ данное мнѣніе. Въ результатѣ достигается, съ одной стороны, равенство значенія патриціевъ при разборѣ дѣлъ и ускореніе дѣлопроизводства, съ другой же стороны,—и это вопросы первой необходимости въ коллегіяхъ, — абсолютная свобода каждаго высказывать свое мнѣніе безъ опасенія навлечь на себя чью-либо непріязнь.

28. Въ совѣтѣ синдиковъ и остальныхъ совѣтахъ слѣдуетъ соблюдать тотъ же порядокъ, т.-е. голосованіе должно производиться шарами. Право созыва совѣта синдиковъ и доклада дѣлъ, подлежащихъ его разрѣшенію, принадлежитъ ихъ предсѣдателю. Онъ, совмѣстно съ десятью или бóльшимъ числомъ синдиковъ, ежедневно засѣдаетъ для выслушиванія жалобъ плебса на чиновниковъ и секретныхъ обвиненій, для задержанія, въ случаѣ надобности, обвинителей и для созыва совѣта даже раньше срока, въ который онъ долженъ собраться, если кто-либо изъ синдиковъ въ промедленіи усмотритъ опасность. Этотъ предсѣдатель и тѣ лица, которыя ежедневно засѣдаютъ совмѣстно съ нимъ, должны избираться верховной коллегіей изъ числа синдиковъ, однако не на всю жизнь, но на 6 мѣсяцевъ; снова избраны они могутъ быть только по прошествіи трехъ

или четырехъ лѣтъ. Въ ихъ пользу—согласно вышесказанному—идутъ конфискованное имущество и денежные штрафы или какая-либо часть ихъ. Объ остальномъ, касающемся синдиковъ, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

29. Вторую коллегію, подчиненную верховной, мы будемъ называть *сенатомъ*. На ея обязанности лежитъ завѣдываніе государственными дѣлами, обнародованіе, напримѣръ, государственныхъ законовъ, наблюденіе за тѣмъ, чтобы укрѣпленія городовъ соотвѣтствовали закону, жалованіе грамотъ ополченію, обложеніе подданныхъ налогами и собираніе ихъ, отвѣтъ иностраннымъ посламъ и рѣшеніе вопроса о томъ, куда слѣдуетъ отправить пословъ. Однако выборъ самихъ пословъ лежитъ на обязанности верховной коллегіи. Вѣдь для того, чтобы патриціи не старались снискать себѣ расположеніе сената, слѣдуетъ прежде всего держаться того правила, что патрицій можетъ быть призванъ къ отправленію какой-либо государственной должности только самой верховной коллегіи. Затѣмъ, къ ея вѣдомству относится все то, что въ какомъ либо отношеніи измѣняетъ существующее положеніе вещей, какъ-то: объявленіе войны и заключеніе мира. Поэтому декреты сената о войнѣ и мирѣ для своей дѣйствительности нуждаются въ одобреніи верховной коллегіи. На этомъ основаніи я счелъ бы правильнымъ, чтобы обложеніе новыми налогами относилось къ вѣдомству одной только верховной коллегіи, а не сената.

30. Для опредѣленія числа сенаторовъ слѣдуетъ принять съ соображеніе слѣдующее: во-первыхъ, надежда на принятіе въ сенаторское сословіе должна быть равной для всѣхъ патриціевъ; затѣмъ, сенаторы по истеченіи

срока служенія, на который они были избраны, должны имѣть возможность снова быть избранными послѣ небольшого промежутка, чтобы такимъ образомъ государство всегда управлялось опытными и свѣдующими людьми; и, наконецъ, къ числу сенаторовъ должно принадлежать много лицъ, извѣстныхъ мудростью и доблестью. Для осуществленія всѣхъ этихъ условій нельзя придумать ничего лучшаго, какъ установить закономъ, что въ сословіе сенаторовъ принимаются только достигшіе пятидесятилѣтняго возраста; четыреста патриціевъ, т.-е. приблизительно $^1/_{12}$ общаго ихъ числа, избираются срокомъ на годъ, а по истеченіи двухъ лѣтъ послѣ означеннаго срока они снова могутъ быть избраны. Такимъ образомъ, приблизительно $^1/_{12}$ часть патриціевъ (при краткости срока, въ теченіе котораго запрещено переизбраніе) всегда будетъ занимать сенаторскую должность—это число, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое составляютъ синдики, будетъ не многимъ меньше числа патриціевъ, достигшихъ пятидесятилѣтняго возраста. И всѣмъ патриціямъ, слѣдовательно, будетъ открыта широкая возможность на вступленіе въ сословіе сенаторовъ или синдиковъ, и однако одни и тѣ же патриціи за исключеніемъ краткаго указаннаго нами срока, въ теченіе котораго запрещено переизбраніе, всегда будутъ обладать сенаторскимъ званіемъ, и въ сенатѣ (согласно сказанному въ § 2 наст. главы) никогда не будетъ недостатка въ выдающихся людяхъ, отличающихся разсудительностью и мудростью. Такъ какъ нарушеніе этого закона должно повлечь за собой недовольство многихъ патриціевъ, то для обезпеченія его незыблемости достаточно слѣдующаго: всякій патрицій, достигшій возраста, о которомъ

мы говорили, долженъ удостовѣрить это передъ синдиками, которые заносятъ его имя въ списокъ лицъ, предназначаемыхъ къ занятію сенаторской должности, и прочитываютъ въ верховной коллегіи, чтобы онъ, вмѣстѣ съ другими, находящимися въ равномъ съ нимъ положеніи, занялъ бы въ ней отведенное для подобныхъ ему лицъ мѣсто рядомъ съ сенаторскимъ.

31. Доходы сенаторовъ должны быть таковы, чтобы для нихъ миръ былъ выгоднѣе, чѣмъ война; поэтому съ ввозимыхъ или вывозимыхъ товаровъ 1% или 2% идутъ въ ихъ пользу. Вѣдь мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что при такомъ условіи они будутъ сохранять насколько возможно миръ и никогда не будутъ стараться затянуть войну. Отъ уплаты этой пошлины не должны быть свободны и сенаторы, занимающіеся торговлей; ибо такая льгота сопряжена съ большимъ подрывомъ торговли; что, думаю, извѣстно всякому. Съ другой стороны, слѣдуетъ, далѣе, установить закономъ, чтобы сенаторъ или отправлявшій должность сенатора не могъ служить въ ополченіи; и кромѣ того, чтобы вождемъ или преторомъ (мы уже выяснили въ § 9 наст. главы, что они должны стоять во главѣ войска только во время войны) нельзя было назначать того, чей отецъ или дѣдъ—сенаторъ или не болѣе двухъ лѣтъ, какъ сложилъ сенаторское званіе. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что патриціи, не входящіе въ сенатъ, будутъ стоять грудью за эти законы. Такимъ образомъ, для сенаторовъ миръ всегда будетъ выгоднѣе войны, а поэтому они никогда не будутъ предлагать войны, развѣ только подъ давленіемъ крайней государственной необходимости. Намъ можно возразить, что при такомъ порядкѣ,—если, именно, въ пользу синди-

ковъ или сенаторовъ будутъ опредѣлены столь значительные доходы,—аристократическая форма верховной власти будетъ не менѣе обременительна для подданныхъ, чѣмъ любая монархическая. Но не говоря уже о томъ, что содержаніе царскаго двора требуетъ бо́льшихъ расходовъ, безполезныхъ, однако, для сохраненія мира, и что миръ никогда не можетъ быть купленъ слишкомъ дорогою цѣною,—слѣдуетъ еще принять прежде всего въ соображеніе, что блага, переходящія при монархической формѣ верховной власти къ одному или немногимъ, здѣсь распредѣляются среди очень большого числа лицъ. Далѣе, цари и ихъ слуги не раздѣляютъ съ подданными государственныхъ тяготъ, здѣсь же происходитъ обратное, такъ какъ патриціи, которые избираются изъ наиболѣе богатыхъ, покрываютъ бо́льшую часть расходовъ по дѣламъ правленія. Затѣмъ, не столько расходы на особу царя, сколько секретные расходы, свойственныя монархической формы верховной власти, составляютъ источникъ ея тяготъ. Вѣдь тяжесть государственныхъ налоговъ, которыми граждане облагаются для сохраненія мира и свободы, хотя и велика, однако легко переносится и не вызываетъ ропота въ виду блага мира. Какой народъ долженъ былъ платить столь большія подати, какъ голландцы? И однако они не только не были ими истощены, но, наоборотъ, настолько разбогатѣли, что ихъ благосостояніе составляло предметъ общей зависти. Итакъ, если бы тяготы монархіи возлагались бы въ цѣляхъ мира, то они не угнетали бы гражданъ, но, какъ я сказалъ, секретные расходы—причина того, что подданные изнемогаютъ подъ тяжестью. Вѣдь доблесть царей болѣе проявется на войнѣ, чѣмъ во время мира, и желающіе

единолично царствовать, должны прилагать всѣ усилія, къ тому, чтобы ихъ подданные были бѣдны. Я умалчиваю объ остальномъ, о томъ, что въ свое время отмѣтилъ мудрый голландецъ V. H. [2]), такъ какъ это не относитэя къ моей задачѣ—*описать наилучшее состояніе каждой формы верховной власти*.

32. Въ сенатѣ должны засѣдать нѣсколько синдиковъ, избранныхъ верховной коллегіей, но безъ права голоса. Они наблюдаютъ за правильнымъ исполненіемъ законовъ, относящихся до сената, и созываютъ верховную коллегію, когда что-либо изъ сената должно поступить въ нее. Вѣдь право созыва этой верховной коллегіи и доклада дѣлъ, подлежащихъ въ ней рѣшенію, принадлежитъ, какъ мы сказали, синдикамъ. Но до отобранія голосовъ о подобныхъ дѣлахъ, тотъ, кто въ это время предсѣдательствуетъ въ сенатѣ, долженъ изложить положеніе вещей и мнѣніе относительно доложеннаго дѣла самого сената вмѣстѣ съ мотивами; за этимъ слѣдуетъ голосованіе въ установленномъ порядкѣ.

33. Сенатъ въ полномъ составѣ долженъ собираться не ежедневно, но, какъ и всѣ большія коллегіи, въ какіе-нибудь опредѣленные сроки. Но такъ какъ и въ промежуточное время дѣла требуютъ разрѣшенія, то является слѣдовательно, необходимой, комиссія сенаторовъ, которая, по роспускѣ сената, заступала бы его мѣсто. На ея обязанности лежитъ созывъ, въ случаѣ нужды, самого сената, исполненіе его декретовъ относительно дѣлъ правленія, прочтеніе писемъ, адресованныхъ на имя сената и верховной коллегіи и, наконецъ, совѣщаніе по дѣламъ, подлежащимъ докладу въ сенатѣ. Для облег-

ченія пониманія всего изложенного и строя всей этой коллегіи я остановлюсь на этомъ нѣсколько дольше.

34. Сенаторы, избираемые, какъ мы сказали на годъ, раздѣляются на 4 или 6 отдѣловъ. Изъ нихъ первый въ теченіе первыхъ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ занимаетъ въ сенатѣ первое мѣсто; по прошествіи этого времени мѣсто перваго заступаетъ второй отдѣлъ; такимъ образомъ, чередуясь другъ съ другомъ, всѣ отдѣлы въ теченіе равныхъ промежутковъ времени занимаютъ въ сенатѣ первое мѣсто, такъ что тотъ отдѣлъ, который въ первые два или три мѣсяца былъ первымъ, въ слѣдующіе будетъ послѣднимъ. Кромѣ того, по числу отдѣловъ избираются предсѣдатели и замѣняющіе ихъ въ случаѣ надобности вице-предсѣдатели, т.-е. изъ каждаго отдѣла избираются двое—предсѣдатель и вице-предсѣдатель даннаго отдѣла. Предсѣдатель перваго отдѣла предсѣдательствуетъ въ сенатѣ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ, а въ случаѣ его отсутствія его замѣняетъ вице-предсѣдатель; точно также и остальные въ указанномъ выше порядкѣ.

Затѣмъ, изъ перваго отдѣла жребіемъ или голосованіемъ избирается нѣсколько сенаторовъ, которые вмѣстѣ съ предсѣдателемъ и вице-предсѣдателемъ того же отдѣла заступаютъ мѣсто сената по его роспускѣ, въ теченіе того именно, промежутка времени, когда ихъ отдѣлъ занимаетъ въ сенатѣ первое мѣсто; по его истеченіи изъ второго отдѣла также жребіемъ или голосованіемъ избирается то же число сенаторовъ, которые вмѣстѣ съ своимъ предсѣдателемъ и вице-предсѣдателемъ заступаютъ мѣсто перваго отдѣла и замѣняютъ сенатъ и т. д. Нѣтъ нужды, чтобы избраніе этихъ сенаторовъ—они

избираются, именно, какъ я сказалъ, жребіемъ или голосованіемъ на три или два мѣсяца, и ихъ въ дальнѣйшемъ мы будемъ называть *консулами* — производилось верховной коллегіей. Основаніе, указанное въ § 9 наст. главы здѣсь не имѣетъ силы и еще менѣе основаніе, указанное въ § 17 той же главы. Вполнѣ допустимо, слѣдовательно, чтобы ихъ избраніе было произведено сенатомъ и присутствующими синдиками.

35. Я не могу, однако, съ той же точностью опредѣлить ихъ число. Но несомнѣнно, что число ихъ должно быть настолько значительнымъ, чтобы ихъ не легко было совратить. Вѣдь хотя они сами лично ничего не рѣшаютъ о дѣлахъ правленія, однако они могутъ отсрочивать созывъ сената или,—что еще хуже, вводить его въ заблужденіе, докладывая то, что не имѣетъ никакого значенія, и умалчивая о томъ, что имѣетъ большое значеніе. Я уже не говорю о томъ, что если число ихъ слишкомъ незначительно, то отсутствіе того или другого изъ нихъ можетъ повлечь за собою застой въ государственныхъ дѣлахъ. Но, съ другой стороны, такъ какъ причина избранія этихъ консуловъ заключается въ томъ, что многолюдныя коллегіи не въ состояніи ежедневно заниматься государственными дѣлами, то необходимо избрать здѣсь средній путь: гарантію, которой не даетъ численность, слѣдуетъ искать въ краткости срока. Поэтому, если будетъ избрано хотя бы тридцать консуловъ или срокомъ приблизительно на два или на три мѣсяца, то число ихъ будетъ достаточно значительнымъ, чтобы исключить возможность ихъ подкупа въ столь короткое время. По этой причинѣ я настаивалъ на томъ, чтобы

выборы ихъ преемниковъ производились только ко времени смѣны однихъ другими.

36. На обязанности консуловъ лежитъ, какъ мы сказали, созывъ сената (въ томъ случаѣ, именно, когда нѣкоторые изъ нихъ, хотя бы немногіе, сочтутъ это нужнымъ), докладъ дѣлъ, подлежащихъ въ немъ рѣшенію, роспускъ сената и исполненіе его декретовъ о государственныхъ дѣлахъ. Я теперь же въ нѣсколькихъ словахъ изложу, какого порядка при этомъ слѣдуетъ держаться, чтобы дѣла не затягивались изъ-за излишнихъ препирательствъ. Консулы совѣщаются относительно дѣлъ, подлежащихъ докладу въ сенатѣ, и относительно необходимыхъ мѣропріятій. Въ случаѣ единодушія они созываютъ сенатъ, излагаютъ дѣло и свое заключеніе о немъ и, не дожидаясь обнаруженія мнѣнія со стороны кого-либо другого, приступаютъ по порядку къ отобранію голосовъ. Но если голоса консуловъ раздѣлятся, то въ сенатѣ излагается то мнѣніе относительно намѣченнаго вопроса, которое собрало большинство голосовъ консуловъ; если оно не получитъ одобренія большинства сената и консуловъ, но, напротивъ, въ большинствѣ будутъ колеблющіеся и голосовавшіе противъ,—это будетъ видно, какъ мы указывали, по шарамъ,—то излагается другое мнѣніе, за которое консулами было подано менѣе голосовъ, чѣмъ за первое, и т. д. Если ни одно мнѣніе не будетъ принято большинствомъ сената, то сенатъ долженъ быть распущенъ до слѣдующаго дня или же на какой-нибудь краткій срокъ. Консулы между тѣмъ должны разсмотрѣть, нельзя ли изыскать другихъ мѣръ, которыя вызовутъ къ себѣ больше сочувствія. Если они не находятъ таковыхъ или же если тѣ, ко-

торыя они найдутъ, не будутъ приняты большинствомъ сената, то выслушивается мнѣніе какого-либо сенатора. Если оно не соберетъ большинства голосовъ сената, то снова голосуется какое-либо другое мнѣніе, и производится подсчетъ не только, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, голосовъ, поданныхъ за данное мнѣніе, но и противниковъ и колеблющихся. Мнѣніе считается принятымъ, если число подавшихъ голосъ за окажется больше числа подавшихъ противъ и колеблящихся, напротивъ,—отвергнутымъ, если число подавшихъ голосъ противъ окажется больше числа подавшихъ голосъ за или колеблющихся. Но если относительно каждаго мнѣнія большинство будетъ на сторонѣ колеблющихся, а не на сторонѣ голосовавшихъ за или противъ, то въ такомъ случаѣ съ сенатомъ объединяется совѣтъ синдиковъ, которые голосуютъ вмѣстѣ съ сенаторами; при чемъ производится подсчетъ только голосовъ поданныхъ за или противъ, и въ расчетъ не принимаются голоса тѣхъ, которые ни за, ни противъ. Тотъ же порядокъ соблюдается относительно дѣлъ, которыя изъ сената поступаютъ въ верховную коллегію. Вотъ и все о сенатѣ.

37. Что касается *суда* или *трибунала*, то онъ не можетъ опираться на тѣ же основы, что судъ въ монархіи (какъ я его описалъ въ гл. 6-й § 26 и слѣд.). Вѣдь не соотвѣтствуетъ (согласно § 14 наст. главы) основамъ аристократіи придавать какое-либо значеніе происхожденію изъ того или другого рода. Затѣмъ страхъ передъ преемниками патриціями не только можетъ удержать судей, избранныхъ изъ однихъ только патриціевъ отъ рѣшеній, несправедливыхъ по отношенію къ кому-либо изъ нихъ, но, пожалуй, и отъ назначенія имъ

заслуженныхъ наказаній; съ другой стороны, относительно плебеевъ они ни передъ чѣмъ не остановятся, и ежедневно богатые будутъ ихъ добычей. Я знаю, что по этой причинѣ многіе одобряютъ рѣшеніе генуэзсцевъ, избирающихъ судей не изъ патриціевъ, а изъ иностранцевъ. Но, такъ какъ я разсматриваю вопросъ совершенно абстрактно, то не могу не счесть безсмысленнымъ такого установленія, при которомъ къ толкованію законовъ призываются иностранцы, а не патриціи. Вѣдь что такое судьи, какъ не истолкователи законовъ? Поэтому я убѣжденъ, что генуэзсцы въ этомъ дѣлѣ скорѣе сообразовались съ своимъ національнымъ характеромъ, чѣмъ съ природой аристократіи. Но такъ какъ мы ставимъ вопросъ въ общемъ видѣ, то наша задача будетъ состоять въ отысканіи средствъ, наиболѣе согласующихся съ этой формой правленія.

38. Въ отношеніи числа судей это устройство не представляетъ особенностей; но какъ въ монархіи, такъ и здѣсь, прежде всего слѣдуетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы число судей было достаточно значительно для того, чтобы у частнаго лица не было возможности ихъ совратить. Вѣдь ихъ обязанность состоитъ исключительно въ огражденіи частныхъ лицъ отъ взаимныхъ правонарушеній; въ разрѣшеніи, слѣдовательно, споровъ между частными лицами, какъ между патриціями, такъ и плебеями; въ назначеніи наказаній провинившимся, не исключая отсюда патриціевъ, синдиковъ и сенаторовъ, поскольку они нарушили общеобязательные законы. Впрочемъ, споры, которые могутъ возникнуть между городами, принадлежащими государству, разрѣшаются верховной коллегіей.

39. Руководящая точка зрѣнія для опредѣленія продолжительности срока, на который избираются судьи, одна и та же при любой формѣ верховной власти. Ежегодно нѣкоторая часть судей должна оставлять свой постъ, и, хотя нѣтъ нужды въ томъ, чтобы судьи были изъ разныхъ родовъ, однако необходимо, чтобы двое кровныхъ родственниковъ не засѣдали бы одновременно; то же самое соблюдается и въ остальныхъ коллегіяхъ за исключеніемъ верховной, относительно которой достаточно предусмотрѣть закономъ, чтобы во время выборовъ никому не дозволялось ни предлагать своего родственника, ни голосовать за него, если онъ былъ предложенъ кѣмъ-либо другимъ, и, кромѣ того, чтобы двумъ родственникамъ нельзя было вынимать жребій изъ урны при назначеніи какого-нибудь государственнаго чиновника. Этого достаточно, говорю я, для коллегіи, состоящей изъ столь большого числа членовъ и не пользующейся особыми доходами. Государство не потерпитъ отъ этого никакого ущерба, такъ что нелѣпо было бы исключить закономъ всѣхъ родственниковъ патриціевъ изъ верховной коллегіи (какъ мы сказали въ § 14 наст. главы). Нелѣпость этого ясна. Вѣдь сами патриціи не могутъ установить такого закона, не отказываясь постольку абсолютно отъ своего права; поэтому стражами этого закона окажутся не сами патриціи, но плебеи, что прямо противорѣчитъ сказанному нами въ §§ 5 и 6 наст. главы. Главная же цѣль того государственнаго закона, которымъ установлено, чтобы отношеніе между числомъ патриціевъ и народа было всегда однимъ и тѣмъ же, состоитъ въ сохраненіи права и мощи патриціевъ, т.-е. число ихъ должно быть достаточно для управленія народомъ.

40. Судьи должны избираться верховной коллегіей изъ самихъ патриціевъ, т.-е. (согласно § 17 наст. главы) изъ самихъ законодателей. Рѣшенія, вынесенныя ими, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, дѣйствительны, если постановлены въ установленномъ порядкѣ и нелицепріятно. Относительно этого синдикамъ будетъ дозволено закономъ разслѣдовать, судить и постановлять приговоръ.

41. Доходы судей должны быть тѣ же, что описанные нами въ § 29 гл. 6-й. По каждому рѣшенію, именно, вынесенному ими по гражданскому дѣлу, они получаютъ съ проигравшей стороны опредѣленную часть отыскиваемой суммы. Въ отношеніи же уголовныхъ дѣлъ все отличіе сводится къ тому, что конфискованныя судьями имущества и штрафы за маловажные проступки идутъ исключительно въ ихъ пользу, однако подъ тѣмъ условіемъ, чтобы никогда имъ не было дозволено вымогать сознаніе у кого-либо и въ чемъ-либо пыткой; и этого достаточно для того, чтобы они не были бы несправедливы относительно плебеевъ и подъ вліяніемъ страха не дѣлали бы поблажекъ патриціямъ. Вѣдь этотъ страхъ умѣряется корыстолюбіемъ, прикрытымъ прекраснымъ именемъ правосудія. Къ тому же, число ихъ значительно, голосованіе производится не открыто, но шарами, такъ что тотъ, кто остался недоволенъ проигрышемъ дѣла, ничего не можетъ имѣть противъ опредѣленнаго лица. Далѣе, боязнь передъ синдиками воспрепятсвуетъ судьямъ выносить несправедливыя или, по крайней мѣрѣ, нелѣпыя рѣшенія и отвратитъ каждаго изъ нихъ отъ злоумышленныхъ поступковъ, не говоря уже о томъ, что въ столь много-

численной коллегіи судей всегда найдется одинъ или двое, которыхъ стѣсняются несправедливые. Наконецъ, если дозволить плебеямъ аппеллировать къ синдикамъ, то въ этомъ для нихъ будетъ заключаться достаточная гарантія; синдикамъ же, какъ я сказалъ, должно быть дозволено закономъ разслѣдовать, судить и постановлять приговоры относительно всего касающагося судей. Синдики безъ сомнѣнія не будутъ въ состояніи избѣгнуть ненависти многихъ патриціевъ и, наоборотъ, всегда будутъ пользоваться расположеніемъ плебса, одобреніе котораго они, насколько это возможно для нихъ, постараются пріобрѣсти. Для этой цѣли они при случаѣ не преминутъ отмѣнить рѣшенія, постановленныя противозаконно, потребовать отчета отъ каждаго судьи и наложить кару на неправедныхъ. Вѣдь ничто не производитъ такого впечатлѣнія на народъ. Это впечатлѣніе отнюдь не ослабляется тѣмъ, что подобные примѣры не могутъ быть частыми, напротивъ, чрезвычайно усиливается. Ибо, не говоря уже о томъ, что дурно устроено государство, гдѣ ежедневно приходится устрашать правонарушителей (какъ мы показали въ § 2 гл. 5-й),—тѣ примѣры, конечно, должны быть особенно рѣдкими, которые наиболѣе приковываютъ къ себѣ общественное мнѣніе.

42. Правители (*проконсулы*), посылаемые въ города или провинціи, избираются изъ сенаторскаго сословія, такъ какъ на обязанности сената лежитъ попеченіе объ укрѣпленіяхъ городовъ, казнѣ, ополченіи и т. д. Правители же, посылаемые въ сколько-нибудь отдаленныя мѣста, не могутъ посѣщать сенатъ; по этой причинѣ изъ среды самого сената призываются только тѣ, которые предназначаются для городовъ, лежащихъ въ пре-

дѣлахъ отечественной территоріи; правители же, которые должны быть посланы въ болѣе отдаленныя мѣстности, избираются изъ достигшихъ возраста, опредѣленнаго для поступленія въ сенатъ. Если же всецѣло лишить права голоса сосѣдніе города, то, по моему мнѣнію, такая система не обезпечитъ въ достаточной степени мира всего государства; развѣ только эти города всѣ настолько безсильны, что съ ними открыто можно не считаться; послѣдняго, конечно, нельзя допустить. Поэтому необходимо даровать сосѣднимъ городамъ гражданство, и гражданъ, избранныхъ изъ каждаго города въ количествѣ 20, 30 или 40 человѣкъ (это число должно сообразоваться съ величиной города и можетъ быть больше или меньше), приписать къ патриціямъ. Изъ нихъ ежегодно трое, четверо или пятеро должны избираться въ сенатъ, и одинъ пожизненно въ синдики. Эти сенаторы вмѣстѣ съ синдикомъ посылаются правителями въ тотъ городъ, изъ котораго они были избраны.

43. Для каждаго города *судьи* должны избираться изъ патриціевъ того же города. Однако о нихъ я не считаю нужнымъ распространяться подробнѣе, такъ какъ это не относится къ основамъ данной формы верховной власти.

44. *Секретари каждой коллегіи* и другіе, подобные имъ *чиновники*, за отсутствіемъ у нихъ права голоса должны избираться изъ плебеевъ. Но такъ какъ они вслѣдствіе долговременныхъ занятій дѣлами пріобрѣтаютъ очень большую освѣдомленность въ положеніи вещей, то часто случается, что на ихъ опытность полагаются больше, чѣмъ слѣдуетъ, и что состояніе всего

государства болѣе всего зависитъ отъ ихъ руководства; это обстоятельство было роковымъ для голландцевъ. Ибо съ этимъ сопряжено недовольство многихъ патриціевъ. И конечно мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что сенатъ, черпающій свою мудрость изъ совѣтовъ служителей, а не сенаторовъ, будетъ посѣщаться главнымъ образомъ косными членами, и состояніе такого государства будетъ не многимъ лучше состоянія монархіи, управляемой малочисленными царскими совѣтниками (см. объ этомъ §§ 5, 6 и 7 гл. 6-й). Но государство болѣе или менѣе подвержено этому злу, смотря по тому, дурно или хорошо оно устроено. Вѣдь защита не имѣющей достаточно прочныхъ основъ свободы государства всегда сопряжена съ опасностью. Патриціи, чтобы не подвергать себя ей, избираютъ изъ плебеевъ честолюбивыхъ чиновниковъ, которые послѣ переворота предаются, какъ жертва, смерти, чтобы утишить гнѣвъ злоумышляющихъ на свободу. Тамъ же, гдѣ основы свободы достаточно прочны, сами патриціи добиваются для себя славы быть ея защитниками и стремятся къ тому, чтобы мудрость въ веденіи дѣлъ являлась исключительно результатомъ ихъ собственной опытности. И то, и другое мы прежде всего имѣли въ виду при заложеніи основъ этой формы верховной власти, устраняя, именно, плебсъ, какъ отъ совѣщаній, такъ и отъ подачи голоса (см. § 3 и 4 наст. главы); такъ что верховной государственной властью должны обладать всѣ патриціи, авторитетомъ —синдики и сенатъ, и, наконецъ, правомъ созыва сената и доклада дѣлъ, относящихся до общаго блага,—консулы, избранные изъ самого сената. Кромѣ того, если будетъ установлено, чтобы секретарь сената или дру-

гихъ совѣтовъ избирался на четыре или самое большее на пять лѣтъ и чтобы на помощь ему на тотъ же срокъ назначался второй секретарь, въ теченіе этого срока раздѣляющій трудъ съ первымъ, или если въ сенатѣ будетъ не одинъ секертарь, а нѣсколько, которые распредѣлятъ между собою дѣла,—то никогда не случится, что вліяніе служителей получитъ какое бы - то ни было значеніе.

45. *Казначеи* также избираются изъ плебса. Они обязаны отчетностью не только передъ сенатомъ, но и передъ синдиками.

46. Въ богословско-политическомъ трактатѣ мы достаточно подробно разобрали вопросы *религіи*. Кое-что, однако, о чемъ говорить тамъ было неумѣстно, мы опустили: всѣ патриціи, именно, должны принадлежать къ одной и той же религіи (ее мы описали въ назв. трактатѣ), т. е. къ самой простой и наиболѣе всеобщей [3]). Вѣдь прежде всего надобно предупредить раздѣленіе самихъ патриціевъ на секты и тяготѣніе однихъ къ одному, а другихъ къ другому культу и обусловленныхъ суевѣріемъ попытокъ съ ихъ стороны отнять у подданныхъ свободу высказывать свои мысли. Затѣмъ, хотя каждому слѣдуетъ представить свободу высказывать свои мысли, однако большія собранія сдѣдуетъ запретить. Поэтому послѣдователямъ другой религіи слѣдуетъ, конечно, разрѣшить сооруженіе стольких храмовъ, сколько имъ угодно, однако храмы должны быть какого-нибудь небольшого, опредѣленнаго размѣра и находиться на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Очень важно, чтобы храмы, посвященные отечественной религіи, были обширны и благолѣпны; въ особенности же, чтобы къ отправленію культа допускались одни только па-

трицiи или сенаторы (такъ что однимъ только патрицiямъ дозволено крестить, вѣнчать, рукополагать) и чтобы вообще они, какъ священнослужители, считались защитниками и истолкователями отечественной религiи. Для произнесенiя же проповѣдей и для завѣдыванiя церковной казной и каждодневными дѣлами церкви самъ сенатъ избираетъ изъ плебеевъ нѣсколько человѣкъ, которые являются какъ бы замѣстителями сената и которые обязаны передъ нимъ отчетностью [1]).

47. Вотъ и все, что касается основъ этой формы верховной власти. То, что я собираюсь добавить къ этому съ принципiальной стороны не столь существенно, однако имѣетъ большое значенiе. Патрицiи, именно, должны носить особыя отличительныя платья или одѣянiя; въ привѣтствiяхъ, обращаемыхъ къ нимъ, они титулуются особеннымъ образомъ; каждый плебей долженъ уступать имъ мѣсто. Если же какой-нибудь патрицiй случайно, безъ всякой вины съ своей стороны, потеряетъ свое имущество и сможетъ представить этому вѣскiя доказательства, то онъ на счетъ государства возстановляется въ прежнее состоянiе. Если же, наоборотъ, окажется, что онъ расточилъ свое имущество мотовствомъ, роскошествомъ, игрой и безпутствомъ и т. д. или же, что онъ безусловно больше задолжалъ, чѣмъ въ состоянiи заплатить,—то онъ долженъ лишиться своего сана и считаться недостойнымъ всякихъ почестей и службы. Вѣдь тотъ, кто не смогъ управиться съ своими частными дѣлами, тѣмъ менѣе сможетъ быть полезнымъ для государственныхъ.

48. Кого законъ принуждаетъ дать клятву, тотъ скорѣе остережется отъ лживой клятвы, если ему будетъ

приказано поклясться не именемъ Божіимъ, но благомъ отечества, свободой и верховной коллегіей. Вѣдь тотъ, кто клянется Богомъ, представляетъ въ залогъ частное благо, которое оцѣниваетъ онъ самъ; тотъ же, кто давая клятву, представляетъ въ залогъ свободу и благо отечества, клянется благомъ всѣхъ, оцѣнка котораго отъ него не зависитъ. Въ случаѣ лживости клятвы, онъ самъ объявляетъ себя врагомъ отечества.

49. *Академіи*, основываемыя на государственный счетъ, учреждаются не столько для развитія умовъ, сколько для ихъ обузданія. Напротивъ, въ свободномъ государствѣ науки и искусства достигаютъ высшаго развитія тогда, когда каждому желающему разрѣшается обучать публично, при чемъ расходы и рискъ потери репутаціи--уже его личное дѣло. Однако этотъ вопросъ и другіе связанные съ нимъ я отлагаю до другого мѣста. Здѣсь моя задача заключалась только въ томъ, чтобы изложить все, что относится исключительно къ аристократіи.

ГЛАВА IX.

Объ аристократіи. Продолженіе.

1. До сихъ поръ мы разсматривали государство, которое зовется по одному только городу—столицѣ всего государства. Теперь же пора обратиться къ государству, верховная власть котораго сосредоточена во многихъ городахъ и которому я отдаю предпочтеніе предъ предшествующимъ. Но чтобы выяснить отличительныя черты и преимущества каждаго изъ нихъ, окинемъ бѣглымъ взоромъ основы предшествующей формы верховной власти, затѣмъ отбросимъ непригодныя для настоящей и на ихъ мѣсто заложимъ тѣ, на которыхъ она должна утвердиться.

2. Итакъ, *города*, являющіеся полноправными членами государства, должны быть построены и укрѣплены такъ, чтобы, съ одной стороны, ни одинъ изъ нихъ не могъ существовать безъ остальныхъ; но, съ другой стороны, чтобы и отпаденіе каждаго города отъ остальныхъ было сопряжено съ большимъ вредомъ для всего государства. Такимъ образомъ они всегда останутся въ единеніи. Тѣ же города, которые не въ состояніи ни сохранить себя, ни внушить страха остальнымъ, очевидно, не своеправны, но безусловно подчинены праву этихъ послѣднихъ.

3. Все, что мы изложили въ §§ 9 и 10 предшествующей главы выводится изъ общей природы аристократіи (отношеніе числа патриціевъ къ численности народа, возрастъ и другія условія ихъ избранія), такъ что, будетъ ли власть сосредоточена въ одномъ городѣ или во многихъ,—въ этомъ нѣтъ между ними различія. Съ *верховной коллегіей* дѣло обстоитъ иначе. Вѣдь если какой-нибудь городъ описываемаго государства будетъ мѣстомъ ея собраній, то въ дѣйствительности онъ сдѣлается столицей всего государства. Поэтому или слѣдуетъ соблюдать очередь между ними, или отвести этой коллегіи такое мѣсто, которое не является полноправнымъ членомъ государства и принадлежитъ всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ. Однако, какъ то, такъ и другое насколько легко на словахъ, настолько же трудно на дѣлѣ: вѣдь столькимъ тысячамъ людей придется часто покидать города или собираться каждый разъ въ различныхъ мѣстахъ.

4. Чтобы правильно вывести изъ природы и строя этой формы верховной власти, какъ слѣдуетъ поступить въ этомъ дѣлѣ и какимъ образомъ слѣдуетъ установить коллегіи такого государства, необходимо принять въ соображеніе, что каждый городъ, именно, настолько имѣетъ больше права, чѣмъ частное лицо, насколько онъ превосходитъ мощью частное лицо (согласно § 4 гл. 2-й), и, слѣдовательно, каждый городъ этого государства (см. § 2 наст. гл.) въ чертѣ городскихъ стѣнъ или предѣлахъ своей юрисдикціи имѣетъ столько права, сколько мощи; затѣмъ, что всѣ города связаны между собою и объединены не какъ члены союза, но какъ составныя части единаго госу-

дарства; при чемъ каждый городъ имѣетъ въ государствѣ настолько больше права, чѣмъ остальные, насколько онъ могущественнѣе остальныхъ. Вѣдь было бы нелѣпо искать равенства среди неравныхъ. Граждане же, считаются равными, какъ они того и заслуживаютъ, такъ какъ мощь каждаго изъ нихъ по сравненію съ мощью всего государства—ничтожна: мощь же каждаго города составляетъ большую часть мощи самого государства, и чѣмъ больше самъ городъ, тѣмъ больше эта часть. Поэтому нельзя считать всѣ города равными. Но какъ мощь каждаго города, такъ и его право, должны быть оцѣниваемы по его величинѣ. Узами же, которые должны ихъ соединить въ единое государство, прежде всего будутъ *сенатъ* и *судъ* (согласно § 1 гл. 4-й). Но какимъ образомъ соединить этими узами всѣ города такъ, чтобы все-таки каждый городъ остался, насколько возможно, своеправнымъ, я вкратцѣ покажу здѣсь. [1])

5. Я допускаю, именно, что патриціи каждаго города—число ихъ, сообразно съ величиной города (согласно § 3 наст. главы), можетъ быть большимъ или меньшимъ—обладаютъ въ своемъ городѣ высшимъ правомъ, въ *верховной коллегіи своего города* имѣютъ верховную власть укрѣплять городъ и расширять его укрѣпленія, налагать подати, издавать и отмѣнять законы и дѣлать рѣшительно все, что, по ихъ мнѣнію, является необходимымъ для сохраненія и процвѣтанія ихъ города. Для веденія же общегосударственныхъ дѣлъ избирается *сенатъ* всецѣло на тѣхъ же основаніяхъ, на которыя мы указывали въ предшествующей главѣ; такимъ образомъ, все различіе между этимъ сенатомъ и тѣмъ сведется къ тому, что первому предоставлено еще раз-

рѣшать споры, могущіе возникнуть между городами. Вѣдь въ государствѣ, ни одинъ городъ котораго не является столицей, это не можетъ входить въ компетенцію верховной коллегіи, какъ въ вышеописанномъ. См. § 38 предшествующей главы.

6. Въ этомъ государствѣ верховная коллегія созывается только въ томъ случаѣ, когда на очереди стоитъ реформа самого государства или въ случаѣ какого-либо затрудненія, разрѣшеніе котораго сенаторы считаютъ себѣ не подъ силу; такимъ образомъ, всѣ патриціи созываются на совѣтъ очень рѣдко. Вѣдь главная обязанность верховной коллегіи, какъ мы сказали (въ § 17 пред. главы), состоитъ въ изданіи и отмѣнѣ законовъ и въ избраніи государственныхъ чиновниковъ. Однажды же установленные законы или общее право всего государства не должны измѣняться. Но если время или обстоятельства потребуютъ установленія какого-нибудь новаго закона или же измѣненія существующаго, то вопросъ объ этомъ прежде всего можетъ быть поднятъ въ сенатѣ. Послѣ того какъ въ сенатѣ будетъ достигнуто единодушіе, по этому вопросу онъ самъ отправляетъ въ города пословъ, которые должны оповѣстить патриціевъ каждаго города о его заключеніи; и если большинство городовъ присоединится къ заключенію сената, то оно считается принятымъ, въ противномъ же случаѣ — отвергнутымъ. Того же порядка можно держаться при избраніи *вождей войска* и *пословъ*, отправляемыхъ въ иностранныя государства, равно какъ при рѣшеніяхъ относительно объявленія войны и принятія условій мира. Но такъ какъ каждый городъ (согласно изложенному

въ § 4 наст. главы) долженъ, насколько возможно, оставаться своеправнымъ и настолько имѣть въ государствѣ больше права, насколько онъ превосходитъ мощью остальные города, то при избраніи остальныхъ государственныхъ чиновниковъ является необходимымъ слѣдующій порядокъ. Сенаторы, именно, избираются изъ патриціевъ каждаго города; т.-е. патриціи какого-нибудь одного города избираютъ въ своей коллегіи опредѣленное число сенаторовъ изъ согражданъ-патриціевъ; это число къ числу патриціевъ того же города относится (см. § 30 предш. главы) какъ 1 къ 12; избранные получаютъ затѣмъ указанія, къ какому отдѣлу—первому, второму, третьему и т. д.—они должны принадлежать; такимъ же путемъ патриціи остальныхъ городовъ избираютъ сенаторовъ (въ большемъ или меньшемъ количествѣ—это зависитъ отъ ихъ общаго числа) и распредѣляютъ ихъ по отдѣламъ, на каковые, какъ мы сказали, долженъ раздѣляться сенатъ. См. объ этомъ § 34 пред. главы. Этимъ будетъ достигнуто то, что въ каждомъ отдѣлѣ сената отъ каждаго города будетъ присутствовать извѣстное число сенаторовъ, которое, сообразно величинѣ самого города, будетъ больше или меньше. *Предсѣдатели же и вице-предсѣдатели* отдѣловъ, число которыхъ меньше числа городовъ, избираются по жребію сенатомъ изъ избранныхъ консулами. Кромѣ того, и при избраніи верховныхъ *судей* государства сохраняется тотъ же порядокъ: патриціи каждаго города избираютъ изъ своихъ коллегъ судей, число которыхъ будетъ больше или меньше сообразно съ числомъ самихъ патриціевъ. Вслѣдствіе этого каждый городъ при избраніи чиновниковъ будетъ, насколько

возможно, своеправенъ и, какъ въ сенатѣ, такъ и въ судѣ, будетъ имѣть настолько больше права, насколько онъ превосходитъ мощью остальные города; при томъ предположенiи, именно, что при разборѣ государственныхъ дѣлъ и при разрѣшенiи спорныхъ вопросовъ сенатъ и судъ всецѣло будутъ придерживаться порядка, описаннаго въ §§ 33 и 34 пред. главы.

7. Засимъ, *вожди когортъ* и *военные трибуны* избираются также изъ патрицiевъ. Вѣдь такъ какъ справедливо, чтобы каждый городъ былъ обязанъ поставлять для общей безопасности всего государства опредѣленное число солдатъ сообразно своей величинѣ, то точно такъ же справедливо, чтобы патрицiямъ каждаго города было дозволено избирать, сообразно числу легiоновъ, которые они обязаны содержать, столько трибуновъ, вождей, знаменосцевъ и т. д., сколько требуется для руководства той воинской частью, которую они доставляютъ государству.

8. Сенатъ не облагаетъ подданныхъ *податями*, но для несенiя издержекъ, потребныхъ, согласно сенатскому декрету, для веденiя государственныхъ дѣлъ, привлекаются самимъ сенатомъ, не отдѣльные подданные, но города по ихъ имущественному положенiю, такъ что каждый городъ, сообразно своей величинѣ, долженъ нести бо̀льшую или меньшую часть издержекъ; эту часть патрицiи взыскиваютъ съ своихъ горожанъ, какимъ имъ угодно путемъ, или сообразуясь, именно, съ ихъ имуществомъ, или, что гораздо справедливѣе, взимая съ нихъ пошлины.

9. Хотя и не всѣ города этого государства являются приморскими, и сенаторы призываются не изъ однихъ только приморскихъ городовъ, однако имъ можно опре-

дѣлить тѣ же доходы, о которыхъ мы говорили въ § 31 пред. главы. Для этой цѣли могутъ быть, смотря по общему положенію государства, изысканы средства, которыя послужатъ для еще болѣе тѣснаго сплоченія городовъ между собою. Остальное же, что относится къ сенату и суду и вообще къ государству въ его совокупности (см. пред. главу), примѣнимо также и здѣсь. Итакъ мы видимъ, что въ государствѣ, власть надъ которымъ принадлежитъ многимъ городамъ, не является необходимымъ назначать опредѣленный срокъ или мѣсто для созыва верховной коллегіи. Сенату и суду отводится мѣсто въ селеніи или городѣ, которые не обладаютъ правомъ голоса. Однако возвращусь къ тому, что касается отдѣльныхъ городовъ.

10. *Верховная коллегія каждаго отдѣльнаго города* при избраніи городскихъ и государственныхъ чиновниковъ, а также при рѣшеніи дѣлъ должна держаться порядка, описаннаго мною въ §§ 27 и 36 пред. главы. Вѣдь въ обоихъ случаяхъ условія равны. Далѣе, *совѣтъ синдиковъ* долженъ быть подчиненъ этой городской коллегіи, такъ какъ онъ относится къ ней такъ же, какъ совѣтъ синдиковъ, описанный въ пред. главѣ, къ коллегіи всего государства, и въ предѣлахъ юрисдикціи города несетъ тѣ же обязанности и пользуется тѣми же доходами. Если городъ,—а слѣдовательно и число патриціевъ,—будетъ настолько малъ, что сможетъ избрать только одного или двухъ синдиковъ, которые вдвоемъ не составятъ коллегіи, то верховная городская коллегія назначаетъ синдикамъ для разбора дѣлъ судей, по мѣрѣ надобности или же спорный вопросъ поступаетъ на разсмотрѣніе верховнаго совѣта синдиковъ. Вѣдь изъ

каждаго города нѣсколько синдиковъ отправляются также въ мѣсто засѣданій сената для наблюденія за тѣмъ, чтобы законы совокупнаго государства неукоснительно соблюдались бы; они засѣдаютъ въ сенатѣ безъ права голоса.

11. *Городскіе консулы* также избираются изъ патриціевъ того же города; они образуютъ какъ бы сенатъ своего города. Я не могу, однако, опредѣлить ихъ числа, да и не считаю это необходимымъ, такъ какъ наиболѣе важныя дѣла ихъ города рѣшаются его верховной коллегіей, тѣ же дѣла, которыя относятся къ совокупному государству,—великимъ сенатомъ. Впрочемъ, если число консуловъ будетъ незначительно, то необходимо, чтобы они въ своемъ совѣтѣ подавали голоса открыто, а не шарами, какъ въ большихъ коллегіяхъ. Вѣдь въ небольшихъ коллегіяхъ, гдѣ происходитъ закрытое голосованіе, тотъ, кто сколько-нибудь хитрѣе другихъ, легко можетъ узнать, кто какой голосъ подалъ, и всячески обманывать менѣе осмотрительныхъ.

12. Кромѣ того, въ каждомъ городѣ *судьи* назначаются его верховной коллегіей. На ихъ рѣшеніе, однако, можно аппеллировать верховному государственному суду за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда подсудимый явно изобличенъ и должникъ признаетъ свой долгъ. Но нѣтъ нужды разсматривать это подробнѣе.

13. Итакъ, остается сказать нѣсколько словъ *о несвоеправныхъ городахъ*. Если они расположены на государственной территоріи, и національность и языкъ ихъ жителей одни и тѣ же, то они необходимо должны разсматриваться, подобно селеніямъ, какъ части сосѣднихъ городовъ; такъ что каждый изъ нихъ долженъ быть подчиненъ управленію того или другого

своеправнаго города. Основаніе этого заключается въ томъ, что патриціи избираются не верховной коллегіей этого государства, но верховной коллегіей каждаго города, при чемъ число ихъ въ каждомъ городѣ, соразмѣрно числу жителей въ предѣлахъ его юрисдикціи, можетъ быть больше или меньше (см. § 5 наст. главы). Поэтому является необходимымъ, чтобы населеніе несвоеправнаго города вмѣстѣ съ населеніемъ своеправнаго составляло одну податную единицу и зависѣло отъ его управленія. На города же, захваченные по праву войны и примкнувшіе къ государству, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на союзниковъ государства и привязать къ себѣ благодѣяніями; или же туда выводятся колоніи, являющіяся полноправными членами государства, туземное же населеніе выселяется въ другое мѣсто или совсѣмъ уничтожается. [2])

14. Вотъ и все, относящееся до основъ этого государства. Положеніе его лучше, чѣмъ государства, зовущагося по имени одного только города. Это я заключаю изъ того, именно, что патриціи каждаго города по свойственному человѣку влеченію будутъ стремиться удержать и, если возможно, расширить свое право, какъ въ городѣ, такъ и въ сенатѣ; поэтому по мѣрѣ своихъ силъ они будутъ стремиться привлечь на свою сторону народъ и, слѣдовательно, править государствомъ болѣе при помощи благодѣяній, чѣмъ страха, и увеличить свою численность; вѣдь чѣмъ значительнѣе ихъ число, тѣмъ больше сенаторовъ (согласно § 6 наст. главы) они выберутъ изъ своей коллегіи и, слѣдовательно, (согласно тому же § той же главы) тѣмъ больше права они получатъ въ государствѣ. И нѣтъ бѣды въ томъ,

что города, если каждый изъ нихъ заботится только о себѣ и соперничаетъ съ остальными, чаще бываютъ между собою въ разладѣ и въ препирательствахъ теряютъ время. Пока римляне совѣщались, Сагунтъ погибъ—пусть такъ, но, съ другой стороны, гибнетъ свобода и общее благо, когда о всемъ рѣшаетъ прихоть небольшого числа лицъ. Вѣдь люди не надѣлены такой сообразительностью, чтобы сразу охватить всѣ стороны дѣла, ихъ умъ изощряется въ совѣщаніяхъ и спорахъ и, испытывая всѣ средства, находитъ, наконецъ, искомыя, которыя всѣ одобряютъ и о которыхъ никто раньше не думалъ. Если кто возразитъ, что голландское государство безъ графа или его замѣстителя просуществовало недолго, то ему можно отвѣтить, что голландцы для утвержденія свободы считали достаточнымъ отдѣлаться отъ графа и обезглавить государство и не подумали о реформѣ послѣдняго. Всѣ государственные органы они оставили, напротивъ, въ прежнемъ положеніи; такъ что Голландія осталась графствомъ безъ графа, какъ бы тѣломъ безъ головы, сама же форма государственной власти—безъ наименованія. Поэтому менѣе всего удивительно, что большинство подданныхъ не знало, въ чьихъ рукахъ находится верховная государственная власть. Но если бы даже въ этомъ отношеніи дѣло обстояло иначе, то все-таки дѣйствительные обладатели власти были слишкомъ немногочисленны для того, чтобы править народомъ и сломить могущественныхъ противниковъ. Въ результатѣ, послѣдніе часто имѣли возможность безнаказанно злоумышлять противъ нихъ и, наконецъ, низложить. Итакъ, внезапное паденіе этой республики произошло не отъ того, что время безполезно

проходило въ препирательствахъ, но вслѣдствіе неопредѣленнаго состоянія верховной государственной власти и немногочисленности правителей.

15. Кромѣ того, эта форма аристократіи, при которой власть сосредоточена во многихъ городахъ, заслуживаетъ передъ другою предпочтенія, ибо здѣсь, въ противоположность той, не нужно принимать мѣръ противъ того, какъ бы внезапное нападеніе не погубило всей верховной коллегіи, такъ какъ для ея созыва не назначено ни срока, ни мѣста (см. § 9 наст. главы). Далѣе, въ этомъ государствѣ могущественные граждане не такъ опасны. Вѣдь тамъ, гдѣ многіе города пользуются свободой, для того, кто намѣревается проложить себѣ путь къ власти, недостаточно завладѣть однимъ только городомъ, чтобы тѣмъ самымъ получить власть надъ остальными. Наконецъ, свобода въ этомъ государствѣ—достояніе бо́льшаго числа лицъ. Вѣдь тамъ, гдѣ правитъ одинъ только городъ, благо остальныхъ принимается въ расчетъ лишь постольку, поскольку это выгодно правящему городу.

ГЛАВА X.

Объ аристократіи. Окончаніе.

1. Мы изложили и выяснили основы обѣихъ формъ аристократіи. Намъ осталось еще разсмотрѣть, могутъ ли онѣ сами быть причиной своей гибели или превращенія въ другую форму. Главнѣйшую причину гибели этихъ государствъ указалъ проницательнѣйшій Флорентинецъ (Disc. 1 lib. 3 in T. A. Livium). По его словамъ *„въ государствѣ, какъ и въ человѣческомъ тѣлѣ, ежедневно накопляется нѣчто, требующее время отъ времени лѣченія“*. [1]) Поэтому, говоритъ онъ, необходимо, чтобы иногда наступало какое-нибудь событіе, благодаря которому государство возвращалось бы къ своему началу, на которомъ оно было установлено. Если это событіе не наступаетъ въ надлежащее время, то пороки разрастаются до такой степени, что уничтожить ихъ можно только вмѣстѣ съ самимъ государствомъ. Это событіе, продолжаетъ онъ, можетъ наступить или въ силу случая, или въ силу предусмотрительности и благоразумія законовъ или мужа выдающейся доблести. И мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что это дѣло величайшей важности, и что тамъ, гдѣ противъ этого нестроенія не будетъ принято

предупредительныхъ мѣръ, государство сможетъ уцѣлѣть только въ силу счастливой судьбы, а не внутренняго достоинства и, наоборотъ, тамъ, гдѣ противъ этого зла будетъ примѣнено удачное средство, государство, какъ мы вскорѣ покажемъ съ бо́льшей ясностью, можетъ пасть только въ силу неизбѣжнаго рока, а не въ силу своей испорченности. Первымъ пришедшимъ на умъ средствомъ противъ этого зла было избраніе черезъ каждыя пять лѣтъ на мѣсячный или двухмѣсячный срокъ *верховнаго диктатора*, обладавшаго правомъ производить разслѣдованіе, судить и постановлять приговоры относительно дѣйствій сенаторовъ и каждаго чиновника и, слѣдовательно, возвращать государство къ его началу. Но тотъ, кто хочетъ избѣжать нестроеній въ государствѣ, долженъ примѣнять средства, которыя согласуются съ природой государства и могутъ быть выведены изъ его основъ, а иначе онъ, желая избѣжать Харибды, попадетъ въ Сциллу. Несомнѣнно, что всѣ, какъ правящіе, такъ и управляемые, должны быть сдерживаемы страхомъ наказанія, направленнаго на личность или имущество, дабы не было дозволено совершать преступленій безнаказанно или съ выгодой для себя; но, съ другой стороны, несомнѣнно также, что если бы этотъ страхъ былъ однимъ и тѣмъ же для дурныхъ и добрыхъ людей, то государство съ необходимостью оказалось бы на краю гибели. Но диктаторская власть, будучи абсолютной, не можетъ не внушать трепета всѣмъ; въ особенности, если диктаторъ, согласно выставленному выше требованію, избирается въ установленный срокъ, ибо тогда каждый честолюбецъ будетъ всѣми силами добиваться этой должности; и несомнѣнно, что въ мир-

ное время богатство уважается больше, чѣмъ доблесть, такъ что легче всего достичь почетной должности какому-нибудь выскочкѣ. И, быть можетъ, по этой причинѣ римляне обыкновенно назначали диктатора не въ установленное время, но подъ давленіемъ неотложной необходимости. И тѣмъ не менѣе „толки о диктаторѣ—я ссылаюсь на слова Цицерона—вызывали недовольство у добродѣтельныхъ гражданъ“. [2]) Дѣйствительно, такъ какъ диктаторская власть по характеру своему абсолютно подобна царской, то измѣненіе формы верховной власти въ монархическую даже на самое короткое время невозможно безъ большой опасности для республики. Къ тому же, если для избранія диктатора не будетъ назначено опредѣленнаго времени, то не будетъ постояннаго промежутка между диктатурами,—соблюдать же его, какъ я отмѣтилъ, чрезвычайно важно,—и такимъ образомъ все учрежденіе будетъ настолько шатко, что легко сведется на нѣтъ. Итакъ, если только эта диктаторская власть не вѣчна и не прочна,—а таковую нельзя, сохраняя форму государства, перенести на одного человѣка—то она сама и вмѣстѣ съ тѣмъ благо и сохраненіе государства будутъ висѣть на волоскѣ.

2. Наоборотъ, мы отнюдь не можемъ (согласно § 3 гл. 6-й) сомнѣваться въ томъ, что если бы было возможно, чтобы мечъ диктатора и при сохраненіи формы верховной власти всегда былъ наготовѣ и былъ бы страшенъ только дурнымъ, то пороки никогда не смогли бы разростись до того, что ихъ нельзя уже искоренить или исправить. Для осуществленія всѣхъ этихъ условій слѣдуетъ, какъ мы сказали, верховному совѣту подчинить совѣтъ синдиковъ, дабы диктаторскій

мечъ былъ всегда наготовѣ и находился бы не у физическаго лица, а у юридическаго, члены котораго по своей многочисленности не могутъ внести рознь въ государство (см. §§ 1 и 2 восьм. главы) или сойтись на какомъ-нибудь преступномъ планѣ. Синдикамъ, кромѣ того, закрытъ доступъ къ занятію остальныхъ государственныхъ должностей, они не платятъ жалованья ополченію и, наконецъ, возрастъ ихъ такой, что они предпочтутъ настоящее и вѣрное новому и опасному. Вслѣдствіе этого государству нечего ихъ опасаться, и они смогутъ быть и дѣйствительно будутъ страшны не хорошимъ, а только дурнымъ. Вѣдь чѣмъ менѣе у нихъ силъ для совершенія преступленій, тѣмъ болѣе у нихъ мощи для обузданія зла. Вѣдь не говоря уже о томъ, что они всякое начинаніе могутъ подавить въ зародышѣ [3]) (такъ какъ ихъ коллегія постоянна),—число ихъ, кромѣ того, достаточно велико, для того чтобы они отважились, безъ страха передъ ненавистью, обвинить и осудить каждаго власть имущаго; въ особенности потому, что голосованіе производится шарами, и рѣшеніе произносится отъ имени всего совѣта.

3. Въ Римѣ *народные трибуны* были постояннымъ учрежденіемъ; однако они ничего не могли подѣлать съ людьми въ родѣ Сципіона. Кромѣ того, они были обязаны самому сенату докладывать о тѣхъ мѣрахъ, которыя, по ихъ мнѣнію, являлись благотворными; сенатъ же часто проводилъ ихъ, подстраивая такъ, что плебсъ дарилъ свое расположеніе тому, кого сами сенаторы менѣе всего опасались. Къ тому же, направленный противъ патриціевъ авторитетъ трибуновъ опирался на расположеніе плебса, и всякій разъ какъ они

созывали плебсъ, это было скорѣе похоже на призывъ къ возстанію, нежели на созывъ совѣта. Подобныя нестроенія не будутъ конечно имѣть мѣста въ государствѣ, описанномъ въ предшествующихъ главахъ.

4. Тѣмъ не менѣе синдики своимъ авторитетомъ могутъ только обезпечить сохраненіе формы верховной власти и, слѣдовательно, воспрепятствовать нарушеніямъ законовъ и обогащенію отъ преступленій; но никоимъ образомъ они не будутъ въ состояніи добиться того, чтобы не разростались пороки, которые не могутъ быть воспрещены закономъ, каковы тѣ, въ которые впадаютъ люди подъ вліяніемъ праздности и послѣдствіемъ которыхъ нерѣдко бываетъ гибель государства. Вѣдь люди, освободившись въ мирное время отъ страха, мало-помалу изъ дикихъ варваровъ становятся цивилизованными или гуманными, а затѣмъ—изнѣженными и косными; и каждый старается превзойти другихъ не доблестью, но блескомъ и роскошью. Такъ начинаютъ они презирать отечественные нравы и перенимать чужіе, т.-е. рабствовать.

5. Для избѣжанія этихъ золъ многіе пытались издавать законы противъ роскоши, но безъ успѣха [4]). Вѣдь со всѣми законами, нарушеніе которыхъ не составляетъ неправды по отношенію къ другимъ лицамъ, серьезно никто не считается; они не только не обуздываютъ людскихъ желаній и прихотей, но, наоборотъ, возбуждаютъ ихъ. Вѣдь всегда стремимся мы къ запрещенному и желаемъ недозволеннаго. И у праздныхъ людей всегда хватитъ сметки для обхода законовъ о предметахъ, которые не поддаются безусловному запрещенію—какъ-то, о пирахъ, играхъ, украшеніяхъ и т. п.,—въ которыхъ

дурно только излишество, оцѣниваемое по состоянію каждаго и поэтому неопредѣлимое всеобщимъ закономъ.

6. Итакъ, отсюда я прихожу къ заключенію, что съ имѣющимися здѣсь въ виду общими пороками, свойственными мирному времени, слѣдуетъ бороться не прямо, но косвенно, закладывая, именно, такія основы государства, благодаря которымъ большинство, конечно, не будетъ стараться жить разумно (ибо это невозможно), но будетъ руководиться аффектами, болѣе полезными для государства. Поэтому, прежде всего нужно стремиться къ тому, чтобы богатые сдѣлались, если не бережливыми, то, по крайней мѣрѣ, корыстолюбивыми. Вѣдь несомнѣнно, что если этотъ аффектъ корыстолюбія — общераспространенный и постоянный — получитъ поддержку въ честолюбіи, то большинство приложитъ всѣ старанія для несопряженнаго съ безславіемъ увеличенія своего состоянія, чтобы тѣмъ добиться почестей и избѣгнуть величайшаго позора. И если мы вникнемъ въ основы обѣихъ аристократій, изложенныя мною въ двухъ предшествующихъ главахъ, то увидимъ, что къ этому то, именно, онѣ и приводятъ. Вѣдь число правящихъ въ обѣихъ настолько велико, что большинству богатыхъ широко открытъ доступъ къ управленію и къ пріобрѣтенію почетныхъ государственныхъ должностей.

7. Если далѣе (какъ мы сказали въ § 47 гл. 8) будетъ издано постановленіе объ исключеніи изъ патриціанскаго сословія тѣхъ патриціевъ, долги которыхъ превышаютъ ихъ имущество, и о возстановленіи въ прежнее состояніе тѣхъ, которые потеряли свое имущество вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ,

то всѣ, безъ сомнѣнія, постараются сохранить по возможности свое достояніе. Если же еще установить закономъ, чтобы патриціямъ и кандидатамъ на почетныя должности была присвоена отличительная одежда, то никто изъ нихъ не будетъ предпочитать чужеземные нравы отечественнымъ (объ этомъ см. §§ 25 и 47 гл. 8). Помимо всего этого въ каждомъ государствѣ могутъ быть изысканы мѣры, отвѣчающія природѣ мѣста и народному характеру; прежде же всего слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы подданные въ большинствѣ случаевъ исполняли свой долгъ добровольно, а не по принужденію закона.

8. Вѣдь государство, вся задача котораго сводится къ тому, чтобы руководить людьми страхомъ, скорѣе будетъ лишено пороковъ, чѣмъ изобиловать добродѣтелью. Но руководство людьми должно быть такимъ, чтобы имъ казалось, что ими не руководятъ, но что они живутъ по своему усмотрѣнію и свободному рѣшенію; поэтому одна только любовь къ свободѣ, стремленіе преумножить свое состояніе и надежда на пріобрѣтеніе государственныхъ почетныхъ должностей должны сдерживать ихъ. Впрочемъ, изображенія предковъ, тріумфы и другія средства къ поощренію добродѣтели свидѣтельствуютъ скорѣе о рабствѣ, чѣмъ о свободѣ. Рабамъ, а не свободнымъ назначаются награды за добродѣтель. Я знаю правда, что все это оказываетъ наиболѣе сильное воздѣйствіе на людей въ качествѣ стимула ихъ дѣятельности; но насколько вѣрно, что указанныя отличія вначалѣ достаются великимъ людямъ, настолько же правильно, что впослѣдствіи, съ ростомъ зависти, ихъ получаютъ, къ великому недовольству всѣхъ

хорошихъ гражданъ, люди недостойные и кичащіеся величиной своего богатства. Засимъ, тѣ, которые хвастаются тріумфами и изображеніями предковъ, будутъ считать себя оскорбленными, если имъ не будетъ отдано предпочтенія передъ всѣми другими. Наконецъ, безспорно то, — остальное я обхожу молчаніемъ, — что равенству, съ упраздненіемъ котораго необходимо гибнетъ и общая свобода, наносится смертельный ударъ, лишь только какому-нибудь мужу, извѣстному своей доблестью, государственнымъ закономъ будутъ назначены особыя почести.

9. Изложивъ это, разсмотримъ теперь, могутъ ли эти государства быть повинны въ своей гибели. Дѣйствительно, если и можетъ какое-либо государство быть вѣчнымъ, то таковымъ съ необходимостью будетъ то, законы котораго, однажды правильно установленные, остаются ненарушимыми. Вѣдь законы—это душа государства. Поэтому, если они сохраняются, то сохраняется съ необходимостью и государство. Законы же остаются незыблемыми только въ томъ случаѣ, когда они защищаются и разумомъ и общимъ для людей аффектомъ; иначе, т.-е., если законы опираются исключительно на разумъ, они, конечно, безсильны и легко нарушаются. Но мы показали, что основные законы обѣихъ формъ аристократической власти согласуются съ разумомъ и общимъ для людей аффектомъ; мы можемъ утверждать, слѣдовательно, что именно эти государства необходимо будутъ вѣчны,—если вообще возможны таковыя,—или что они могутъ погибнуть лишь въ силу неизбѣжнаго рока, а не собственной вины.

10. Намъ все еще можетъ быть сдѣлано такое возраженіе: пусть даже изложенные въ предшествующей

главѣ законы защищаются разумомъ и общимъ для людей аффектомъ, тѣмъ не менѣе они могутъ иногда оказаться безсильными. Вѣдь нѣтъ аффекта, который не побѣждался бы иногда другимъ противоположнымъ, болѣе сильнымъ аффектомъ; вѣдь мы часто видимъ, что страхъ смерти побѣждается желаніемъ чужой вещи. Обратившихся въ бѣгство изъ страха передъ непріятелемъ не можетъ остановить никакой другой страхъ, но, чтобы избѣгнуть вражескаго меча, они бросаются въ рѣки или устремляются въ огонь. Итакъ, какъ бы ни было правильно организовано государство, какъ бы ни были хорошо установлены законы, однако въ моментъ величайшей опасности для государства, когда всѣхъ, какъ это обыкновенно бываетъ, охватываетъ какой-то паническій страхъ, всѣ, не думая ни о будущемъ, ни о законахъ, считаютъ пріемлемымъ только то, что внушаетъ имъ наличный страхъ; они обращаютъ тогда свои взоры на человѣка, прославленнаго побѣдами, освобождаютъ его отъ дѣйствія законовъ, сами удлиняютъ (это самое худшее) срокъ его властвованія и довѣряютъ его совѣсти все государство; и несомнѣнно, что именно это было причиной гибели римской имперіи. Чтобы отвѣтить на такое возраженіе, я говорю, во-первыхъ, что въ правильно организованномъ государствѣ подобный страхъ возникаетъ только по основательной причинѣ. Вслѣдствіе чего этотъ страхъ и вызванное имъ замѣшательство нельзя приписать такой причинѣ, которую могло бы устранить человѣческое благоразуміе. Затѣмъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ той республикѣ, какую мы описали въ предшествующихъ главахъ, не можетъ случиться (согласно §§ 9 и 25 гл. 8), чтобы слава о доблестяхъ какого-либо гражданина обратила

на него взоры всѣхъ; онъ необходимо будетъ имѣть соперниковъ, которые имѣютъ также многихъ приверженцевъ. Поэтому, если даже въ государствѣ страхъ и произведетъ какое-нибудь замѣшательство, то все-таки никто не сможетъ нарушить законы и вопреки праву объявить кого-либо военнымъ диктаторомъ безъ того, чтобы немедленно не возникъ споръ со стороны другихъ претендентовъ, споръ, для прекращенія котораго придется волей неволей обратиться къ однажды установленному и всѣми признанному праву и уладить дѣла государства согласно существующимъ законамъ. Итакъ, я безусловно могу утверждать, что какъ государство, власть надъ которымъ находится у одного города, такъ въ особенности государство, власть надъ которымъ находится у многихъ городовъ,—вѣчны; они не могутъ ни распасться, ни измѣнить своей формы въ силу какой-либо внутренней причины.

ГЛАВА XI.

О демократіи.

1. Наконецъ мы переходимъ къ третьей и всецѣло абсолютной формѣ верховной власти, которую мы назовемъ демократической. Ея отличіе отъ аристократической состоитъ, какъ мы сказали, главнымъ образомъ въ томъ, что въ послѣдней отъ одной только воли и свободнаго выбора верховной коллегіи зависитъ, кого сдѣлать патриціемъ, такъ что никто не имѣетъ наслѣдственнаго права голоса и поступленія на государственныя службы, какъ это имѣетъ мѣсто при той формѣ верховной власти, которую мы теперь описываемъ. Вѣдь всѣ тѣ, которые родились отъ гражданъ или въ предѣлахъ отечественной территоріи, или оказали важныя услуги государству, или тѣ, которымъ законъ по другимъ причинамъ предписываетъ пожаловать право гражданства,— всѣ они на законномъ основаніи притязаютъ на право голоса въ верховной коллегіи и поступленія на государственныя службы; и отказъ имъ въ этомъ возможенъ только вслѣдствіе преступленія или безчестія.

2. Итакъ, если будетъ установлено закономъ, что только болѣе пожилые, достигшіе опредѣленнаго возраста, или только первенцы, когда имъ позволитъ воз-

растъ, или вносящіе государству опредѣленную сумму обладали бы правомъ голоса въ верховной коллегіи и правомъ заниматься государственными дѣлами, то хотя при этомъ и можетъ случиться, что верховная коллегія будетъ состоять изъ меньшаго числа гражданъ, чѣмъ верховная коллегія аристократіи, о которой мы говорили выше, тѣмъ не менѣе такія государства слѣдуетъ назвать демократическими, такъ какъ ихъ граждане, предназначаемые для управленія государствомъ, не избираются, какъ лучшіе, верховнымъ совѣтомъ, но опредѣляются на это самимъ закономъ. И хотя при такой системѣ подобныя государства,—гдѣ, именно, къ правленію предназначаются не лучшіе, но разбогатѣвшіе въ силу счастливаго стеченія обстоятельствъ или первенцы,—повидимому, уступаютъ аристократіи, однако, если принять во вниманіе практику или общія свойства людей, то окажется, что дѣло сводится къ тому же. Вѣдь патриціи всегда считаютъ лучшими богатыхъ или своихъ ближнихъ родственниковъ, или друзей. И, конечно, если бы съ патриціями дѣло обстояло такъ, что они избирали бы коллегъ патриціевъ, свободные отъ всякаго аффекта и руководимые однимъ только стремленіемъ къ общему благу, то ни одна форма верховной власти не выдержала бы сравненія съ аристократической. Но, какъ въ болѣе, чѣмъ достаточной мѣрѣ, показалъ опытъ, положеніе вещей совершенно обратно этому, въ особенности въ олигархіяхъ, гдѣ, за отсутствіемъ соперниковъ, воля патриціевъ менѣе всего связана закономъ. Вѣдь здѣсь патриціи намѣренно заграждаютъ лучшимъ доступъ въ совѣтъ и ищутъ себѣ такихъ товарищей по совѣту, которые ловятъ каждое ихъ слово, такъ что

дѣла подобнаго государства обстоятъ гораздо хуже, ибо избраніе патриціевъ зависитъ отъ абсолютно свободной или не связанной никакимъ закономъ воли отдѣльныхъ лицъ. Однако возвращаюсь къ начатому.

3. Изъ сказаннаго въ пред. параграфѣ ясно, что мы можемъ различить нѣсколько видовъ демократій. Однако въ мою задачу не входитъ говорить о каждомъ изъ нихъ, но только о томъ, гдѣ безъ исключенія всѣ тѣ, которые подчинены однимъ только отечественнымъ законамъ и, кромѣ того, своеправны (sui juris) и живутъ безупречно, обладаютъ правомъ голоса въ верховной коллегіи и правомъ поступленія на государственную службу. Я подчеркиваю: *„которые подчинены однимъ только отечественнымъ законамъ“*, чтобы устранить иностранцевъ, считающихся подданными другого государства. Я добавилъ еще: кромѣ того, что они подчинены однимъ только законамъ государства, они *въ остальномъ должны быть своеправными*, чтобы устранить женщинъ и рабовъ, стоящихъ подъ властью мужей и господъ, а также дѣтей и несовершеннолѣтнихъ, пока они стоятъ подъ властью родителей и опекуновъ. Я сказалъ, наконецъ: *живутъ безупречно*, чтобы прежде всего устранить тѣхъ, которые вслѣдствіе преступленія или какого-нибудь позорнаго образа жизни подверглись безчестію.

4. Кто-нибудь, пожалуй, спроситъ, стоятъ ли женщины подъ властью мужчинъ по природѣ или въ силу положительнаго закона? Вѣдь если это такъ только въ силу закона, то для насъ нѣтъ, слѣдовательно, никакихъ основаній устранять женщинъ отъ управленія. Но если

мы обратимся за поученіемъ къ опыту, то увидимъ, что такое положеніе вещей объясняется слабостью самихъ женщинъ. Ибо невиданное еще дѣло, чтобы мужчины и женщины правили вмѣстѣ, но всюду на землѣ, гдѣ только есть мужчины и женщины, мужчины правятъ, а женщины находятся въ подчиненіи, и такимъ образомъ оба пола живутъ въ согласіи. Но, напротивъ, амазонки, которыя по преданію когда-то правили, не терпѣли мужчинъ въ своей странѣ, но ростили только дѣвочекъ, рожденныхъ же ими мальчиковъ убивали. Вѣдь, если бы женщины по природѣ были равны мужчинамъ и по силѣ души и ума, въ которыхъ главнымъ образомъ заключается человѣческая мощь, а, слѣдовательно, и право, то, конечно, среди столькихъ различныхъ націй нашлись бы нѣкоторыя, гдѣ оба пола управляли бы на равномъ основаніи, и другія, гдѣ мужчины управлялись бы женщинами и получали бы такое воспитаніе, что отставали бы отъ нихъ въ умственныхъ качествахъ. Но такъ какъ этого нигдѣ нѣтъ, то вполнѣ можно утверждать, что женщины по природѣ не имѣютъ одинаковаго съ мужчинами права; онѣ, напротивъ, съ необходимостью уступаютъ мужчинамъ и поэтому невозможно, чтобы оба пола управляли бы на равномъ основаніи и еще менѣе, чтобы мужчины управлялись женщинами. Если, кромѣ того, мы обратимъ вниманіе на человѣческіе аффекты, на то, именно, что мужчины по большей части любятъ женщинъ только вслѣдствіе аффекта похоти и дарованія ихъ и разсудительность цѣнятъ лишь постольку, поскольку сами онѣ отличаются красотою, и, кромѣ того, что мужчины не терпятъ, чтобы любимыя ими женщины въ чемъ-нибудь проявляли

благосклонность къ другимъ и т. п.,—то мы легко убѣдимся, что равное участіе въ управленіи мужчинъ и женщинъ сопряжено съ большимъ ущербомъ для міра. Но довольно объ этомъ.

Здѣсь рукопись обрывается.

Примѣчанія.

Глава I.

1. Ср. Machiavelli „Il Principe“ cap. XV, русс. перев. Роговина (М. 1910), стр. 74.

2. Спиноза имѣетъ въ виду Макіавелли. Какъ извѣстно первыми обличителями развитой М. теоріи власти были теологи: кардиналъ Поло, противникъ цезаропапистскихъ замысловъ Генриха VIII, осуществлявшаго, по мнѣнію кардинала, лишь программу Макіавелли, рукой котораго при написаніи „Князя“ водилъ самъ сатана, затѣмъ доминиканецъ Катарино и др. См. о нихъ Алексѣевъ „Макіавелли“ прим. 8. Ср. так. Эт. ч. IV, 51 схол.

3. Съ этими предварительными замѣчаніями С. о значеніи опыта при построеніи политической теоріи интересно сопоставить Hobbes, De Homine, cap. X: „Praeterea Politica et Ethica demonstrari a priore possunt“. Ср. так. Arist. Polit. lib. II, cap. II, 10.

4. Ср. Эт. ч. III, Введ.

5. Ср. ко всему этому Эт. ч. III, 1, ч. IV, 4, ч. III, 32 схол., ч. IV, прил. 13, ч. III, 31 корол., ч. IV 58 схол., ч. V 4 схол., 42 схол.

6. О понятіи fortitudo см. Эт. ч. III, 59 схол., о securitas ч. IV, прил. 14.

Глава II.

1. См. Богословско-полит. трактатъ гл. 16, Эт. ч. IV, 37 схол. 2, ч. II, 48 и 49 схол. Какъ видно изъ этого §, С. признавалъ тождественными точки зрѣнія „Богослов.-политическаго“ и настоящаго трактатовъ. Что это, однако, не совсѣмъ правильно, что, наоборотъ, эти два трактата (промежутокъ времени, раздѣляющій ихъ—12—20 л.) знаменуютъ различныя фазы въ развитіи полити-

ческой теоріи С.—превосходно показано Менцелемъ. См. Menzel, „Wandlungen in der Staatslehre Sp.“. Contra—Gebharat въ предисловіи къ послѣднему нѣмецкому переводу нашего трактата (Philos. Bibliot. Band. 95) s. XVI ff.

2. Объ отношеніи этого § къ Эт. ч. III, 4 и Эт. ч. IV, опр. 8 см. Camerer „Die Lehre S.“ s. 47.

3. По Гоббесу, наоборотъ, исполненіе закона природы предпочла гаетъfacultatem recte rationandi. См. De Cive, III, 25, 26.

4. Ср. Эт. ч. II, 48. О центральныхъ для всего этическаго ученія С. понятіяхъ actio и passio см. Эт. ч. III, опред. 3.

5. О понятіи individuum см. Эт. ч. II, Lem. 1—7. Обращаемъ вниманіе на это понятіе потому, что и общество людей, какъ единое цѣлое, подводится С. подъ него же, а не подъ понятіе persona (какъ Гоббесъ) см. Эт. ч. IV, 18 схол.

6. Настоящій § со словъ „Изъ чего слѣдуетъ“ воспроизводитъ § 9 гл. XVI Богосл.-полит. трактата. „Большею частью живутъ“ (maxima ex parte vivunt) Зигвартъ (Zigwart, Vergleichung der Rechts- und Staatstheorien des S. und des Hobbes, s. 4) правильно относитъ ко времени жизни до полнаго развитія разума. Ср. так. Богосл.-полит. трак. гл. XVI. 7.

7. При переводѣ терминовъ sui iuris и alieni iuris, съ которыми еще много разъ придется встрѣчаться въ дальнѣйшемъ, мы предпочли прибѣгнуть къ неологизмамъ „своеправный“ и „чужеправный“, нежели воспользоваться укоренившимися въ русской литературѣ по римскому праву выраженіями „самовластный“ и „подвластный“, вполнѣ покрывающими смыслъ данныхъ терминовъ, какъ обозначеній восполняющихъ другъ друга элементовъ familiae, и имѣющими прочное основаніе въ источникахъ (L. 4. D. De his qui sui et alieni 1, 6, L. 5 D. De adopt. 17 и др., см. также Pernice, Labeo s. 111). Руководило нами, главнымъ образомъ, то соображеніе, что введеніе въ подлежащее опредѣленіе понятіе sui или alieni juris слова „власть“ грозитъ превратить Спинозовскую формулу (jus = potentia или potestas), частнымъ приложеніемъ которой является настоящая терминологія, въ простое тождесловіе. Что касается описательныхъ выраженій, которыми пользуются русскіе и иностранные историки и переводчики для передачи этихъ терминовъ („самъ себѣ господинъ“, sein eigener Herr“, „the own master“), то, во-первыхъ, онѣ не передаютъ въ точности смысла, во-вторыхъ, рѣшаютъ вопросъ только на половину, именно для sui juris. Впервые обратилъ вниманіе на значеніе этихъ понятій въ С. концептѣ права и государства Менцель въ статьѣ: „Homo sui juris bei Spinoza“, въ появившейся въ „Zeitschr. für priv. und öffentl. Recht“ B. 32, къ которой и отсылаемъ читателя. Замѣтимъ только, что при исторіи этихъ

терминовъ въ томъ смыслѣ, который вкладываетъ въ нихъ С., слѣдовало имѣть въ виду, главнымъ образомъ, не однозвучныя выраженія римскаго права (т. к. смыслъ этихъ терминовъ у С. почти также чуждъ римскому, какъ familia, предложенная имъ для монархическаго государства, далека отъ римской семьи), а общее словоупотребленіе публицистической литературы 17-го вѣка. Здѣсь можно ограничиться указаніями на Винклера (Benedicti Vincleri, Principiorum juris libri quinque, Lipsiae 1615, lib. III, c. V), Гроція („De jure belli etc. lib. I, cap. III), Сальмазія (Salmasius, Defensio regia pro Carolo I, Paris 1649 cap. II). Имѣется этотъ терминъ и у Гоббеса. Далѣе Менцель упускаетъ изъ вида, что понятіе и терминъ „sui juris“ встрѣчается уже и въ Этикѣ (правда, только одинъ разъ), а именно ч. IV, введеніе.

8. Ср. Hobbes, De Cive, cap. II, 11.

9. Ср. Hobbes, De Cive, cap. I, 12.

10. Animal sociale=ζῷον συζῆν πεφυκός или φύσει ζῷον πολιτικόν (Aris. Eth. Nic. IX, 9, Polit. 1, 2, III, 6). Что С. приписываетъ знаменитую формулу Аристотеля схоластикамъ, конечно, не можетъ служить доказательствомъ его незнакомства съ оригиналами греческаго мыслителя (какъ утверждалъ Менцель „Wandlungen etc.“ s. 79). Въ библіотекѣ С. имѣлся латинскій переводъ Политики (см. Freudenthal, Lebensgeschichte Spin. s. 236). Ср. также Эт. ч. IV, 35 схол. и Duff, Spinoza's Political and Ethical philosophy, гл. II p. 141.

11. Въ противоположность Гоббесу, у котораго различеніе между populus и multitudo (равно какъ и между unio и concordia) принадлежитъ къ основоположнымъ идеямъ системы (De Cive, cap. VI, 1 Ann. и cap. XII, 8), С. нигдѣ не проводитъ различія между этими терминами. На этомъ основаніи мы сочли возможнымъ всюду передавать multitudo (собственно множество, πλῆθος) словомъ „народъ“ (Staatsvolk), конечно не въ смыслѣ національнаго единства.

12. См. Іеремія 18, ~~16.~~ 6

13. Ср. Эт. ч. III, 29 схол. Цитата, впрочемъ, не точна.

Глава III.

1. Ср. извѣстное мѣсто изъ Epist. 50: „Что касается политики, то различіе между мной и Гоббесомъ заключается въ томъ, что я оставляю естественное право навсегда неприкосновеннымъ и признаю, что въ каждомъ городѣ высшему правительству принадлежитъ въ отношеніи къ подданнымъ лишь столько права, насколько оно превосходитъ ихъ властью—что всегда имѣетъ мѣсто и въ естественномъ состояніи“. Несомнѣнно однако, что ни этимъ краткимъ замѣчаніемъ на обращенный къ нему вопросъ друга, ни менѣе извѣст-

нымъ мѣстомъ Теолог.-полит. тракт. гл. XVI, 34 Not. (только въ этихъ двухъ мѣстахъ С. и называетъ Гоббеса), Спиноза не думалъ исчерпать сложныхъ отношенiй къ своему литературному противнику-другу. Болѣе того, здѣсь не указано даже коренного различія, дѣлающаго изъ системъ Г. и С. два различныхъ типа политическаго мышленія. По нашему мнѣнію его слѣдуетъ искать съ формальной стороны въ методѣ (ср. прим. 3 къ гл. I), съ матеріальной—въ различномъ пониманіи договора, у Гоббеса играющаго творческую роль (онъ очень удачно уподобляетъ его божескому „fiat“), у Спинозы же болѣе напоминающаго Платонову „ὁμόνοια“, чѣмъ римскій contractus.

2. Гебгардтъ (s. 190, Anm.) высказываетъ предположеніе, что С. имѣетъ здѣсь въ виду Van Hove'а, цитирующаго на ст. 33 своей Polityke Weegeschaal слова Тацита: unum reipublicae corpus, uniusque animo regendum.

3. Ср. Hobbes De Cive VI, 13.

4. Секта, признававшая iura imperii peiora omni malo—меннониты, анархическая доктрина которыхъ сводилась къ полному отрицанію государственности и непротивленію злу (den booze niet te weerstaan). Принадлежность къ правительству исключаетъ возможность участія въ общинѣ Христа. См. о нихъ у Meyer'а, Wie sich Spin. zu Collegianten verhielt“ Ar. f. Gesch. d. Ph. 1902 г. s. 27, сопоставляющаго ихъ съ Толстымъ.

5. Въ полемикѣ Гоббеса съ Гроціемъ С. становится на сторону перваго. Ср. Hob. De Cive c. XIII, 7.

Глава IV.

1. Ср. Bodinus, De Republica lib. 1 cap. X (jura sive capita majestatis) и Hobbes, De Cive, cap. VI.

2. Своеобразное рѣшеніе С. центральной проблемы современной ему политической литературы: „An Princeps legibus solutus?“, интересно сопоставить съ Bodinus, De Repub, lib 1, cap. 8 и Hobbes, De Cive, cap. VI, 14 и cap. XII, 4.

Глава V.

1. Вмѣстѣ съ Гебгардтомъ и Леопольдомъ мы читаемъ: „Qualis autem *optimus* est cujuscumque imperii status“. Въ Богослов.-полит. тракт. цѣлью государства названа свобода („finis ergo reipublicae revera—libertas est). По мнѣнію Менцеля это замѣщеніе свободы миромъ, безопасностью и закономѣрностью свидѣтельствуетъ о до-

вольно рѣзкомъ измѣненіи во взглядахъ С., измѣненіи, объясняемомъ политическими событіями, которыя С. пришлось пережить (именно, убійство у него на глазахъ его друга Іоана де-Витта разсвирѣпѣвшей чернью [1672]).

2. По мнѣнію Леопольда, которому слѣдуютъ Гебгардтъ и Штейнъ, С. имѣетъ здѣсь въ виду Livius, XXVII, 12. Однако, намъ представляется болѣе вѣроятной ссылка на Макіавелли, „Princ." гл. XVI (рус. пер. стр. 82), о сильномъ вліяніи котораго говоритъ вся эта глава. См. „Discorsi sopra etc" lib. I c. 3 (le leggi gli fanno buoni) и 33.

3. С. полемизируетъ съ Гоббесомъ: см. De Cive, c. I, 12 и Lev. XIII.

4. Ср. Hobbes, De Cive, cap. 5, 12.

5. Сходныя сужденія о М. высказываютъ Баконъ и Руссо (Cont. soc. liv. III, ch. 6).

Глава VI.

1. Полемика съ Гоббесомъ (см. De cive, cap. X, 3 и 5) уравнивавшимъ положеніе дѣтей, рабовъ и подданныхъ.

2. Curtius Rufus, Historia Alexandri Magni X, 1, 37.

3. Ср. Макіавелли „Il Principe", c. XIX (рус. пер. стр. 88).

4. Гоббесъ, наоборотъ представляетъ каждому гражданину возможность выставить за себя наемнаго воина. Судя по способу его выраженія, онъ считаетъ это, повидимому, однимъ изъ „неотчуждаемыхъ" правъ гражданина. См. Lev. 21.

5. Для передачи „familia", обозначающимъ у С. довольно многолюдные союзы ярко выраженнаго публичнаго характера мы предпочитаемъ слово „родъ", „семьѣ". См. Ковалевскій „Отъ прямого народопр. къ представит. etc." т. II ст. 465 сл. Понятіе „familia" фигурируетъ и въ опредѣленіи государства у Бодэна, см. Bodinus „De Republica" l. I cap. I.

6. Huff (Die Staatslehre Sp., s. 22) правильно указываетъ на макіавеллевскій характеръ послѣдняго совѣта, см. Discorsi II, 23.

7. „Imperium indivisibile esse debet". Мы передаемъ: „Государство должно быть недѣлимымъ", Чичеринъ (Ист. полит. уч., т. II ст. 123): „Верховная власть должна оставаться нераздѣльной". Одна изъ трудностей, которыя пришлось преодолѣть при переводѣ, обусловливалась недостаточной выдержанностью у С. термина „imperium": съ одной стороны онъ уравниваетъ „imperium" съ „summa potestas" съ другой—пишетъ imperium sive civitas—понятія, очевидно, не совпадающія ни для современнаго юриста, ни для самаго С. Такимъ образомъ, при передачѣ приходится сообразоваться съ контекстомъ, выбирая каждый разъ переводъ, наиболѣе отвѣчающій

общей структурѣ даннаго мѣста. Что въ настоящемъ случаѣ С. беретъ imperium съ его объективной стороны, т.-е. какъ объектъ, а не субъектъ властвованія, явствуетъ, во-первыхъ, изъ, самаго положенія даннаго § среди основъ монархіи, во-вторыхъ, изъ его содержанія, затрагивающаго вопросъ престолонаслѣдія въ монархическомъ государствѣ (С. полемивируетъ съ вотчиннымъ взглядомъ на государство, нашедшимъ себѣ выраженіе Hobbes, De Cive, cap. IX, 12, 13). Далѣе, при иномъ, чѣмъ наше, толкованіи совершенно непонятна фраза: „nec ut indivisum omnibus tradatur“. Но какъ бы не понимать настоящій §, безусловно невѣрно утвержденіе Ковалевскаго (цит. соч. ст. 454): „Верховная власть для С., какъ и для Бодэна, недѣлима“ такъ какъ даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ смыслъ „imperium“ совпадаетъ съ понятіемъ верховной власти (какъ, напримѣръ, гл. III, 3) все же Спинозовское „imperium indivisibile“ совершенно неравнозначно Бодэновскому „individua majestatis natura“ (o. c. l. II, c. II). Вѣдь единственной формулой, подъ которой Бодэнъ считалъ возможнымъ подвести актъ перехода majestas отъ народа къ princeps'у есть donatio pura т.-е. чистое, безусловное дареніе, тогда какъ С. самъ называлъ основы монархіи „conditiones“, предостерегая противъ абсолютнаго перенесенія всей полноты власти на одно лицо. Поэтому Бодэнъ не усумнился бы отнести образцовую монархію С. къ „corruptiones reipublicae“. Тщетно было бы искать освѣщенія этого вопроса въ литературѣ; обыкновенно ограничиваются сужденіемъ по аналогіи съ Гоббесомъ. По нашему мнѣнію, однако, С. приближается здѣсь скорѣе къ Гроцію (o. c. lib. 1, c. III, 17) и къ тѣмъ ученіямъ о двойственной majestas (personalis et realis), которое въ его время имѣло многихъ и значительныхъ приверженцевъ среди нѣмецкихъ и голландскихъ юристовъ. См. о нихъ Gierke, Iohannes Althusius etc. s. 164 f. 2 Auf.

7. Эти основы отчасти воспроизводятъ современный С. строй Венеціи и Голландіи, отчасти являются выводами изъ волновавшихъ въ то время умы политическихъ событій. Изъ литературныхъ источниковъ кромѣ Гроція и Van-Hove'a можно было бы указать на писанія „монархомаховъ“. Описаніе (въ слѣд. гл.) арагонскаго королевства, въ которомъ С. видитъ нѣкоторое подобіе своей образцовой монархіи, въ многомъ удовлетворяетъ тому пониманію монархическаго принципа, которое предлагалось монархомахами. Центръ тяжести и устойчивости этого королевства С. видитъ въ учрежденіи „Совѣта семнадцати“, уподобляя его эфорамъ въ Спартѣ—а требованіе такого учрежденія, посредствующаго между королемъ и народомъ, есть черта общая всѣмъ (протестантскимъ) писателямъ этой группы и ведущая свое происхожденіе еще отъ Кальвина. См. Gierke, op. c. s. 57 f.

Глава VII.

1. Дан. 6.

2. С. цитируетъ первое изъ „Epistolae duae de ordinanda republica“—сочиненія, ложно приписываемаго Саллюстію.

3. Ср. Эт. ч. III, 29.

4. С. имѣлъ въ виду Curtius Rufus, VIII, 7, 11 (Цитаты изъ классиковъ указаны Леопольдомъ, см. Gebhardt, s. 193).

5. Цитата изъ Тацита, 1,36: „Prehensare manus, jacere oscula, et omnia servilia pro dominatione agere“.

6. Ср. Макіавелли „Principe“ с. XII (рус. пер. ст. 58).

7. Вновь цитата изъ Тацита, Historia 1, 25.

8. Антоніо Пересъ (Perez) (1539—1611) испанскій государственный дѣятель и небезызвѣстный писатель. С. имѣетъ здѣсь въ виду его книгу: „Jus publicum, quo arcana et jura principum exponuntur“, появившуюся въ Амстердамѣ въ 1657 г. Ср. так. Arist. Polit. lib. V, c. 9.

9. Ср. Макіав., „Princ“. c. XIV (рус. пер. с. 71).

10. Ср. Baco „De dignitate et augm scient. lib. VIII, c. 4.

11. Тацитъ, Hist. II, 84.

12. Цитата изъ Теренція, Adelph. v. 823.

Duo quom idem faciunt saepe ut possis dicere
Hoc licet inpune facere huic, illi non licet
Non quo dissimilis res, sed quo is qui facit.

13. Ср. съ этимъ § Макіавелли „Discorsi etc“ lib. I, cap. 58, почти совпадающая съ нимъ по содержанію.

14. Полемика съ Гоббесомъ, см. De cive cap. X, 14.

Глава VIII.

1. Вмѣстѣ съ Мейеромъ и Гебрардтомъ мы читаемъ „ex nullis“, а не „ex ullis“.

2. Что подъ иниціалами V. H. скрывается извѣстный голландскій публицистъ Van-den Hove (de la Court, 1618—85), другъ великаго пенсіонарія Голландіи Іоанна де-Вита и литературный истолкователь его политической программы,—впервые, насколько намъ извѣстно, указано Pollok'омъ (Spinoza, his life and philosophy, 1880 p. 338). Вотъ полное заглавіе сочиненія, которое имѣетъ въ виду С. и не только въ данномъ мѣстѣ, но, какъ доказано Гебгардтомъ, и на всемъ протяженіи своего трактата, во многомъ съ нимъ соглашаясь: „Consideratien van Staat ofte Polityke Weeg-Schaal, Waar in meet veele Reedenen, Omstandigheden, Exempelen en Fabulen werd ooverwoogen; Welke forme der Regeeringe, in Speculatie geboud op de practjck, onder de menschen de beste zy. Beschreven door V. H. Amst.

1661". Какъ явствуетъ изъ пространнаго заголовка, цѣлью сочиненія является сравнительная оцѣнка различныхъ формъ политическаго устройства. Самъ V. H. склоняется къ аристократіи съ сильнымъ демократическимъ оттѣнкомъ.

3. Эту религію „sincplicissima et maxime catholica" С. сводитъ въ гл. 14 Богосл.-Полит. трактата къ семи основнымъ положеніямъ. I. Существуетъ Богъ, т.-е. верховное Существо, въ высочайшей степени справедливое и сострадательное, или образецъ истинной жизни. II. Онъ единъ. III. Онъ вездѣсущъ или для него нѣтъ тайнъ. IV. Все подчинено его верховному праву или господству. V. Культъ Бога и повиновеніе ему заключаются единственно въ справедливости и любви къ ближнему. VI. Всѣ, повинующіеся Богу такимъ образомъ, спасутся, остальные же, живущіе подъ властью страстей, обречены на погибель. VII. Богъ отпускаетъ грѣхи кающимся. Въ этомъ стремленіи свести все разнообразіе позитивныхъ религій къ немногимъ общимъ имъ всѣмъ положеніямъ, долженствующимъ объединить умы и положить предѣлъ разнотолкамъ, С. не стоитъ одиноко. Мы имѣемъ въ виду не столько такія раціоналистическія секты, какъ коллегіанты, среди которыхъ у С. было много друзей, (ибо даже ихъ „Algemeene Kerk" обнимала только христіанъ, см. Meyer, Wie sich Sp. zu Colleg. verhielt", Arch. f. Ges. d. Phil. 1902, s. 263), сколько чисто-философское ученіе замѣчательнаго англійскаго мыслителя лорда Гербера Чербери объ „естественной религіи", которую онъ сводилъ къ пяти положеніямъ, весьма близкимъ по содержанію къ Спинозовскимъ (о немъ Роговинъ, „Деизмъ и Д. Юмъ" стр. 16 сл.). Поэтому, новостью въ проектѣ С. является лишь государственность этой простой и исконной религіи. О близости такого предложенія къ идеѣ „religion civile" Руссо, см. Menzel „Wandlungen etc." s. 71 ff.

4. О томъ насколько отразился на „основахъ" этой формы аристократіи строй венеціанской и генуэзской республикъ см. Ковалевскій ц. соч. т. 2 ст. 482. Предположеніе Ковалевскаго, что С. при написаніи этой главы „имѣлъ передъ глазами трактатъ Джаноти „О венеціанской республикѣ" представляется намъ излишнимъ, такъ какъ этотъ трактатъ былъ широко использованъ Van-Hove'омъ.

Глава IX.

1. О значеніи этого § въ развитіи идеи союзнаго государства (Bundesstaat) см. Menzel „Homo sui juris etc" s. 23,4. Ср. также Arist. Polit. VII, с. 3.

2. Основы данной формы аристократіи во многомъ воспроизводятъ современные С. порядки Голландіи и Нидерландовъ.

Глава X.

1. Эллингеръ (Ellinger, Die antiken Quellen der Staatslehre Machiavelli, Z. f. d. ges. Staatsw. B. 44 s. 20) думаетъ найти источникъ ученія Макіавелли о riduzione verso il principio еще у Саллюстія (de conjurat. Catil. II) и Аристотеля (Polit. VIII, 7, 16). И. Баконъ не только принимаетъ это ученіе, но вводитъ его даже въ составъ philosophia prima см. „De dignitate et augm. scient.“ lib. III, cap. I.

2. Cic. ad Quint. frat. III, 8, 4.

3. Ср. Макіавелли „Il Principe“, с. III (рус. пер. с. 13).

4. См. Hobbes, De Cive, Cap. XIII, 14.

